И 304/332

И 304/332
801-93 рб
1909-5

МАТЕРІАЛЫ КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ
СТАРОЙ ЧУВАШСКОЙ ВѢРЫ.

СОБРАНЫ

ВЪ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТНОСТЯХЪ

КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ

В. МАГНИТСКИМЪ,

Членомъ-сотрудникомъ Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Изданіе Коммиссіи Миссіонерскаго противомусульманскаго Сборника при Казанской Духовной Академіи.

КАЗАНЬ

Типографія Императорскаго Университета

1881.

Отъ Казанскаго Комитета Духовной цензуры печатать дозволяется. 4 апрѣля 1881 г.

Цензоръ, Профессоръ Казанской Духовной Академіи *И. Порфиръевъ.*

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
11553.45

2007056285

Къ событіямъ, вызывающимъ у Чувашъ проявленія религіозныхъ вѣрованій, относятся: во 1-хъ починъ и окончаніе земледѣльческихъ и другихъ хозяйственныхъ предпріятій; во 2-хъ болѣзни и смерть людей и домашняго скота; въ 3-хъ родины; и въ 4-хъ женитьба. Въ этомъ порядкѣ я и буду излагать собранные мною „Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры", предпославъ имъ объясненіе значенія: „киреметь" и „йомзя"; при чемъ, въ виду сходства многихъ чувашскихъ вѣрованій и обрядовъ съ таковыми же—Татаръ, Черемисъ и частію Русскихъ, для сравненія буду приводить болѣе или менѣе подробныя описанія ихъ у тѣхъ и у другихъ, и указывать извѣстные мнѣ источники для того.

Предлагаемые „Матеріалы" собраны были мной частію путемъ непосредственныхъ разспросовъ Чувашъ и другихъ лицъ въ восточной половинѣ Чебоксарскаго уѣзда, болѣе же извлечены изъ рукописей, обязательно составленныхъ для меня учителями—чувашами: Чебоксарскаго уѣзда: деревни Масловой (Кивьял) Андреемъ Егоровымъ, — Чешламы Михаиломъ Ивановымъ Орловымъ,—Малой Карачевой (Сядырга) Кузьмой Изотовымъ Мухинымъ и Ядринскаго уѣзда, деревни Тухур Тага, Мало - Шатминскаго прихода, Григорьемъ Филипповымъ (нынѣ священникъ села Старыхъ Шигалей, Цивильскаго уѣзда).

Настоящій трудъ былъ оконченъ мной, за исключеніемъ перевода части чувашскаго текста, въ началѣ 1877 года и представленъ чрезъ руководителя Казанскаго Миссіонерскаго Пріюта, покойнаго Н. И. Золот-

ницкаго на бывшій въ томъ году въ Казани IV Археологическій Съѣздъ. Изъ Съѣзда рукопись перешла въ вѣдѣніе открывшагося послѣ него при Казанскомъ Университетѣ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, Совѣтомъ коего въ 1879 г. была предназначена къ помѣщенію въ предположенномъ Обществомъ для изданія Сборникѣ трудовъ членовъ, и для редакціи передана тому же Н. И. Золотницкому; но за смертію его, 14 мая 1880 года, въ декабрѣ найдена въ посмертныхъ его бумагахъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она ему была переслана въ 1877 году. Это обстоятельство, недостаточное мое знакомство съ чувашскимъ говоромъ и совершенное незнаніе языковъ татарскаго и арабскаго, необходимое при изученіи быта Чувашъ, вынудили меня просить Совѣтъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи передать „Матеріалы для изданія въ Коммиссію по изданію Миссіонерскаго Противомусульманскаго Сборника при Казанской Духовной Академіи. На средства этой Коммиссіи они и издаются.

Въ заключеніе предисловія считаю долгомъ выразить признательнѣйшую благодарность, какъ названнымъ выше сотрудникамъ моимъ, такъ въ особенности преждевременно скончавшемуся Н. И. Золотницкому. Покойнымъ Н. И. Золотницкимъ сдѣланъ для меня переводъ значительной части вошедшихъ въ „Матеріалы“ чувашскихъ молитвъ и объяснено значеніе отдѣльныхъ старинныхъ чувашскихъ словъ, кромѣ того я щедро пользовался отъ него совѣтами и указаніемъ источниковъ, благодаря чему рукопись разрослась до непредвидѣнныхъ размѣровъ. Членомъ Коммиссіи по изданію Миссіонерскаго Противомусульманскаго Сборника и Руководителемъ Миссіонерскаго Пріюта, протоіереемъ Е. А. Маловымъ редактирована вся рукопись снова; имъ же, при посредствѣ Чувашъ: проживающаго въ Миссіонерскомъ Пріютѣ крестьянина околодка Толбай Касы, Богатыревскаго прихода, Ядринскаго уѣзда, Никиты Ефимова и приглашавшагося въ М. Пріютъ

крестьянина села Абашъ, Чебоксарскаго уѣзда, Василья Якимова, сдѣланъ переводъ на русскій языкъ тѣхъ чувашскихъ молитвословій, кои доставлены были безъ перевода собирателями и остались непереведенными покойнымъ Н. И. Золотницкимъ; объяснены нѣкоторыя слова въ чувашскихъ текстахъ по аналогіи съ словами татарскаго, арабскаго и еврейскаго языковъ. Наконецъ, со словъ названныхъ Чувашъ, Никиты Ефимова и Василія Якимова сдѣлано значительное количество пояснительныхъ вставокъ и даже цѣльныхъ описаній, равнымъ образомъ пополнились эти „Матеріалы оставшимися послѣ Н. Ив. Золотницкаго свѣдѣніями, заключавшимися въ нѣкоторыхъ письмахъ къ нему учителей—Чувашъ.

В. Магнитскій.

Казань. 1881 г.
4 марта.

I.

Киреметь.

„Какъ иногда въ устахъ нѣкоторыхъ миссіонеровъ всѣ шаманскія воззрѣнія инородцевъ вмѣстѣ съ молитвенными обращеніями и жертвенными приношеніями верховному Божеству и служебнымъ духамъ, обобщаются подъ названіемъ „служенія дьяволу“; такъ и въ сочиненіяхъ авторовъ, описывающихъ бытъ Чувашъ и Черемисъ, тоже самое именуется „поклоненіемъ киреметѣ“; а въ болѣе подробныхъ изслѣдованіяхъ религіознаго состоянія Чувашъ безразлично употребляются или перемѣшиваются слова: „боги, духи, киремети, и ирихи“ и т. п. Это зависитъ частію отъ неимѣнія лингвистическихъ познаній (1), частію отъ недостаточнаго знакомства съ основаніями „черной вѣры“, а всего болѣе отъ путаницы въ религіозныхъ понятіяхъ самихъ Чувашъ,—путаницы, свойственной всякому вѣрованію, не имѣющему методически—научнаго основанія. А насколько эти понятія перепутаны и сбивчивы—можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Слово киреметь, сопоставляемое съ арабскими—хўрмет—не прикосновенное, священное и керамет—чудо, дѣлаемое святыми, у Чувашъ составляетъ имя „высшаго существа въ царствѣ злыхъ духовъ“—убитаго людьми и за то озлобленнаго на нихъ, старшаго сына верховнаго Бога (кромѣ этого у Чувашъ много другихъ легендарныхъ сказаній о происхожденіи киремети); этимъ же именемъ, съ прибавленіемъ мѣстныхъ и качественныхъ эпитетовъ, называется и все неисчислимое злобное потомство Киремети, обитающее въ деревьяхъ и оврагахъ; тоже названіе въ переносномъ значеніи „духа“ употребляется въ обращеніи къ добрымъ духамъ—*ыра киреметьсэм!*—„добрые кире-

(1) Замѣчательно въ этомъ отношеніи выраженіе одного миссіонера: „и крещеный черемисинъ еще покланяется *своему Юмы*“! а черемисское слово Юма, Юмо по-русски значитъ: Богъ.

мети!": наконецъ этимъ же самымъ словомъ называются и самыя „мѣста поклоненія и жертвоприношеній" киреметямъ" (1).

Попытка самихъ Чувашъ и Черемисъ объяснить значеніе и происхожденіе „Киремети" безъ помощи науки породила у нихъ множество легендъ, изъ коихъ извѣстны напр. слѣдующія:

Во время сильной грозы одна чувашка въ деревнѣ *Масловой* сидѣла у себя въ избѣ и, глядя въ окно на тучу, увидѣла, что впередъ тучи идетъ человѣкъ. Человѣкъ этотъ неожиданно взошелъ къ чувашкѣ въ избу и попросилъ ее спрятать его подъ лавку и объ этомъ, если кто будетъ спрашивать, никому не сказывать. Чувашка согласилась, спрятала пришедшаго къ ней человѣка и опять сѣла у окна. Вскорѣ послѣ того, входитъ къ ней еще человѣкъ и спрашиваетъ, не видала ли она шедшаго передъ тучей человѣка? Чувашка отвѣтила: нѣтъ! и въ свою очередь спросила вошедшаго: кого онъ ищетъ, и кто онъ самъ? На это ищущій отвѣтилъ: „Эпь Тора! ширедэп Киремеде"—я Богъ! Ищу Киреметь. Услыхавъ такой отвѣтъ, чувашка еще болѣе начала увѣрять спрашивавшаго, что она никого не видала. Ай, Тор, Тор, чинах сьок, эпь корман! Ай, Господи, Господи, право нѣтъ, я не видала! Богъ повѣрилъ и ушелъ. По уходѣ Бога, Киреметь изъ подъ лавки вышла и сказала чувашкѣ: ты меня спасла отъ смерти, теперь накорми меня! Чувашка спросила: чѣмъ же я тебя накормлю? Масляной кашей! Чувашка сварила кашу. Киреметь поѣла и опять легла спать подъ лавку. На другой день Киреметь велѣла сварить чувашкѣ утку. Чувашка не послушалась. Киреметь за это на чувашку осердилась, избила ее до полусмерти и скрылась. Чувашка отъ побой киремети захворала. Вернувшійся домой мужъ чувашки, распросивъ ее, что съ нею случилось, вскорѣ снова ушелъ въ другую деревню въ работники. По уходѣ мужа, къ чувашкѣ

(1) О жертвенныхъ приношеніяхъ чувашъ. Каз. Губ. Вѣд. 1875 г. № 100.

снова пришла Киреметь и говоритъ ей: свари лучше утку,—выздоровѣешь, а не то умрешь. Чувашка кое-какъ встала съ постели, заколола утку, сварила ее и накормила Киреметь. Поѣвши, Киреметь опять куда-то ушла, а чувашка начала поправляться—выздоравливать. Киреметь пришла въ третій разъ къ ней и съѣла гуся, въ 4-й—барана, въ 5-й—быка, въ 6—лошадь. Уходя отъ чувашки въ послѣдній разъ, киреметь сказала ей, если она еще когда заболѣетъ, то сварила-бы кашу, а если отъ этого не будетъ лучше, то утку, гуся, барана, быка, лошадь, и что съ этого времени чувашка будетъ ей, Киремети, помощницей—будетъ йомзить (гадать, ворожить), когда будутъ люди хворать; а про себя киреметь сказала чувашкѣ, что она будетъ жить на всякой высокой горѣ, въ оврагахъ, лѣсахъ....

По уходѣ Киремети, выздоровѣвшая чувашка стала всѣмъ говорить, что она знаетъ, отъ чего люди хвораютъ и отъ чего могутъ выздоравливать. Съ этого-же времени и стали ходить къ ней за совѣтами; за эти совѣты чувашка стала получать со всѣхъ по денежкѣ (перь окся). Въ своихъ совѣтахъ она рекомендовала, кому въ честь Киремети сварить кашу, кому утку, гуся и т. д. до лошади. Въ настоящее время (по словамъ А. Егорова, доставившаго мнѣ настоящую легенду), Чуваши нерѣдко ругаютъ своихъ женъ такой бранью:

„Эзер шойтана сагайнэ пыдарза йолны Тор-ран; сагайнчэнь тохсан пуду ниверзэ баны; сявынба Киреметь полны; агаль Киреметь полас сьок.“

„Это вы сохранили шайтана, спрятавши его отъ Бога въ подполье; когда онъ вышелъ изъ подъ-пола, вы, сваривши кашу, (ему) дали; отъ этого явилась киреметь; иначе, киремети не было бы“!

Подобная легенда про Киреметь разсказывается и Черемисами. „Одна черемиска пошла на озеро мыть бѣлье. Въ ея отсутствіе, приходитъ къ ней въ домъ киреметь, въ видѣ черемисина, и заваливается на полати. Воротясь домой, и увидѣвши киреметь, хозяйка

начала гнать ее вонъ. Но она нейдетъ.... Она взяла палку и начала ее бить. Та схватила хозяйку за шею и стала душить, и при этомъ объявила, что она до тѣхъ поръ не уйдетъ изъ дому, пока она не накормитъ ее блинами. Дѣлать нечего.... Черемиска приготовила блины. Но киреметь наѣвшись, опять залѣзла на полати. И на другой день опять объявила ей, что она уйдетъ, если она зарѣжетъ для нее и ожаритъ пѣтуха. Но киреметь поступила опять по вчерашнему, и ушла изъ дому только догда, когда она заколола для нее лошадь" (1).

По другой легендѣ, разсказанной мнѣ ямщикомъ-чувашиномъ изъ деревни Осинкиной (Миньгышь), карачевскаго прихода, виновникомъ происхожденія Киреметя былъ богатый некрещенный чувашинъ, захватившій себѣ множество разныхъ земельныхъ угодій и тѣмъ до крайности стѣснившій другихъ. Когда выведенный изъ терпѣнія міръ сталъ богачу на это жаловаться, то богачъ, чтобы удержать землю за собой, схитрилъ такимъ образомъ: на всѣхъ четырехъ углахъ своихъ владѣній вырылъ по погребу, посадилъ въ три изъ нихъ по сыну, а въ четвертый-работника и затѣмъ закрылъ ихъ такъ, чтобы посторонніе не могли примѣтить присутствія ихъ. Послѣ того, приведши народъ (міръ) на свои земельныя владѣнія, началъ спрашивать землю, чья она? На это изъ-подъ земли явственно послышалось имя завладѣвшаго землей богача.

Міръ богачу повѣрилъ. Впослѣдствіи оказалось, что сыновья богача съ работникомъ въ погребахъ по-

---

(1) Нѣсколько словъ о вліяніи черемисскаго общества на живущихъ въ немъ русскихъ крестьянъ въ религіозномъ отношеніи—Ф. Земляницкаго. Извѣс. по Казан. Епар. 1874 г. № 7 й. Сравн. Темная сила въ воображеніи луговаго черемисина. Нѣсколько словъ по поводу языческихъ суевѣрій крещеныхъ черемисъ Царевококшайскаго уѣзда. Изв. по Казан. Епарх. 1871 г. №№ 8 и 23. Черемисы малмыжскаго уѣзда, Вят. губ., считаютъ киреметь пришедшею къ нимъ отъ татаръ. См. Четыре дня у черемисъ во время сюрема. Спб. 1879 г. С. К. Кузнецова. Стр. 48. Такъ же И. М. Софійскаго: О киреметяхъ крещеныхъ татаръ Казанскаго края. Изв. по Казан. Епарх. 1877 г. № 24.

мерли, въ наказаніе отцовской жадности; а на то мѣсто, гдѣ это случилось, народъ сталъ ходить молиться въ благодарность за смерть сыновей богача. Имя богача разскащикъ назвалъ *Мыгытъ* (1). Въ деревнѣ Масловой, по словамъ А. Егорова, богачь называется—Сорымъ; мѣсто жительства его было въ Ядринскомъ уѣздѣ. Легенда о Сормпнской кпремети, разсказанная мнѣ А. Егоровымъ за долго до приведенной, была доставлена въ редакцію Казан. Губерн. Вѣдомостей и тамъ напечатана (2); но, оказывается, неполно. По доставленнымъ мнѣ А. Егоровымъ вновь свѣдѣніямъ, у Сорыма была жена. Узнавъ, что дѣти ея, вслѣдствіе наказанной жадности мужа, умерли, она на мужа осердилась и потребовала у него развода. Мужъ согласился и выдѣлилъ женѣ половину имѣнія съ тѣмъ, чтобы она на эти средства выстроила себѣ домъ на могилѣ младшаго сына, а въ мужья къ себѣ взяла, кого полюбитъ; самъ же, женившись на другой, поселился на могилѣ старшаго сына.

Тожественная съ послѣдней легендой, разсказывается легенда горными Черемисами въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ (3), гдѣ богачь называется *Макаромъ*.—

Двѣ легенды о происхожденіи Кпремети напечатаны въ Каз. Епарх. Изв. по рукописи Священника села Усытья, Ядринскаго уѣзда, А. Земляницкаго—одна со словъ отставнаго солдата другая простаго чувашина, которыя я здѣсь и приведу кстати.—

1) Кпреметь—это бѣглый баринъ. Вишь ты, разсказываетъ солдатъ Священнику,—у Бога былъ этотъ баринъ начальникомъ, но вздумалъ воспротивиться Ему и бѣжалъ отъ Него. Богъ послалъ разъискивать его. Три года искали бѣглеца и—пашли. Стали его судить въ судѣ Божіемъ. Судьи присудили его посадить въ

(1) Въ Ядринскомъ уѣздѣ богачь называется *Хыдымъ*.

(2) Чувашская легенда о происхожденіи Сормпнской Кпремети. Казан. Губ. Вѣд. 1870 г. № 87.

(3) Бесѣды Молярова. См. Извѣст. по Казан. Епарх. 1873 г. Стр. 251—254. Сравн. Невидим. міръ... Черемисъ. П. Золотницкаго. Казань. 1877 г. стр. 15.

тюрьму на весь вѣкъ. Богъ нашелъ такое наказаніе тяжелымъ и говоритъ судьямъ: „слушай, ребята, пусть будетъ всякій овражекъ и лѣсокъ его мѣстомъ, и что принесутъ ему—деньги—ли, овцу—ли, тѣмъ и живетъ.“ Какъ присуждено, такъ и сдѣлано. Баринъ поселился въ оврагѣ и сталъ вредить людямъ; люди начали ему приносить деньги и животныхъ. Это родопальникъ всѣхъ киреметей. Потомъ онъ женился и народилъ дѣтей, и развелось племя его до безконечности. Потому-то киреметей теперь и много, и каждый потомокъ этаго бѣлаго барина имѣетъ свой особый оврагъ или лѣсъ, и Чуваши, чтобы задобрить этихъ потомковъ, приносятъ имъ жертвы.—

2) У одного мужика было три сына. старшій изъ нихъ захотѣлъ жениться и началъ упрашивать отца, чтобы онъ женилъ его. Отецъ былъ человѣкъ не глупый и не рѣшился женить сына, не спросясь Бога. И вотъ, онъ пошелъ къ Богу. Но Богъ не позволилъ ему женить сына до слѣдующаго года. Отецъ объявилъ волю Божію своему сыну, но тотъ не повѣрилъ старику, и послалъ къ Богу въ другой разъ. Богъ сказалъ опять тоже. Сынъ въ третій разъ посылаетъ отца къ Богу. Богъ разгнѣвался и сказалъ старику: „ну, если сынъ хочетъ жениться, то въ оврагѣ есть ему невѣста.“ И въ это время черти утащили сына этаго старика въ оврагъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ невидимъ для человѣческаго глаза.—Теперь хоть онъ и женатъ, но есть ему нечего. И вотъ онъ самъ приходитъ къ Богу и проситъ, чтобы онъ далъ ему пищу, и Богъ назначилъ ему въ пищу кровь животныхъ, которыя будутъ закалаемы. Долго онъ питался такою пищею; но однажды какой—то мужикъ, зарѣзавъ корову, слилъ кровь въ посуду и съѣлъ ее самъ. Разгнѣванный этимъ сынъ старика приходитъ къ Богу съ жалобою, что отнимаютъ у него пищу. Богъ сначала возразилъ ему: „зачѣмъ же ты отдаешь ее людямъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „радъ бы не давалъ, да насильно отнимаютъ.“ Богъ на это сказалъ: „ну, такъ и быть, Я отдаю и душу

и жизнь животныхъ, и кто тебѣ не будетъ приносить жертвъ, тому ты можешь дѣлать всякое зло.“ Вотъ отсюда и вышла кирметь, а отъ нея произошли дѣти, и, чтобы задобрить ихъ, Чуваши и приносятъ имъ жертвы“(1).

Изъ нижеслѣдующаго преданія объ основателяхъ деревень Буяновой (Подгорная, Пуян-касы) и Китькеевой (Сугут-бось), Янтиковскаго прихода, Архангельско-Янтиковской волости, Цивильскаго Уѣзда, между прочимъ видно, что мѣста жительства киреметей въ старину обгораживались.

Одинъ богатый черемисинъ, осердившись на отца и мать, убѣжалъ изъ дому, причемъ захватилъ съ собой много денегъ, на которыя, по переѣздѣ черезъ Волгу, купилъ козу и лодку. Встрѣтившійся съ нимъ въ горной сторонѣ, чувашинъ заманилъ его съ собой по рѣкамъ Свіягѣ и Кубнѣ на рѣчьку Сугутку, на берегу который черемисинъ остался и основалъ селеніе, получившее впослѣдствіи названіе Пуян-касы (Буянова)-деревня богатаго отъ того, что чувашинъ видѣлъ у черемисина дорогой много денегъ (2), а чувашинъ ушелъ отъ него версты на двѣ выше по рѣчькѣ Сугуткѣ, гдѣ основалось селеніе Сугут-бось (Вершина Сугутки), иначе—Киткеева (3). У основателя деревни Кит-

---

(1) Легенды Чувашъ о Киремети. Изв. по Казан. Епарх. 1869 г. № 3.

(2) Въ Алексѣевскомъ приходѣ, Чебоксарскаго уѣзда, есть черемисская деревня Яльчики (Деушева) основателемъ которой считается чувашинъ Деушъ изъ села Яльчикъ. См. Археологическія достопримѣчательности во 2 станѣ чебоксарскаго уѣзда. Казан. Губ. Вѣд. 1874 г.

(3) Подъ этими названіями селенія нѣтъ ни въ изслѣдованіяхъ П. И. Вечеслава: Экономическій бытъ крестьянъ Казан. губ., Цивильск. уѣз. Труды Казан. губ. стат. комит. Вып. 1-й и 2-й 1871 г. стр. 23; Естественное приращеніе сельскаго населенія Казанской губерніи по приходамъ, съ обозначеніемъ племяннаго его состава и отношеній между полами.—Томъ 1-й. Казань 1875 г., ни въ изданіи Казанскаго окружнаго суда: Свѣдѣнія о числѣ верстъ отъ селеній и посадовъ до губернскаго, уѣзднаго и заштатныхъ городовъ Казанской губерніи. Казань 1876 г., хотя оно дѣйствительно существуетъ. Кромѣ пропусковъ, въ обоихъ изданіяхъ, названія инородческихъ селеній до крайности искажены.—

кеевой впослѣдствіи родился сынъ Иванъ, прозванный Коштанъ Иванъ. Этотъ послѣдній, между прочимъ, на горѣ близь своей деревни обнесъ оградой, въ сажень вышиною, площадь въ три десятины длиною и шириною, внутри которой поставилъ столъ, скамьи и стулъ подъ названіемъ „Киреметь погань“ (стулъ, сѣдалище киремети), и сталъ сюда созывать народъ для жертвоприношеній, разъ въ годъ, въ пятницу. За недѣлю и раньше до наступленія годичной пятницы, Коштанъ Иванъ, называвшій самого себя киреметью, ходя по деревнѣ, объявлялъ:

„Киреметь алык озьлать эрне-гон. Сыра-ба, эрекпэ, яшка, сьукур-па, окся-ба бырыр! Хирь-арымзам, пирь, сорбан, сьипь изэ-бырыр! тага-пудэкъ хор, квагал изэ-бырыр; пыл, пыл, сыры изэ-бырыр! сяк ябала-зэм изэ быман сьин, мана анупкелэр“!

„Дверь киремети отворяется въ пятницу. Съ пивомъ, виномъ, яшкой (со щами), хлѣбомъ, и деньгами приходите! Женскій полъ, взявши холстъ, полотенцы, нитки, приходите! взявши съ собой барана, гуся, утку приходите! меду, медоваго пива взявши приходите! Если кто не принесетъ этихъ вещей, на меня не гнѣвайтесь“.

Приносившіе перечисленныя вещи, ставя ихъ на столъ, произносили:

Сьырлах киреметь! санын алык озэлны; сирэ кильдэм; ырлых, сывлых пар! яшка, сьукур-ба, сыра-ба кильдем. Сьырлах чук!

Киреметь помилуй! когда твоя дверь отворилась, тогда я пришелъ; дай добра и здоровья. Я пришелъ со щами, хлѣбомъ, и пивомъ. Чукъ (духъ жертвы) помилуй!

По сборѣ всей деревни, Коштанъ Иванъ читалъ молитву:

Е эньдэ перь киреметь сьырлах! Сяк халыга анбрах! ырлых, сывлых, пар! Вылига, акны тырра, килэ—сьорга, ачизэнэ, мола перегеть пар! Пана сьирьди анпалырдыр: ильны сьирди ан ыксыльдэр! Кам мана хизеплеть, она хизэплэ, кам мана хизэплэмес, она анхизэплэ! Сьырлах, анбрах чук! Амин.

Теперь единая киреметь помилуй! Этого народа не оставь! дай добра-здоровья! Скоту, посѣянному хлѣбу, домамъ, дѣтямъ, деньгамъ благодатьдай! Откуда дается, пусть будетъ не замѣтно; гдѣ берется тамъ пусть не убываетъ. Кто меня почитаетъ, того почти, а кто меня не почтетъ, тому отомти. Чукъ помилуй, не оставь. Аминь.

Трижды поклонъ. Послѣ молитвы начинался обѣдъ и пьянство. Все, оставшееся отъ обѣда, доставалось въ пользу Коптана Ивана. Захваченная имъ подъ Киреметь земля до 1867 года находилась во владѣніи его родственниковъ, а въ этомъ году она у нихъ отобрана міромъ, раздѣлена и распахана.

Въ Цивильскомъ уѣздѣ, по сообщенію чувашина села Абашъ чебоксарскаго уѣзда, Василія Якимова на шихазанскомъ тракту находится деревня „Сорымъ“; въ ней чуваши, ѣдущіе въ Шихазаны всегда ночуютъ; по имени деревни „Сорымъ“ есть „Киреметь“, которая считается самою главною киреметью „Сорымъ Киреметь“ (1). Въ честь этой киремети въ Чебоксарскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ почти въ каждой деревнѣ собирается, особо назначенными въ каждой деревнѣ сборщиками, хлѣбъ (мукою), солодъ, крупа, хмѣль всевозможные продукты и деньги, потомъ изъ собраннаго матеріала варятъ пиво, покупается водка, медъ и лакомства, собирается въ назначенный день въ каждой деревнѣ и селѣ сборище и дѣлаютъ празднество въ честь „Сорымъ Киремети“ (2), которую просятъ въ это время, чтобы

(1) Главное моленье „Сорымъ Киремети“ бываетъ черезъ два или три года.

(2) Корневой чувашско-русскій Словарь И. Ив. Золотницкаго. Казань 1875 г. стр. 62.

она не допустила града, несвоевременныхъ для хлѣба дождей и вообще способствовала урожаю всѣхъ плодовъ и хранила бы всѣхъ ихъ отъ разныхъ напастей. Это празднество дѣлается, кромѣ общественнаго, и семейнымъ образомъ, смотря по состоянію. Бѣдныя семейства покупаютъ калача—(хлѣба), вина и меду; вино мѣшаютъ съ медомъ и по домашнему должны, въ каждомъ семействѣ, приносить моленіе отдѣльно отъ бывшаго моленія общественнаго.—

Между г. Чебоксарами и селомъ Ишаками протекаетъ рѣка „Ершу“, на которой стоитъ деревня „Моськѣ-Кассы“ (¹). Близь этой деревни есть лѣсъ подъ горою и родникъ, гдѣ считается мѣстопребываніе „Киремети“. Къ этой киремети пускаются живыя утки, куры, разныя куклы, жестянки блестящія, иногда и молодыя козлята, и для этого ловятся вмѣсто домашней птицы маленькія птички „Синицы“, убиваются и бросаются въ родникъ. также бросаются серебряныя монеты и кромѣ того пускается рыба „Щука“, хотя не живая, и если не случится кому либо купить большой „щуки“; то добиваются купить хотя одну голову большой щуки и эта голова бросается также въ этотъ родникъ. (Если сосѣди имѣютъ между собою вражду, то одинъ изъ нихъ старается у своего противника оторвать кусочекъ отъ какой нибудь вещи и, завязавъ въ оторванный кусокъ камень, бросаетъ въ родникъ, дабы Киреметь мстила тому лицу и наводила на него болѣзни и корчи. Щука же пускается, по ихъ убѣжденію. для того, что она можетъ вытащить всѣ враждебно оторванные кусочки отъ вещей и брошенные съ камнемъ въ воду, чѣмъ прекращаются наводимые керметью скорьби. Этому Чувашъ научаютъ ворожеи, и если кто болѣетъ, или съ кѣмъ случается какое либо несчастіе. то ворожецъ объясняетъ. что это наведено сосѣдомъ враждующимъ).

(¹) У кого не живутъ дѣти, тотъ даетъ имя новорожденному Моськѣ—черная собака. Если-де дѣти не живутъ съ именами въ честь людей, то пусть-де живутъ въ чести собаки, говорятъ Чуваши.

Мѣсто жительства киремети считается священнымъ, и Чуваши подходятъ къ нему съ трепетомъ (боязнію) (1). Даже далѣе чѣмъ за версту считается все мѣсто священною принадлежностью киремети, гдѣ и можно находить восковыя свѣчи, монеты, холстъ и полотенцы, привязанныя къ деревамъ въ даръ киремети.

Еще извѣстно мѣсто вблизи села Абашева по рѣкѣ „Шиперь“ подъ названіемъ „Шиперь Киреметь“. Это мѣсто считается мѣстомъ сына Божія; собирается къ этому мѣсту народъ изъ разныхъ обществъ и на этомъ мѣстѣ рѣжутъ 3-хъгодоваго жеребца, варятъ его и ѣдятъ во имя киремети, что производится въ лѣсу въ оврагѣ ночью; и здѣсь также приносятся разныя жертвы и бросаются вещи также, какъ и „киремети Сорымъ“. Недалеко отъ села Абашева, въ верстѣ, въ лѣсу на горѣ находятся большіе камни—родъ горна. Здѣсь-то и находится Шиперь Киреметь въ честь сына Божія. Около этихъ камней находится зола, монеты и др. признаки жертвоприношеній (2).

Йомзя (Иомыз).

„Религія, извѣстная подъ именемъ черной вѣры, послѣдователями которой считаются почти всѣ инородцы восточнаго края Европейской Россіи, Сибири и даже жители острововъ Тихаго океана, называется иначе шаманизмомъ или Шаманствомъ. Шаманствомъ именуется она по названію жрецевъ ея у Тунгузовъ—шаманъ, которое собственно значитъ „призыватель или заклинатель духовъ“. У Алтайцевъ—шаманъ-*камъ*, шаманка-*камъ кадытъ* Слово камъ тожественно съ чуваш-

(1) Бросаются сюда всевозможные подарки киремети, не исключая и хлѣба, только хлѣбъ большею частію дѣлается пряничками—органакъ въ разныхъ формахъ животныхъ, (лошади дѣлаются съ вызолоченными головами, а птицы съ вызолоченными крыльями). Торгъ этими выдѣлапными изъ хлѣба товарами производится вездѣ на базарахъ въ селахъ и городахъ, и охотно чувашами эти вещи разбираются.

(2) Объ этихъ трехъ кремегяхъ сообщилъ чувашинъ Василій Якимовъ.

скимъ йомызь, йомзе йомзя по измѣненію тюркскаго звука *к* въ чувашскій *й*; причемъ чувашское окончаніе *сь* или *зе, зя* соотвѣтствуетъ татарскому и алтайскому—*чи*, киргизскому *шп* и означаетъ лицо производящее и вообще занимающееся чѣмъ нибудь. Можно думать, что и черемисскій мошан (мужанъ), по перестановкѣ звуковъ *т* и *м*, образовалось изъ слова „шаманъ“ (1).

Изъ нижеслѣдующаго списка йомзей, проживающихъ въ предѣлахъ Тюрлеминскаго, Аттиковскаго и другихъ сосѣднихъ приходахъ, составленнаго А. Егоровымъ, видно, какія профессіи влекутъ за собой у Чувашъ званіе йомзи. Тюрлеминскаго прихода, деревень: 1) Масловой (Кив-ял):

1) Татьяна̀ аппа̀—тетушка Татьяна главная вирӳссе (заговорщица—дующая во время наговоровъ); ора, ала хозилзан лардаган (изломанныя руки ноги выправляющая); вар пузаган (на животъ горшки накидывающая) (2); ӳжутма, сивэтьмэ билеген (возбуждать любовь и охлаждать любовь умѣющая); ача эрек исьмэ брагтараган, (молодыхъ людей отъ пьянства отвращающая), пабка (бабка).

2) Вазюха̀ аппа̀—тетушка Василиса—вар пузаган уста—мастерица портить животъ—производить выкидышь; тогатмыш—колдунья.

3) Устинэ̀ аппа̀—тетушка Устинья вар пузаган; кось пыгаган—по глазамъ узнающая судьбу человѣка.

4) Наталья Михайловна—йомзя.

5) Улӳк инге—тетушка Елена вируссе.

6) Наталья Максимовна—йые чильги билеген—знающая языкъ (т. е. заговоръ) противъ домоваго, или противъ разслабленія, паралича.

7) Онисья Ѳедорова—вируссе.

8) Настӳк аппа̀—тетушка Настасья старая дѣва—вируссе.

---

(1) Сибирскіе шаманы и чувашскіе йомзи. IV прилож. къ Слов. г. Золотницкаго. Стр. 162.

(2) Съ цѣлію произвести выкидышь.

9) Акулина Тимофеева, иначе—Кинэр вурры карчыге, киперская старуха. Прозвище это она получила отъ того, что, приглашенная въ деревню Кинери какимъ-то русскимъ, не съумѣла ничего сдѣлать, за что и была избита.

10) Иванъ Григорьичъ Аванскій | коновалы и
11) Григорій Васильевъ | вируссе.

Кстати. Въ Масловой, по словамъ А. Егорова, Чуваши вѣрятъ, если истереть въ порошокъ мизгиря (паука решмень) и дать въ винѣ выпить пьяницѣ—послѣдній пить перестанетъ.—

Тамъ-же чуваши говорятъ, что въ винныхъ бочкахъ на днѣ водятся черви—(эрек хо́рчи винный червь); черви эти, когда остатки изъ бочки (черге тӳби), выливаются на дворъ, одни ползутъ обратно въ кабакъ другіе отъ кабака; и вотъ, если наловить первыхъ и дать человѣку не пьющему,—онъ сдѣлается горькимъ пьяницей и не будетъ выходить изъ кабака, а если дать вторыхъ, то и пьяница сдѣлается трезвымъ. Эрекъ хорчи остаются и въ недопитыхъ въ кабакѣ стаканчикахъ вина; поэтому, чтобы остатками этими кабатчикъ впослѣдствіи кого не напоилъ и не пріучилъ къ пьянству, чуваши недопитое вино изъ стаканчиковъ выплескиваютъ на полъ.

2) деревни Семенчиной (Шинчасъ):

12) Ольдӳк--Авдотья Ивановна | вар пу-
13) Някка маткй (жена Някки) | заган.
Пелагея Яковлева |

14) Устӳк—Устинья Алексѣева—вируссе, пабка, ача тудараган (облегчающая роды).

15) Поклак (¹) маткй — (жена Поклака) Прасковья Андреева—пабка, вирӳссе.

16) Архипъ Андреевъ (сокыр слѣпой) молка—законьщикъ, корга килли параган, (назначающій имена духовъ

(¹) *Поклакъ*—человѣкъ, у котораго рука съ отмороженными пальцами, или съ уродливыми пальцами.

при раздачѣ ковша), ой чуге тудараган, распорядитель при полевой жертвѣ, уела сыын иргезэ знающій порядокъ при жертвахъ.

3) деревни Рѣпистниковой (Ватнер):

17) Мались—Марфа Захарова—едвали не болѣе популярна между Русскими, чѣмъ Чувашами; лечитъ между прочимъ отъ пьянства и для этого съ наступленіемъ лѣта, по приглашенію Казанскихъ купцовъ, безпрестанно отъ Козловки до Казани разъѣзжаетъ на пароходахъ; по разсказамъ, въ эти поѣздки одѣвается въ русское платье.

18) Марья Максимова—вирўссе, вар пузаган.

19) Устинья Миронова вируссе.

4) деревни Туганашевой:

20) Марья Сергѣева—жена брата Мались пабка.

21) (Метрезэк кинэ) сноха Митрія пабка.

5) деревни Уразметевой (Моргаръ):

22) Овдотья Алексѣева вирўссе, пабка.

23) Огафья Павлова—вар пузаган.

Аттиковскаго прихода. 6) села Аттикова (Пурмае).

24) Татьяна Иванова вар пузаган, пабка.

25) Егоръ Ивановъ,—мужъ Ивановой— вирўссе.

26) Дарья Петрова вирўссе, вар пузаган.

27) Марья Алексѣева вирўссе.

28) Устинья Яковлева пабка.

29) Огафья Ѳедорова вирўссе.

30) Максимъ Ларіоновъ—мужъ Ѳедоровой—йомзя.

Цивильскаго уѣзда. 7) деревни Юмашевой:

31) Петръ Кондратьевъ ыра-озал корасынэ билеген—узнающій счастье и несчастье по виду.

32) Кузьма Петровъ ала тымэр тыдаган уста, знающій значеніе ручнаго пульса.

8) Села Ковалей:

33) Огани аппа, тетушка Агафья вар пузаган.
34) Степанъ Егоровъ ала тымэр тытса билеген, минь малапшэ ыра-озал корассыне—знающій, что впередъ будетъ, добро и зло.

9) деревни Старыхъ Шимкусь (Томкиль):

35) Тевэрби Тюхтеева вируссе, пабка.
36) Марья Иванова (дѣвка) вар пузаган, пабка.

10) Старой Муратовой (Киве Виренэр):

37) Калюк Екатерина Алексѣева, дочь Масловской Натальи Максимовой, вирýссе.
38) Дарья Васильева вар пузаган, главная бабка.

11) деревни Кызылъ-яръ:

39) Марфа Максимова вар пузаган; пабка.
40) Марья Ильина вирýссе, вар пузаган, пабка.
41) Овдотья Павлова вар пузаган.
42) Анна Григорьева пабка.
43) Онисимъ Лукинъ ала тымэр тытса билеген, минь малапшэ ыра-озал корассыне.

Знанія йомзи, вирýсси и т. д. и необходимыя для того знанія пріобрѣтаются чувашами большею частію наслѣдственно; но, по словамъ А. Егорова, можно сдѣлаться тѣмъ или другимъ дѣятелемъ и самостоятельно, а иногда даже помимо собственнаго желанія; стоитъ, наприм., продугадать послѣдствія какого нибудь обыденнаго явленія и у отгадчика отъ просьбъ разрѣшить вновь встрѣтившіяся неразгаданныя обстоятельства, объяснить, наприм., причину болѣзни и т. д. не будетъ отбоя. При этомъ соблазниться профессіей йомзи нетрудно потому, что, кромѣ полученія матеріальныхъ выгодъ, йомзи въ деревнѣ предпочитаются всѣмъ ос-

тальнымъ смертнымъ, и ихъ всѣ боятся; придутъ, напр., въ гости йомзя и первый богачь въ деревнѣ, йомзя усаживается хозяиномъ за столъ прежде богача. Иначе, впрочемъ йомзя не преминетъ для поддержанія авторитета тутъ же обидѣться и, не вкусивъ по просьбѣ хозяина ничего, тотчасъ же уйти съ угрозой:

Чим-га! хувах пырын ман патна; эбех кирлэ болып пояндан маларах!

Погоди же, самъ придешь ко мнѣ; я понадоблюсь прежде богача!—

Этого Чуваши страшно боятся. Лица добросовѣстные и зажиточные и тѣ даже званіемъ йомзи не соблазняются; бѣдняки—же, лѣнтяи и т. д., чтобы добиться этаго званія, измышляютъ разныя мудреныя сновидѣнія и при встрѣчахъ съ извѣстными имъ лицами, разсказываютъ имъ ихъ съ выводомъ такихъ послѣдствій, которыя у слушателя неизбѣжно должны случиться. Обыкновенно къ пособію йомзей Чуваши обращаются въ случаѣ болѣзней, причемъ являются къ нимъ съ такой рѣчью:

Эс мана, йомысь, пыхсам, эпь сан патна аптраза кильдэм. Анбрах мана! Епле болиньде ыра ту!

Ты мнѣ, йомзя, поворожи; я пришелъ къ тебѣ, находясь въ крайней нуждѣ. Не оставь меня! Какъ нибудь (чѣмъ можешь), помоги (сдѣлай добро)!

и въ то же время, развязавъ мошну, кладутъ на столъ деньги. Ждущій только этаго, йомзя въ Масловой безотговорочно достаетъ откуда нибудь съ полки (¹) йомысь сьукры—употребляющуюся для ворожбы хлѣбную корку, величиною въ мѣдную копѣйку, привязанную на нитку четверти полторы длиною, садится съ ней на стулъ и, опершись локтемъ руки, въ коей йомысь сьукры,—на колѣнку, начинаетъ смотрѣть на опущен-

(¹) Записки Александры Фуксъ о Чувашахъ и Черемисахъ Казанской губерніи. Казань 1840 г. Стр. 99.

ную надъ доскою отвѣсно корку, результатомъ чего всегда выходитъ: принести, находящейся въ такомъ—то мѣстѣ, киремети въ жертву гуся или утку, сходить въ село Ишаки и т. д. и т. д. (1). Искусство гадать такимъ способомъ называется по чувашски: шай тытма, т. е. держать (привязанный къ ниткѣ вощаной или хлѣбный) шарикъ. Въ 1841 году за это искусство чувашка Наталья Петрова села Хочашева ядринскаго уѣзда по рѣшенію суда, была заключена на покаяніе въ Казанскій женскій монастырь (2). Что-бы не попасть въ затруднительное положеніе йомзи назначаютъ иногда такія условія, выполнить которыя только и можно съ отчаяннымъ рискомъ: напр. поставить свѣчку на крестикѣ церкви и т. д. (3); причемъ йомзи не прочь попользоваться свѣдѣніями, добытыми тайнымъ способомъ (4). Болѣе подробныя свѣдѣнія объ обстановкѣ, при которой йомзи даютъ совѣты для излеченія больныхъ, см. въ статьѣ: Приготовленіе умирающаго къ смерти у крещенныхъ Чувашъ Казанской губерніи. Н. Остроумова (5).

Въ Масловой йомзи сказываютъ нѣчто въ родѣ поученій; такъ, напр. они проповѣдуютъ, что кого Богъ при посѣщеніи своемъ застанетъ за работой, тому скажетъ: изьинчень савындыр! Отъ трудовъ да насладится! Ссорящимся скажетъ: вурзиньчень савындыр! Да насладится отъ мести! Спящему: ыйгиньчень савындыр да насладится сномъ!

---

(1) Миссіонеръ 1879 г. № 30, картины для чувашъ, стр. 261.

(2) Казанскій Богородицкій дѣвичь монастырь. Священ. Е. А. Малова. Казань. 1879. Стр. 123 и 124.

(3) Русск. Вѣд. 1869 г. № 141. Буквально этого никогда не исполняютъ, а только свѣчку перекидываютъ черезъ церковь.

(4) Очеркъ Юрид. быта чувашъ... Казан. Губ. Вѣд. 1868 г. № 87.

(5) Извѣст. по Казан. Епарх. 1876 г. № 13

II.

Легенда объ изобрѣтеніи земледѣлія.

Въ деревнѣ Масловой (Кив-ялъ) разсказывается Чувашами слѣдующая легенда объ изобрѣтеніи земледѣлія. Послѣ сотворенія міра, Богъ созвалъ всѣхъ звѣрей и птицъ и велѣлъ имъ придумать способъ обработки земли. Всѣ звѣри и птицы собрались, только опоздалъ ежъ (чирип). За нимъ послали мышь (кожак кайыкьнэ). Входя въ собраніе, ежъ запнулся и упалъ. Собраніе надъ этимъ разсмѣялось. Ежъ обидѣлся и ушелъ назадъ. Между тѣмъ, способъ обработки земли зналъ онъ только одинъ; поэтому, въ погоню за нимъ, послали свинью послушать, что онъ будетъ говорить. Свинья, вернувшись въ собраніе, разсказала: „надо мной—говорилъ ежъ—смѣются, а сами ничего не знаютъ! Для обработки земли нужно имѣть: соху (сога бозе), борону (сьурэ), телѣгу (ораба); вспахавши и взборонивши землю, нужно сѣять, а когда выростетъ хлѣбъ, серпомъ жать надо; обмолотивши, слѣдуетъ везти хлѣбъ на мельницу молоть, потомъ слѣдуетъ печь хлѣбъ, и такъ поступать надо во всю жизнь“ (1).

За то, что свинья къ ёжу ходила долго, собраніе сдѣлало ей выговоръ. Съ тѣхъ поръ, осерженный на мышей, ежъ поѣдаетъ мышей, а свинья—ёжей, хворыхъ ягнятъ и даже человѣческіе трупы; кромѣ того, она, проклятая Богомъ, въ три года разъ только видитъ солнце.

Ага-дуй (Сабан).

Агадуй (ага—плугъ, косуля, дуй или той—пиръ, сватьба, праздникъ)—праздникъ весенней пашни. Въ чебоксарскомъ уѣздѣ онъ празднуется только въ 2-хъ сосѣднихъ деревняхъ—Семенчиной (Шынчас) и Масловой (Кив-ялъ) Тюрлеминскаго прихода, и въ Цивиль-

(1) Разсказъ свиньи объ ежѣ переведенъ съ чувашскаго языка.

скомъ уѣздѣ, въ деревняхъ—Старыхъ и Новыхъ Щелканахъ сосѣднаго Ковалинскаго прихода. Въ деревнѣ Семенчиной агадуй, какъ и у татаръ, называется Сабанъ. Въ деревнѣ Масловой агадуй празднуется, по словамъ А. Егорова, необыкновенно шумно и торжественно: до дня празднованія, въ каждомъ домѣ варится пива ведеръ до 60-ти, покупается вина ведеръ до двухъ и болѣе и красятся куриныя яйца. Празднованіе, начинаясь въ 20-хъ числахъ Апрѣля, въ разныхъ домахъ въ разные дни, смотря потому, кто когда успѣетъ приготовиться, продолжается цѣлую недѣлю. Приготовившійся къ празднику въ извѣстный день созываетъ всѣхъ своихъ родственниковъ, сосѣдей и моллу, по приходѣ коихъ выставляются на столъ пиво, вино и обычныя яства.

Лишь только все приведется въ надлежащій порядокъ, молла спрашиваетъ хозяина:

Сра юсне (пиво поспѣло)?

Хоз: Юсне, юсне! отвѣчаетъ хозяинъ.

Мол: Сьимарда хиретны (яицы выкрашены)?

Хоз: Хиретны, хиретны, бабай!

Добившись послѣдняго отвѣта, молла всхлопываетъ ладошами и протяжно выкликаетъ! сьи—мар—да, сьи—мар—да..... Въ это время хозяйка дома вноситъ въ избу чашку, наполненную выкрашенными яйцами и раздаетъ по одному всѣмъ гостямъ.

Какъ только раздача яицъ кончится, молла выкликаетъ: Ой, падьян, падьян. (1)!

Хозяйка наливаетъ большую чашку пива и подноситъ ее всѣмъ гостямъ.

Выслѣдивъ моментъ, когда чашка дойдетъ до послѣдняго гостя, молла выкликаетъ:

Ой, чергэ, чергэ, чергэ...

Первую чарку водки (чергэ) хозяинъ подастъ моллѣ съ просьбой помолиться, и тотъ, вставъ на ноги, во все услышаніе читаетъ:

---

(1) بادیان бадья, большая деревянная чашка.

„Эй бисьмэллэ (¹)! Перь Тора анбрах! ыра сьирь йиш сьирлах! Хозя пичькэ посьларе сырэ посьсяпмашкын. Анбрагыр! Епле болиньдэ осрыр! Оя тохсан, ойра перегеть парыр, килэ кирзэнь кильдэ перегеть парыр! Сяк хозяна кильнэ-сьортнэ, вылихнэ, ачизеэ анбрагыр! Агадуйран Агадуя осрыр! Чук сьырлах; сана юсси, пире шербэть.

Эй бисьмиллэ! Боже единый, не оставь! Семейство доброй земли помилуй! Хозяинъ бочку почалъ, чтобы вамъ поклониться. Не оставьте! Какъ нибудь храните! Если на поле выѣхать, въ полѣ изобилія дайте; домой взойдешь, дома изобилія дайте! Этаго хозяина домастроенія, скотину, дѣтей не оставьте! Отъ Агадуя до Агадуя храните! Чукъ помилуй; тебѣ горькаго, намъ сладкаго.—

Прочитавъ молитву, молла бывшую у него въ рукахъ чарку съ виномъ возвращаетъ обратно хозяину. А онъ, выпивъ вино, первый, вновь налитую чарку подаетъ вторично моллѣ, которую онъ и выпиваетъ, а затѣмъ вино подносится уже и остальнымъ гостямъ,— чѣмъ и начинается пиръ на весь міръ.

По мѣрѣ выполненія описаннаго обряда, для заключенія праздника, каждая родственная группа выходитъ въ озимовое поле, неся туда пиво, вино, яйца, ячменныя или пшеничныя калабашки и по палкѣ, длиною въ аршинъ. Тамъ старшій родичь предварительно читаетъ молитву въ честь сьирь йиш т. е. семейства духовъ земли, а затѣмъ молодежь начинаетъ кидать въ поле яйца и палки, по положенію коихъ родичь предрекаетъ ей будущую ея судьбу. При этомъ, закидывающій яйцо, старается, чтобы оно отъ паденія не разбилось, что считается дурнымъ признакомъ, а относительно палки дурнымъ же признакомъ считается, когда

(¹) Очевидно, подобное начало молитвъ заимствовано отъ Мухаммеданъ. Арабскія слова «бисмилляги» означаютъ «во имя Бога». Суры, или главы Корана начинаются этими словами.

она ляжетъ въ такомъ направленіи, въ какомъ хоронятъ покойниковъ.

Въ полѣ, послѣ гаданій и выпивки, начинаются пѣсни, плачь и драки (1).

Послѣ Агадуя по словамъ А. Егорова, у бѣдняковъ не остается не только сѣмянъ для предстоящаго сѣва, но ни зерна и на ѣду, почему они волей неволей закладываютъ впослѣдствіи богачамъ женины хошшу (2), и въ страду долгъ отработываютъ жнитвомъ. Справлять Агадуи для каждаго чувашина обязательно, иначе отъ сельскаго общества впослѣдствіи не будетъ и житья.

Сабанъ.

У татаръ деревни Янгильдиной (Карамышево), сосѣдней съ двумя названными чувашскими деревнями, Сабанъ (Сабан—туйи) не имѣетъ религіознаго характера, а есть не болѣе, какъ простой народный праздникъ, сохранившійся отъ старыхъ временъ. Подобно Агадую сабанъ исполняется въ концѣ Апрѣля, передъ вешней пашней, въ числа неопредѣленныя. О времени исполненія сабана татарская молодежь каждый разъ совѣщается, по выходѣ утромъ изъ мечети. Въ ненастныя весны сабана иногда и вовсе не бываетъ. Послѣ того, какъ будетъ окончательно рѣшенъ вопросъ—быть или не быть Сабану и въ какой день, кто—либо изъ любителей увеселеній отправляется по деревнѣ *собирать полотенцы* съ красными концами *со всѣхъ женившихся въ теченіи года,* послѣ бывшаго Сабана. Случается, иные изъ женившихся на устройство Сабана ничего не даютъ, потому что сабанъ считается ими простой забавой, хотя-де объ немъ и говорится въ татарскихъ книгахъ. Вотъ что довелось мнѣ видѣть въ Янгильдиной на Сабанѣ 19 Апрѣля 1874 года.

---

(1) Въ 1865 г. близъ деревни Семенчиной совершилось убійство

(2) Головной уборъ и нѣкоторые другіе наряды. XIV приложеніе къ Словарю Н. И. Золотницкаго. Стр. 236.

Часовъ въ 12-ть, въ поле, къ мельницамъ, стала стекаться публика; какъ только собралось народа достаточное количество, явилось трое верховыхъ наѣздниковъ, сосредоточившихъ на себѣ все вниманіе зрителей, раздѣлившихся на три группы—мужскую и женскую изъ татаръ и чувашскую. Въ то время, какъ наѣздники шагомъ ѣхали къ мѣсту, съ котораго должна была начаться скачка, распорядитель Сабана развѣшивалъ на жердь собранныя полотенцы и затѣмъ, съ общаго согласія, обозначилъ, воткнутыми въ землю прутками, линію, на которой наѣздники должны были остановиться. Вслѣдъ за наѣздниками, точно также верхомъ, отправился „правильщикъ", долженствовавшій наѣздниковъ передъ скачкой установить въ рядъ и подать сигналъ къ началу скачки. Послѣдняя въ деревнѣ Карамышевой, по обычаю, начинается отъ Казанско-Нижегородскаго Почтоваго тракта, по идущей съ него въ деревню дорогѣ. Лишь только всадники стали появляться на горизонтѣ, слѣдившая за ихъ появленіемъ публика заволновалась и начала предугадывать, кто первый прискачетъ къ предѣльной линіи—главный интересъ праздника. Назначенное для скачки пространство было не менѣе 3-хъ верстъ. По пріѣздѣ перваго наѣздника, распорядитель Сабана тотчасъ же опустилъ шестъ съ привязанными къ нему полотенцами и выдалъ изъ нихъ удальцу—три. Пока отдыхали лошади наѣздниковъ, были приглашены желающіе перегонятьсяся на собственныхъ ногахъ. На это вызвались два скорохода, для легкости бѣга снявшіе съ себя верхнее платье и оставшіеся въ однихъ рубашкахъ, заткнутыхъ за штаны, съ босыми ногами. Первому скороходу было выдано одно полотенце съ того же шеста, который въ честь ихъ былъ вновь приподнятъ. Далѣе началась борьба силачей. Для наблюденія за искусствомъ борцовъ мужская татарская публика,—женская во все время особнякомъ стояла вдали,—расположилась кругомъ—въ первомъ ряду сидя, во 2-мъ на колѣняхъ, въ послѣднемъ—стоя. Все искусство борцевъ состоитъ

въ томъ, чтобы, схватившись другъ съ другомъ сзади за кушаки и упершись плечами, приподнять противника на воздухъ и повалить его на землю, не безъ риска переломать ребра. Борцы за свое искусство никакой награды не получили. Послѣ борцевъ еще разъ проскакали описанное пространство наѣздники и, по выдачѣ удальцу остальныхъ полотенцевъ, публика разошлась по домамъ.—

Въ Казани Сабанъ празднуется цѣлую недѣлю и, по своей торжественности, далеко не похожъ на описанный деревенскій (1).

У Черемисъ чувашскому Агадую и татарскому Сабану соотвѣтствуетъ ага парэм (2).

Обряды передъ посѣвомъ.

Въ Масловой передъ посѣвомъ предварительно узнается отъ *йомзи*, кто въ семействѣ *телейла сын* —счастливый человѣкъ и кому изъ семейныхъ первому *вурлых кларма* т. е. вынести сѣмя. Обыкновенно такой счастливецъ, послѣ полуночи, до восхода солнца, долженъ вынести въ шапкѣ, или въ полѣ одежды, нѣсколько горстей хлѣбныхъ сѣмянъ, такъ чтобы никто не видалъ, и разсѣять ихъ на своемъ загонѣ. Какъ на безгрѣшныхъ, йомзя всегда указываетъ на кого либо изъ дѣтей. Кромѣ выбора счастливца, отъ йомзи узнается, какой счастливый день для начала посѣва. Счастливыми днями считаются: Воскресенье, Понедѣльникъ, Четвергъ и Суббота (3). Въ ожиданіи счастли-

---

(1) Сабанъ—П. В. Казан. Губ. Вѣд. 1874 г. № 48.

(2) Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды И. Снегирева. Москва. 1837 г. Вып. IV. Стр. 85—87. Записки Александры Фуксъ о чувашахъ и черемисахъ Казанской губерніи. Казань. 1840 г. Стр. 195—201.

(3) По словамъ А. Егорова въ Масловой дни недѣли у Чувашъ характеризуются такъ:

Вырзарни-гон (русскій недѣльный день; воскресенье)—приносить жертву Мелим Хузѣ.

ваго дня, посѣвъ иногда откладывается на цѣлую недѣлю. Въ назначенный йомзей день счастливецъ, указанный имъ, по приказанію главы семейства, отправляется на вспаханный загонъ и разбрасываетъ по нему три горсти назначенныхъ для посѣва сѣмянъ.—

Черемисы деревни Визюргупъ, Казанскаго уѣзда, (разсказывали мнѣ русскіе крестьяне села Алексѣевскаго, проѣзжающіе чрезъ эту деревню въ Казань на базаръ), посѣвъ начинаютъ непремѣнно всѣ въ одинъ условленный день; если къ этому дню у кого не будетъ еще готовыхъ для посѣва сѣмянъ,—тотъ высѣваетъ хоть одну чашку, а неуспѣвшій по чему либо сдѣлать и этого, не приступаетъ къ посѣву цѣлую недѣлю (¹).

Ага путты.

Ага путты (ага - плугъ, косуля, пуду-каша) моленье кашей по случаю окончанія яроваго сѣва. Оно ис-

---

Тунды-гонъ (день рожденія, или перворожденный день, понедѣльникъ)—йорать—т е. день, который *годится* для всего.

Ытлари-гон (вторникъ)—утланать—верхомъ садится. У Черемисъ вторникъ—кушкужмо и значитъ верховой. На томъ основаніи, что чувашскія названія дней (кромѣ субботы) въ значеніи соотвѣтствуютъ черемисскимъ, Н. И. Золотницкій полагаетъ, что слово ытлари имѣетъ близкое отношеніе къ глаголу утлан—сѣсть верхомъ. Словарь стр. 6. Арня.

Йов-гон (день крови, среда)—йонгать—сердится.—

Кисьэрни-гон (младшій недѣльный день, канунъ недѣльнаго дня, Четвергъ)—аван—хорошій, исправный; кильжеть—прилично, соотвѣтственно. Въ деревнѣ Пшалкиной, Чистопольскаго уѣзда, по четвергамъ совершаются поминки усопшихъ.—

Арня (эрве) гон (недѣльный день, пятница)—ньсьи йорамас, т. е. негодится работать; тора хошман. Богъ не приказалъ.—

Шмат-кон (субботній день, суббота)—шымалать—сглаживаетъ, Черемисское названіе субботы кукшакече—сухой день.

(¹) Русскіе въ Бѣловолжскомъ приходѣ, особенно въ деревнѣ Карцевомъ починкѣ, передъ выходомъ въ первый разъ на пашню, молодьбу и т. д., помолившись Богу, закрываютъ печь заслонкой и послѣднюю подпираютъ лучинкой; если-же печь уже топится, то лучинку кладутъ въ чело и притомъ такъ, какъ будто ей подпираютъ заслонку. Смысла обряда этого я доискаться не могъ.—

полняется Чувашами повсемѣстно. Обрядъ моленья при этомъ слѣдующій.

Въ день окончанія посѣва въ домахъ варится каша (ага̀ путты), яйца и пекутся калабашки. Семейные, откушавъ этихъ яствъ сами, остатки отправляютъ на загонъ производителю посѣва. Послѣдній, зарывъ въ землю яйцо, (въ деревнѣ Чешламѣ—крашеное), калабашку и часть каши, читаетъ молитву въ честь сьирь йиш, прося его, чтобы зерно уродилось величиною въ яйцо (въ деревнѣ Вурман Кошки) и заканчиваетъ (въ деревнѣ Картлуй или Аманикъ) словами: Упра̀ сыхла (1). Послѣ этого сѣятель принимается купать самъ, причемъ приглашаетъ съ сосѣднихъ загоновъ всѣхъ неуспѣвшихъ еще закончить пашню и посѣвъ, а на пути домой остатками яствъ угощаетъ попадающихся на встрѣчу. У кого есть пиво—устраивается вечеромъ небольшая попойка.

Татары въ деревнѣ Карамышевой, по случаю окончанія яроваго посѣва, варятъ *сабан буткасы* т. е. сабанную кашу.

Ой (уй) чуге.

Ой чуге (ой или уй-поле, чук-жертва)—полевое моленье объ урожаѣ. „Это весьма замѣчательный обрядъ, совершеніе котораго Чуваши и теперь не могутъ оставить, происходитъ такъ, говоритъ А. И. Доброхотовъ (2), учитель изъ чувашъ Байтерякорскаго училища, Тетюшскаго уѣзда:

„Во вторую половину іюня мѣсяца, предъ паровой пашней, вообще предъ началомъ страды, подъ открытымъ небомъ, въ полѣ, изстари на особо предназначенномъ мѣстѣ, около ключа, рѣки и озера, чува-

---

(1) Т. е. Великая (богиня) сохрани! Сравн. арабское кюбра كبرى въ «Замѣткахъ къ вопросу о византійской противомусульманской литературѣ» Ѳ. А. Курганова и Г. С. Саблукова. Казань. 1878 г.

(2) Рукопись г. Доброхотова доставлена была мнѣ И. И. Золотницкимъ.

шами одинъ разъ въ году совершается общее жертвоприношеніе—„уй-чук“. — Для такого знаменательнаго жертвоприношенія, они двумя—тремя днями заранѣе дѣлаютъ сходку, гдѣ, по общему голосованію стариковъ, идетъ сужденіе о томъ, сколько для предстоящаго „учӳга“ потребуется быковъ и овецъ, и сколько нужно капиталу на покупку сихъ животныхъ. Опредѣливъ сумму на сей предметъ, дѣлаютъ тутъ же раскладку по душамъ, т. е. по скольку копѣекъ придется собирать денегъ съ души. Наканунѣ учӳка опять бываетъ сходка, гдѣ идетъ уже сужденіе о томъ, кого именно нужно послать къ предназначенному мѣсту для того, чтобы сдѣлать начало учӳга; потомъ наводятъ справку, куплены ли быки и овцы и затѣмъ сходка расходится по дворамъ.

Вотъ, назначенный день наступилъ.—Чувашки пёкутъ для учӳга лепешки.—Вотъ, уже пришелъ и полдень. Значитъ, время ѣхать на учӳкъ. Немного погодя, вдругъ увидишь, что, вонъ, изъ села двое—трое мужиковъ, чувашъ, прямо повели одного быка и пять—шесть овецъ къ Черному ключу; за ними, какъ бы въ погоню, другой чувашинъ туда же повезъ два—три пивныхъ котла на телѣгѣ; вонъ, съ того, другаго и третьяго конца села Чуваши, положивши въ свои телѣги: чашки, ложки, крупу, лепешки и нѣсколько беремь прутьевъ, дровъ, и, посадивъ своихъ дѣтей, всѣ выѣзжаютъ и ѣдутъ туда. Ну, теперь въ селѣ почти-что никого не осталось, кромѣ женщинъ съ маленькими дѣтьми и дряхлыхъ стариковъ со старухами. Но что дѣлается тамъ, конечно, никому не извѣстно, кромѣ уѣхавшихъ Чувашъ. Ахъ, жалко! Пойдемте, ребята.—Развѣ это далеко всего только 1½ версты.—Мы только посмотримъ на церемонію учӳга, да опять назадъ.... Они вѣдь насъ знаютъ, потому что мы ихъ собраты. Согласившись по общему совѣту, всѣ и отправляемся. Приходимъ туда—и видимъ полную картину учӳга. Два чувашенина, раскуривъ свои трубки съ табакомъ, сидятъ и подкладываютъ дрова подъ тотъ котелъ, въ

которомъ варится полбенная *каша*, а одинъ мѣшаетъ ее лопаточкою для того, чтобы она хорошо сварилась; человѣкъ пять—шесть, пока каша варится въ котлѣ, разгуливаются по лугу, смотря на картину природы; нѣкоторые, забравшись подъ свои телѣги, лежатъ, разсуждая о житейскихъ дѣлахъ и происшествіяхъ, случившихся гдѣ-либо въ окрестной деревнѣ, и проч. Вдругъ одинъ кашеваръ, изъ числа прочихъ, кричитъ, что каша поспѣла; идите скорѣе чӳклять ее. Исполнивъ извѣщеніе кашевара, всѣ, захвативъ каждый свои чашки и ложки, идутъ туда, гдѣ каша должна чӳкляться.—

Кашу, что въ котлѣ, съ крюка сняли и поставили на полъ, ближе къ чашкамъ (блюдамъ). Всѣ они, шапки свои положивъ подъ мышку, стоя предъ котломъ и обративъ взоры къ востоку, съ полнымъ усердіемъ чӳкляютъ кашу. По окончаніи молитвы, кашу, раздѣливъ по частямъ, ѣдятъ со скоромнымъ масломъ. Это еще не настоящій учӳк, а только приготовленіе къ оному. Спустя минутъ 10 или 15, все убравъ, будто ничего не бывало, они опять принимаются уже за настоящее приношеніе, которое заключается въ слѣдующемъ. Одинъ чувашинъ ведетъ быка прямо къ ключу, гдѣ, предъ заколомъ, старики—знатоки, станутъ его поливать водой; еще привели туда же и остальныя жертвы,—овецъ.

Ну, вотъ, одинъ старикъ, почерпнувъ изъ ключа въ ведро воды, подходитъ къ быку и льетъ ее прежде на голову, а потомъ на спину, говоря: „сяк ӹра учӳк—жын эс сирлах“, ради этой благой жертвы, помилуй! Если же быкъ, вслѣдствіе одного ведра воды, при произношеніи вышеупомянутыхъ словъ, встрепенется, то, значитъ, что онъ, соглашаясь на всеобщую и милостивую просьбу предстоящихъ Чувашъ, рѣшился быть жертвою; въ противномъ же случаѣ на него льется воды до тѣхъ поръ, пока онъ не встрепенется.

Надъ остальными животными совершается тоже самое. Потомъ ихъ колятъ, и послѣ сего, вымывъ мясо и внутренность, прямо гладутъ въ котлы, гдѣ уже они

варятся. Чрезъ нѣсколько времени, какъ сварятся мясо и внутренность, ихъ оттуда вынимаютъ и кладутъ въ заранѣе приготовленныя посуды; но въ мясной отваръ тотчасъ же запускается крупа для каши. На все это немало уходитъ времени: по крайней мѣрѣ 2-3 часа. Про между сего времени: одни сидятъ вокругъ котловъ; другіе спятъ, забравшись подъ телѣги; третьи, гдѣ нибудь подальше отъ очага, сидя и лежа, разсказываютъ сказки. Вотъ и каша сварилась. Опять пошла между ними суматоха: всѣ, какъ испуганныя галки и вороны, принялись за блюды, и ложки и лепешки, которыя и постановили въ ряды, словно на базарѣ для продажи. Къ общему столу подали въ одномъ котлѣ отваръ, въ двухъ котлахъ кашу, мясо и внутренность въ кадкахъ.

Вдругъ водворилась глубокая тишина: всѣ, оборотясь лицемъ къ востоку, совершаютъ общее жертвоприношеніе—учӱк, съ произношеніемъ словъ:

„Эй. Тора! Эс Хувын меслетэбе (¹) пàр пирѐ ты́ра-по́ла, сӧмырда пàр; пирѐ хамрà-да ы́рлых-сывлых пар. Эй, Тора! сирлах-анпрах. Сявын-жын эбирь пӱдем халых-ба сапа азынзà, хизеплезе-дэ вӱгыр со́рых-зем-дэ пуссà учӱк това́тпыр. Эй, Тора! аминъ сирлах, анпрах“!—

О, Господи! Ты, по Твоимъ великимъ щедротамъ, дай намъ хлѣба, для чего ниспосли къ намъ дождь. Дай намъ самимъ всякаго благодѣянія и здоровья. О, Господи помилуй не оставь! Для этого мы тебѣ, всенародно поминая и почитая, приносимъ въ жертву (закалая) быка и овецъ. О, Господи! аминь помилуй, не оставь!

Послѣ сего, прежде хлебаютъ отваръ, а потомъ ѣдятъ кашу и мясо. Такимъ образомъ оканчивается ихъ знаменательный учук. Для такого приношенія еже-

---

(¹) Не отъ турецко-адербиджанскаго ли корня بسلتمك (бислатмакъ) быть вскормлену, утучнену?

годно истрачивается не менѣе 30. 40. 50 руб.; если-же деревня большая, то не менѣе 100 руб. сер.

Въ Масловой лишь только жертвенное животное встряхнется, собравшіеся на чукъ всѣ разомъ произносятъ: сырлахрэ! Умилостивился! (Помиловалъ)! И кдадутъ земной поклонъ. Изъ четвероногихъ животныхъ для ой чука выбирается девять штукъ и притомъ въ одинъ годъ, положимъ, одни бараны, на другой годъ ихъ выбирается только восемь штукъ да девятая кобыла и т. д.

Мясо жертвенныхъ животныхъ варится въ нѣсколькихъ котлахъ, изъ коихъ въ одномъ вытапливается вынутое изъ животныхъ сало, маслить кашу. 9 котловъ употребляются въ честь слѣдующихъ 9-ти духовъ:

1) Тора—Богъ.

2) Тор амыш—Мать Бога.

3) Пӳлӳхси (татар. бӳлеучи—раздѣлитель)—Податель, вѣстникъ (1).

4) Пигамбар (персид. пейгäм—вѣсть и бӳрдэн—нести) — Духъ, раздающій людямъ, по опредѣленію „Кебе“, душевныя качества и сообщающій йомзямъ пророческія видѣнія (2); начальникъ волковъ (3).

5) Херле сыр—Духъ оплодотворяющій землю. (Въ словѣ сыр звучитъ еврейское слово или (цуръ или цоръ) камень, скала, утесъ; чуваш. херле, хирлэ—красный, сыр—крутой берегъ, красный яръ).

6) Сырь йыш—Семейство земли (Семейство духовъ, живущихъ на землѣ).

7) Сырь ашше—Отецъ земли.

---

(1) Корневой чув. рус. Словарь Н. И. Золотницкаго. Стр. 55 и 56

(2) Тамъ же, стр. 202 и 203.

(3) Чуваши разсказываютъ: былъ одинъ человѣкъ и просилъ Бога обогатить его. Богъ исполнилъ его просьбу; у него было много скота и хлѣба. Потомъ человѣкъ просилъ Бога, чтобы онъ сдѣлалъ его равнымъ Себѣ. И это Богъ сдѣлалъ. Наконецъ человѣкъ запросилъ, чтобы Богъ сдѣлалъ его выше Себя. Богъ прогнѣвался, и богатство человѣка погибло: мука обратилась у него въ пыль, собаки—въ волковъ, лошади—въ дикихъ звѣрей, а самъ человѣкъ тотъ сдѣлался начальникомъ надъ звѣрьми.

8) Сьирь амыш—Мать земли.

9) Сьирь шыв ктэнь, т. е. хранитель земли и воды.

Жертвоприношеніемъ распоряжается *молла съ 8-ю помощниками.* избираемыми имъ изъ числа собравшихся на чукъ. Какъ только жертвенное мясо сварится, молла назначаетъ помощникамъ кому котораго изъ перечисленныхъ духовъ помянуть во время чтенія нижеслѣдующей молитвы, для слушанія коей публика становится передъ жертвенными котлами на колѣни, взявъ шапку подъ мышку, а на комъ таковой не случилось—голицу.

Е бисьмеллэ! Перь Тора (1) анбрахтыр! Сьырлага бар! Уя тохсан—уйра перегеть пар; яла кирьзень, ялды перегеть пар; идэмэ кирьзень, идэмре перегеть пар; клэдэ кирзэнь, клэтьрэ перегеть пар! Амин ырлых пар! чук сана, юсси пирэ. Сьичче тӳслэ тыр болыжин азнадыш, витнедеп. Сьырлага хур.

Во имя Бога! Боже единый не оставь (если можно)! Помилуй! По выѣздѣ въ полѣ, дай прибыль въ полѣ; по прибытіи въ деревню—дай прибыль въ деревнѣ; по въѣздѣ на токъ (на гумно)—на току дай прибыль; по входѣ въ клеть—дай прибыль въ клети. Аминь (или вѣрный) дай милость! жертва тебѣ, горькое—намъ. Вспоминаю, что хлѣбъ родился семи родовъ, я уповаю, что это твоя ко мнѣ милость (2).

Передъ тѣмъ, какъ приниматься кушать жертвенное, посылаются въ деревню глашатаи приглашать не присуствовавшихъ на чукъ. Все недоѣденное послѣ

(1) При этомъ помощники упоминаютъ каждый своего духа.

(2) Часто у Чувашъ встрѣчается въ молитвахъ слово Аминь не на концѣ, а въ срединѣ молитвъ, что даетъ понять, что это слово «Аминь», не есть обыкновенное, заключительное слово молитвы, а лучше его слѣдуетъ понимать въ качествѣ свойства Божія: «вѣрный».

чука уносится домой и тамъ поѣдается, какъ святыня.

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ по окончаніи ѣды каждый домохозяинъ оставляетъ на мѣстѣ уйчук нѣсколько мѣдныхъ монетъ, которыя никто не осмѣливается брать. Мѣста, на которыя сходятся тамъ Чуваши для моленья, считаются священными и т. д. ([1]).

Ой чук, какъ слишкомъ публичный, всего чаще обращалъ на себя вниманіе со стороны духовенства и полиціи, и потому нынѣ онъ совершается не повсемѣстно.

Священникъ, села Тогаева, о. Оточевъ, передавалъ мнѣ, что онъ въ первый—же годъ поступленія своего во священники въ упомянутое село въ концѣ 30-хъ годовъ, провѣдавъ о затѣянномъ „ой чукъ“ въ ближайшей къ силу деревнѣ Уй Пилемчи, немедленно отправился туда съ цѣлью воспрепятствовать прихожанамъ совершить языческій обрядъ; но встрѣтилъ съ ихъ стороны такой внушительный отпоръ, что не зналъ, какъ по добру—по здоровью возвратиться домой. На бѣду Чувашъ, вскорѣ заѣхалъ къ о. Оточеву Окружный Начальникъ, которому онъ, какъ новость, и передалъ только что случившееся съ нимъ. Выслушавъ о. Оточева, Окружный Начальникъ, немедленно распорядился собрать всѣхъ участниковъ чука и, наказавши изъ нихъ отъ 9-ти десятаго, собралъ съ нихъ приличную жертву и себѣ.

Лѣтъ пять тому назадъ, вздумали было устроить ой чуге Чуваши въ селѣ Бичуринѣ (Шинерь-бось) на берегу протекающей сквозь села рѣчки Шинерки, но, узнавшій о томъ одинъ изъ приходскихъ священниковъ, тотчасъ же донесъ, находящемуся въ томъ же селѣ, Воскресенскому Волостному Правленію—и замыселъ Чувашъ не осуществился.

Мѣста, на которыхъ совершался ой чуге, въ былые годы, носятъ теперь названія чук сьирми, (оврагъ

([1]) Этнографическій очеркъ быта и обычаевъ Чувашъ Уфимской губерніи Белебеевскаго уѣзда, Ив. Мельшова. III вып. записокъ оренбургскаго отдѣла Импер. Русск. географ. Общества.

чука) на примѣръ—при деревнѣ Липовой (Сьугалых), Вишевскаго прихода.

Старо-крещенные татары въ Мамадышскомъ уѣздѣ одновременно съ чувашскимъ ой (уй) чук совершаютъ Сыйыръ курманы (жертвоприношеніе коровы) и Сарыкъ курманы (жертвоприношеніе овцы). (1)

Сьомыр чуге.

Сьомыр чуге (сьомыр — дождь, чук—жертва)—моленье о дождѣ. Это моленье въ разныхъ деревняхъ носитъ разныя названія; такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Большой Карачевой онъ называется серзи чук—воробьиная жертва; въ Мало—Шатминскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда, сьымарда чук—яичная жертва. Въ деревнѣ Масловой сьомыр чуге, по назначенію міра, подъ руководствомъ моллы, устраивается мальчиками и парнями лѣтъ до 20-ти, которые предварительно гдѣ—нибудь въ оврагѣ вырываютъ прудъ и въ немъ, передъ началомъ и по окончаніи чука, умываются и купаются; въ самый день чука собираютъ по деревнѣ: дрова, молоко, яйца, соль, крупу и масло, изъ чего у пруда въ котлахъ, какъ и вовремя ой чуге, варятъ жертвенныя яства. Читаемой во время сьомыр чука молитвы записать мнѣ не удалось; но, по разсказамъ, она таже, что и при ой чугѣ и что передъ котлами, во время чтенія молитвы, кладется на землю по короваю хлѣба. Возвратившись въ деревню, совершители сьомыр чуге всѣхъ небывшихъ на немъ брызгаютъ и обливаютъ водой. Ко дню этаго чука, какъ и ой чуге, варится обычное пиво, а по совершеніи его—бываетъ обычное пьянство.

Въ Мало—Шатминскомъ приходѣ сьымарда чуге, какъ и въ Масловой, совершается также мальчиками, которые, кромѣ сбора по деревнѣ перечисленныхъ выше яствъ, ловятъ грачей, галокъ, скворцевъ, воробьевъ

(1) Религіозно-нравственное состояніе крещеныхъ татаръ Казанской губерніи Мамадышскаго уѣзда. М. Машанова. Казань. 1875 г. Стр. 22—23.

и другихъ птицъ, за исключеніемъ ворона (1) и голубей. Изъ яицъ и масла готовится яичница, а изъ наловленныхъ птицъ—жареное. Послѣ того, какъ эти кушанья изготовятся, къ мальчикамъ въ оврагъ приходятъ старики, которые, помолившись, разрѣшаютъ приготовленныя кушанья ѣсть, и затѣмъ мальчики идутъ на рѣку или прудъ купаться. Въ старину о дождѣ, по словамъ г. Филиппова, молились Чуваши цѣлыми обществами заразъ и приносили въ жертву разныхъ крупныхъ домашнихъ животныхъ, отъ чего самый чукъ назывался Мун чуге — большой чукъ. Въ околодкѣ Тухур тага, по словамъ г. Филиппова, сьымарда чуге справляется въ Петровки. Точно такъ же сьомыр чуге совершается и въ Белебеевскомъ уѣздѣ. Въ описаніи г. Меньшова приводится слѣдующая молитва (2), читаемая во время сьомыр чуге.

Пирень чуге сьырлах	Нашъ чукъ помилуй
Тора! Тора сьомыр пар!	Боже! Боже дождя дай!
Эбир идатпер Сан—дан	Мы просимъ у тебя со
порь ачазам—бала.	всѣми дѣтьми.

Совершенно тожественный съ сьомыр чуге, татары—магометане деревни Янгильдиной (Карамышево) совершаютъ *джангыр буткасы.*

17 Іюня 1874 года, пріѣхавъ въ Карамышево, я неожиданно засталъ на улицѣ толпу ребятишекъ и взрослыхъ мужчинъ въ мокрыхъ рубашкахъ. Полюбопытствовавъ о причинѣ такого страннаго явленія, я въ отвѣтъ получилъ, что въ тотъ день варили кашу для испрошенія у Бога дождя (джангыр буткасы). Изъ распросовъ оказалось, что каша по этому случаю варится, какъ и у Чувашъ, ребятишками въ

(1) Въ Ядринскомъ уѣздѣ названіемъ Хора сьуган—черный воронъ—чуваши обзываютъ другъ друга и это считается почему-то крайне браннымъ.—

(2) Въ описаніи Г. Меньшова эта молитва напечатана съ ошибками, которыя здѣсь исправлены Г. Филипповымъ.

оврагѣ изъ собранныхъ по деревнѣ крупъ, молока и масла. Когда каша сварится, тѣми же ребятишками оповѣщаются старики, изъ коихъ кто нибудь по приходѣ читаетъ предварительно молитву, послѣ чего собравшіеся уже начинаютъ кашу ѣсть, а потомъ обливаться водой; недоѣденная каша разносится по домамъ.

Зная, что точно также совершается обрядъ испрошенія у Бога дождя Чувашами, я полюбопытствовалъ узнать отъ татаръ, на чемъ основанъ ихъ татарскій обрядъ и, конечно, никакого отвѣта не получилъ, кромѣ того, что о джангыр буткасы въ татарскихъ книгахъ ничего не говорится.

Сьиньзэ.

„Сьиньзэ—недѣловая пора, въ которую главнѣе всего запрещается заниматься земляными работами и вообще трогать и безпокоить землю. Въ этомъ отношеніи Сьиньзэ похоже на ту пору, когда, по повѣрью русскаго простонародья, бываетъ „земля-мати именинница“—послѣ праздника Сошествія Св. Духа (1). Слово Сьиньзэ или Сьиньзя. у Чувашъ Тетюшскаго уѣзда Сьиньчэ—составилось изъ чувашскаго сьинс, сьинь—новый и изъ татарскаго *jай*—лѣто (вм. чувашскаго сьу) и значитъ „новое лѣто“, встрѣча новаго лѣта. У крещеныхъ татаръ и Мещеряковъ пора эта называется незык, нязек (2). Начинается сьиньзэ у Чувашъ со времени появленія цвѣта на озимяхъ и кончается, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Чебоксарскаго уѣзда, передъ паровой пашней, начинающейся раньше или позже, смотря потому, имѣются ли, кромѣ паровой пашни, для скота пастбищныя мѣста, или нѣтъ. Въ Масловой,

---

(1) Этнографическая замѣтка П. В. Казан. Губ. Вѣд. 1872 г. № 94. Село Бѣловолжское (корресп.), Ibid. 1874 г. № 52.

(2) Чув-рус. Словарь Стр. 195. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сьиньзэ называется *Уяв* (татарское اویاو бодрствованіе). См. Извѣстія по Казанской Епархіи 1879 г. статья, касающ. Чувашъ Священ. И. Каменскаго.

по словамъ А. Егорова, Сьиньзэ или каньлэ выгыт— время отдыха продолжается 12 дней, столько-же и въ Байтеряковскомъ приходѣ, въ теченіи коихъ, въ предупрежденіе градобитія полей, Чувашамъ не дозволяется: 1) строить и перестраивать избъ; 2) рыть погреба— вообще копать землю; 3) возить навозъ (чѣмъ живущіе отдѣльно отъ Чувашъ Русскіе во время синьзе исключительно и занимаются); 4) косить траву; 5) красить нитки; 6) мыть бѣлье; 7) по пятницамъ топить печку и варить яшку—самое обыкновенное горячее кушанье у Чувашъ; 8) днемъ пѣть пѣсни и т. д. Въ случаѣ градобитій изобличенные въ нарушеніи котораго либо изъ перечисленныхъ запрещеній, особенно первыхъ, пострадавшимъ отъ града обществомъ наказываются, какъ говорится, до полусмерти (¹), изъ за чего въ чувашскихъ мѣстностяхъ возникало и возникаетъ не мало уголовныхъ дѣлъ. О времени наступленія сьиньзэ въ тюрлеминскомъ приходѣ жители селеній извѣщаются, по распоряженію міра (халых), особыми выборными, которые рано утромъ обходятъ всѣ дома и отбираютъ подозрительные предметы, могущіе послужить орудіемъ нарушенія запрещенныхъ дѣлъ во время сьиньзэ.

Въ виду этихъ запрещеній, въ Байтеряковскомъ, напр. приходѣ, во время сьиньзэ нѣкоторыя женщины и мужщины, нарядившись въ бѣлыя рубашки, выходятъ на улицу, гдѣ, сидя или лежа, разсказываютъ разныя суевѣрныя сказки, или же передаютъ другъ другу какія либо новости и произшествія, случившіяся въ какой—нибудь деревнѣ; прочія же спятъ, забравшись куда нибудь въ холодокъ около клѣти, забора и проч. Молодежь и дѣвушки играютъ въ хороводы.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ ближайшіе къ Волгѣ жители отправляются во время сьинзэ съ удочками на Волгу ловить рыбу и тамъ просиживаютъ цѣлые дни.

У В. Аѳ. г. Сбоева о Сьинзэ говорится такъ: „изъ

(¹) К. Голубинскій: Религіозныя вѣрованія чувашъ. См. Труды Кіев. Дух. Акад. 1861 г. февраль, стр. 246. Сравн. Протоіерея В. П. Вишневскаго: О религіозныхъ повѣрьяхъ чувашъ.

торжественныхъ жертвоприношеній два совершались въ полѣ: одно передъ яровою, другое передъ озимою пашней. Первое называлось ой чукъ—полевая жертва, второе—сиһзя (недѣловая пора). То и другое совершалось въ полѣ... Ой чукъ и сиһзя начинались *музыкой* и оканчивались веселыми играми"... (1). Разсказъ г. Сбоева, будто сиһзэ справлялось Чувашами передъ озимой пашней (2), слѣдовательно въ самый разгаръ страды, невѣренъ уже потому, что сиһзэ обрекаетъ Чувашъ на полную бездѣятельность, а сидѣть сложа руки и смотрѣть, какъ созрѣвшал, но еще не сжатая рожь, или ячмень сыплются,—по меньшей мѣрѣ ни съ чѣмъ несообразно. Въ дѣйствительности Чуваши, если ужъ начнутъ праздновать, то празднуютъ до одуренія, а примутся работать,—работаютъ безъ устали. Жнутъ Чуваши, по словамъ А. Егорова, безъ отдыха, также и сѣно косятъ—(въ трудолюбіи не отказываетъ Чувашамъ и Г. Сбоевъ. Стр. 41—47), и въ это время не знаютъ, кромѣ пятницы, никакихъ праздниковъ. Станешь имъ говорить, пишетъ А. Егоровъ, что въ Воскресенье работать грѣхъ, а они:

Ись питьсэнь пирин кашнай коп прасникь; охмага коллэнь прасникь; прасникь сра тузан анчах полать, иськенэ выгытра прасникь сьок. Эбирь вырысла прасникь пильме вырыс мар; эбирь пабай—зем йыллыбе бор-

Когда кончится работа, у насъ каждый день праздникъ; а для дурака каждый день праздникъ; праздникъ бываетъ только, когда сваришь пиво, вовремя работы праздника нѣтъ. Знать намъ русскіе праздники—мы не

(1) Сбоевъ. Изслѣдованія объ инородцахъ Казанской губерніи. Казань. 1856 г. стр. 107; Фуксъ. Записки о чувашахъ стр. 18.

(2) Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ озимыя поля подъ посѣвъ ржи и русскіе и чуваши пашутъ два раза (двоятъ)—въ концѣ іюня и въ началѣ Августа; въ Ядринскомъ—три (троятъ), еще въ серединѣ іюля; первая пашня въ томъ и другомъ уѣздахъ называется паръ-парить, а послѣдняя—озимой; поэтому, мнѣ кажется, точнѣе сказать: передъ страдой, а еще ближе—во время цвѣта ржи.

натпыр. Русскіе, мы по дѣловымъ обычаямъ живемъ.

Синкса.

Тѣ запрещенія, какія налагаетъ на Чувашъ сынъзэ, извѣстны и *Черемисамъ*, причемъ время соблюденія ихъ называется у нихъ *синкса*. Сообщившій мнѣ объ этомъ черемисинъ околодка Сухаго Врага (Кукшензр), Алексѣевскаго прихода, Помарской волости, увѣрилъ меня, что Синкса у нихъ не соблюдается; между тѣмъ вскорѣ при мнѣ явилась въ Помарское Волостное Правленіе изъ деревни Абашай, сосѣдней съ упомянутой, Чебоксарская солдатка Пономарева и заявила Правленію жалобу на то, что „Черемисы, за отказъ дать имъ вина, въ нанятой ей квартирѣ для производства крашенья холста и нитокъ, опрокинули котлы съ краской на томъ основаніи, что по ихъ вѣрѣ, крашеньемъ въ это время заниматься нельзя (1), и изломали землянку". По этой жалобѣ 23 Іюня 1873 года состоялось слѣдующее рѣшеніе Волостныхъ Судей—черемисъ. „Солдатка, безсрочно—отпускнаго рядоваго Василья Алексѣева Пономарева жена, Пелагея Тимоѳеева заявила, что крестьяне деревни Азяк—бѣлякъ (общее названіе двухъ упомянутыхъ околодковъ) Миронъ Дмитріевъ, Архипъ Семеновъ, Никифоръ Семеновъ, Леонтій Васильевъ, Мартынъ Захаровъ и Алексѣй Даниловъ, не дозволяя ей красить, пролили краску на 10 руб., изломали землянку въ 10 руб., чрезъ что она понесла убытку на 50 руб., а всего на 70 руб. сер., проситъ поступить съ виновными по закону. Отвѣтчики—крестьяне: Миронъ Дмитріевъ, Архипъ Семеновъ, Леонтій Васильевъ, Мартынъ Захаровъ и Алексѣй Даниловъ показали, что они въ землянкѣ дѣйствительно были, гдѣ только отобрали пустой котелъ, чтобы Пономарева не варила краску, на

(1) Вѣрованія некрещеныхъ черемисъ Казанской губерніи. Памятная кн. Казанской губ. на 1863 г. Отд. III стр. 7. п. 6.

что они не давали ей позволенія; въ землянкѣ они только видѣли одну кадку съ краской, которая осталась цѣлой, но 2-й кадки съ черной краской не видали и не разливали. Что касается до убытковъ, то на 50 руб. она ни въ какомъ случаѣ не могла бы выкрасить. Сверхъ того, при этомъ добавили, что они не давали міромъ позволенія, чтобы на ихъ землѣ была выстроена землянка, которую изломали Деушевскіе крестьяне. Сельскій староста показалъ, что міръ не далъ согласія выстроить землянку. 1873 года, Іюня 22 дня. Помарскій Волостной Судъ, руководствуясь 95 и 96 ст. Общ. о крест. Полож., принялъ настоящее дѣло къ своему разсмотрѣнію и согласно 106 ст., приводилъ оное въ ясность на мѣстѣ, а какъ тяжущіеся по 107 ст. окончить дѣло міромъ не пожелали, то постановилъ: „Такъ какъ изъ дѣла видно, что свидѣтели, крестьяне, села Алексѣевскаго Матвей Тимоѳеевъ и Андреянъ Никитинъ не видали, кто именно разлилъ съ краской кадку, и не видя къ тому виновныхъ обличенныхъ фактами, и принимая во вниманіе, что крестьянами согласія на постройку лачужки дозволенія не было дано, и что оная выстроена на общественной землѣ, и въ виду того, что сходомъ воспрещено было уже въ этой лачужкѣ продолжать краску, почему она и была уничтожена сходомъ *во избѣжаніе несчастнаго случая*: то въ искѣ ей, Пономаревой, отказать съ правомъ обжалованія въ 30 дневный срокъ въ съѣздѣ Гг. Мировыхъ посредниковъ“ (1).

Въ рѣшеніи ни слова не говорится, что все дѣло вышло изъ за Синксы, но, бывшій при разбирательствѣ, помощникъ писаря впослѣдствіи передавалъ мнѣ, что обвиняемые въ оправданіе сознаннаго ими самоуправства относительно Пономаревой, ссылались прямо на „синкса“; бывшій при томъ разбирательствѣ

(1) Книга Помарскаго волостнаго правленія на записку рѣшеній Волостнаго Суда по искамъ и проступкамъ крестьянъ. На 1873 годъ. Рѣшеніе № 41.

Помощникъ Старшины, черемисинъ деревни Обшіяръ, Игнатій Степановъ во время разбирательства отъ себя увѣрялъ судей— черемисъ, что въ его деревнѣ разъ случился градъ только потому, что въ то время жилъ у нихъ въ деревнѣ красильщикъ, Пономарева,—разсказывалъ далѣе помощникъ писаря,—изъ Абашай съ своими несчастными красильными котлами перебралась было въ село Помары, но тамъ Черемисы причинили ей новыя непріятности. Въ 1876 г. сентября 18 дня, приставу 2 стана Чебоксарскаго уѣзда, въ деревнѣ Малыхъ Паратахъ, Помарской волости, крестьянка этой деревни Екатерина Никитина заявила, что въ Ильинъ день того года, въ бытность ея семейныхъ въ полѣ на страдѣ и за отлучкой ее самой, Никитиной, въ лѣсъ для собиранія малины, выкрадено изъ находящейся во вдорѣ лачуги, чрезъ отворъ двери, два котла чугунныхъ одинъ около 3-хъ ведеръ, а второй до двухъ ведеръ, желѣзныя ведры, полица и желѣзныя сошники отъ сохи, а когда она возвратилась съ малиной изъ лѣса домой, то въ то же время пришли къ ней одножители Иванъ Капитоновъ и Филиппъ Ѳедоровъ въ пьяномъ видѣ, сорвали съ бывшаго на ее головѣ убора (вуйкольча) четыре серебряныя монеты по 15 коп. и съ тѣмъ ушли. Кража котловъ, ведеръ, сошниковъ и полицы отъ сохи, стоящихъ ей 5 руб. сер. сдѣлана, какъ она узнала отъ сосѣдки Акулины Сергѣевой и другихъ лицъ, крестьянами Данилой Ѳедоровымъ, Никитой Даниловымъ, Яковомъ Даниловымъ, Семеномъ Ивановымъ, Ѳедоромъ Маркеевымъ, Иваномъ Капитоновымъ. Вещи были ими заложены, а деньги пропиты. Изъ украденныхъ вещей полица и сошники возвращены сельскимъ старостой Никитой Даниловымъ, остальныя же вещи не возвращаютъ, *требуя уплаты* какихъ—то *денегъ*, *за то*, будто бы по ея винѣ *у нѣкоторыхъ жителей градомъ побитъ яровой хлѣбъ*, отъ чего они терпятъ убытокъ. О всемъ этомъ ею было заявлено Помарскому Волостному Правленію и старшинѣ Сергѣю Спиридонову, но

удовлетворенія она никакого не получила. „Обвиняемые сознавая, вѣроятно правоту своего поступка, при дознаніи, жалобы на нихъ Никитиной не опровергали; причемъ изъ нихъ Данила Ѳедоровъ въ свое оправданіе показалъ, что онъ съ нѣкоторыми одножителями, дѣйствительно, въ означенное время изъ лачуги крестьянки Никитиной *взялъ два котла, ведра, полицу и сошники за то, что она въ одномъ изъ котловъ красила нитки корнями травъ, отъ чего нѣкоторый яровой хлѣбъ*, въ томъ числѣ и его, *побитъ градомъ*, что онъ хорошо знаетъ, *что градъ былъ вслѣдствіе крашенія* Никитиной *нитокъ* и проч. Случай этотъ, какъ оказалось по наведеннымъ мною справкамъ, Судебнымъ Слѣдователемъ 25 Ноября 1876 г. за № 1266 переданъ на обсужденіе въ тотъ же Помарскій волостной Судъ, но какъ послѣднимъ разрѣшенъ.—свѣдѣній получить не удалось. По закону (207 ст. Улож. 1866 г.) приведенный случай, кромѣ свѣтскаго суда, подлежалъ еще сужденію духовнаго суда.

Кража земли и воды.

Если, не смотря на усердное справленіе синьзэ, ой чуге и сьумур чуге, въ извѣстной мѣстности продолжаютъ повторяться неурожаи, то Чуваши этой мѣстности ночью свадебнымъ поѣздомъ отправляются въ плодородныя мѣстности воровать—въ Шуматовскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда—*колосья* (1). въ Абызовскомъ, того же уѣзда, самую *землю*. Любопытныя подробности этой кражи я приведу изъ статьи Священника Д. Хрусталева (2). Замѣчая въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постепенный упадокъ урожая хлѣбовъ, старики сходятся на одинъ изъ большихъ базаровъ и тамъ, гдѣ—нибуть вдали отъ чужедеревенскихъ, вступаютъ въ разглагольствованіе, между прочимъ, и о

(1) Рус. Вѣд. 1868 г. № 9.

(2) Извѣстія по Казанской Епархіи. 1874 г № 1.

неурожаѣ. Послѣ многихъ сужденій, старожилы, знахари поправлять это дѣло, даютъ намекъ на то, что урожай можно перевести на свои поля изъ дальняго мѣста извѣстными имъ средствами. Не думавши объ этомъ долго, по единодушному желанію берутся за дѣло *для общаго блага*. Это происходитъ такъ: дѣлается первопачально приготовленіе къ поѣздкѣ на чужія поля *за землею*; т. е. собирается съ деревень солодъ для варенія пива. Но здѣсь главная задача не въ одномъ пивѣ и закускѣ для путешествующихъ за землею, а долженъ быть пріисканъ своей волости честный молодой человѣкъ, какъ главное лицо, *жениха*, который за извѣстное условіе долженъ ѣхать свататъ въ опредѣленное мѣсто *невѣсту—землю*: безъ него никакого успѣха не можетъ быть. Страшна участь этаго жениха, говорятъ Чуваши. Сколько бы ни былъ онъ физически крѣпокъ, какъ бы не была благополучна впослѣдствіи обстановка въ его жизни, онъ не доживетъ до старости, а долженъ преждевременно умереть. Но какъ не страшно это будущее, но находятся все—таки охотники на должность жениха. Они обыкновенно бываютъ изъ бѣдныхъ и безпріютныхъ сиротъ, для которыхъ настоящее не утѣшительнѣе страшнаго будущаго. Когда найденъ такой женихъ, его приглашаютъ въ общее собраніе, устроенное въ домѣ одного изъ старокиловъ деревни, угощаютъ пивомъ, дѣлаютъ ему приличное, какъ жениху, платье, обезпечиваютъ его на будущее время, сколько возможно, и назначаютъ срокъ отъѣзда за невѣстою—землею. Въ день отъѣзда начинается опять угощеніе, и уже при наступленіи ночи парадный поѣздъ изъ нѣсколькихъ повозокъ и лицъ съ пѣснями и музыкой (пузыремъ) отправляется въ дорогу, къ невѣстѣ—землѣ. Когда Чуваши переѣдутъ границу своей волости, пѣсни и музыка ихъ смолкаютъ, и даже колокольчики подъ дугами они завязываютъ, изъ опасенія быть услышанными и пойманными и, слѣдовательно до полусмерти отколоченными. Тихо подъѣхавъ къ полю, засѣянному хлѣбомъ,

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина

поѣздъ останавливается и изъ передней повозки снимается поѣзжанами подъ руки женихъ земли. Потомъ всѣ вооружаются заступами и лопатами для поднятія земли—невѣсты. Самый старѣйшій чувашинъ, заступая жениху мѣсто отца, становится съ нимъ рядомъ, лицемъ къ засѣянному полю, и начинаютъ свою рѣчь: „вотъ мы пріѣхали къ тебѣ съ красивымъ и умнымъ женихомъ, богатая и дорогая невѣста; знаемъ, что у тебя сосчитать нельзя богатства, а у нашего жениха оцѣнить нельзя горячность любви къ тебѣ“. Женихъ кланяется до земли. Старикъ опять продолжаетъ: „такъ полюби и ты, дорогая невѣста, нашего жениха и не откажи въ нашей просьбѣ.“ Женихъ опять кланяется. „Возьми съ собою, дорогая невѣста, все твое приданое и съ полей и луговъ, изъ лѣсовъ и рѣкъ.“ Опять дѣлается продолжительный поклонъ, во время котораго чуваши берутъ заступами и лопатами землю въ свои повозки, потомъ поднимаютъ жениха подъ руки, сажаютъ на переднюю повозку, и во весь галопъ мчатся на свои поля. Вступивъ на свою почву, опять развязываютъ валдайчики (колокольчики) и опять раздаются радостные пѣсни, музыка, гайканье и хлопанье въ ладоши.

Подъѣхавъ къ предположенному мѣсту, женихъ, или уже новобрачный, самъ поднимается изъ повозки, и взявъ лопату, подходитъ сперва къ своей, потомъ къ прочимъ повозкамъ съ рѣчью: здравствуй дорогая моя новобрачная, люблю я тебя больше золота—больше жизни моей; за мою любовь разверни и ты свое приданое на нашихъ поляхъ, и лугахъ, и лѣсахъ и рѣкахъ. За тѣмъ изъ каждой повозки онъ беретъ по лопаткѣ земли и раскидываетъ по полю, остальную-же землю раскидываютъ поѣзжане во время продолженія остальнаго пути до мѣста ихъ жительства. Остатокъ этой свадебной ночи проводятъ въ пированьи, а на другой день и послѣ уже не сходятся.

Такимъ же способомъ въ Ядринскомъ уѣздѣ похищается еще вода.

Для похищенія воды у нихъ *выбирается въ же-*

нихи старикъ, которому недолго остается жить.

Къ сожалѣнію, подробностей похищенія земли и воды въ Чебоксарскомъ уѣздѣ узнать мнѣ не удалось.

Въ селѣ Тюрлемѣ Чуваши объясняютъ неудовлетворительность своихъ урожаевъ тѣмъ, что ихъ землю въ старину похитили жители деревни Масловой, отъ чего у тѣхъ урожаи лучше.

Кража земли совершается и Вотяками (1).

Авын путты (Авын сыры).

Авын путты,—авынъ—сыры (авын—овинъ, сыра=сра—пиво)—моленье по окончаніи молотьбы. Для окончанія молотьбы у Чувашъ, какъ въ чебоксарскомъ, такъ и въ ядринскомъ уѣздахъ, всегда приглашаются посторонніе, какъ бы велико не было число рабочихъ членовъ своей собственной семьи. Въ деревнѣ Масловой, вечеромъ, по окончаніи молотьбы послѣдняго овина, закалается пѣтухъ и варится каша авынъ путты. Когда каша будетъ готова, берутся двѣ чашки, изъ коихъ въ одну накладывается каша, а въ другую коровай хлѣба изъ новой муки, или лепешка, и затѣмъ кто либо изъ семейныхъ съ этими яствами отправляется на гумно, гдѣ около „авын аштараган йоба“ (деревянный столбъ на току) разведши огонь, читаетъ молитву:

Е бисьмэлле! Авын кӳтнеси сьырлах! Оя тохсанойра перегедэ бар; идэмэ кирьзэнь,- идэм перегетнэ, кыжыл перегетнэ бар: киле кирьзэнь,-киле перегетнэ бар; кледэ кирьзень, клеть перегетнэ бар! Ачам-бычам-па, выльых чирлих-па сывлых-ырлых пар! Мол сьомнэ мол хош;

Во имя Бога! стерегущій овинъ помилуй! По выѣздѣ въ поле, дай прибыль въ полѣ; по входѣ на токъ-на току прибыль, въ вороху прибыль дай; по входѣ въ домъ-дома прибыль дай; по входѣ въ клѣть, дай прибыль въ клѣти! Семейству, домашнему скоту пошли здо-

(1) Вотяки Казанской губерніи. Д. Островскаго. Казань. 1874 г. Стр. 37—38.

сьорт сьомнэ сьолэнь *сьорбилик* хошма акмалыхнэ бар! Хумышбэк тӳпьнэ бар, туррынэ сьымардабэк тутлыхнэ бар! Амин. Чук сьырлага бар!

ровья и благополучія. Къ имуществу (богатству) приложи богатство; къ строенію ежегодно *по полузагону* (1) присоединять сподоби! Стволъ (хлѣбовъ), какъ тростникъ, а вершину, какъ яйцо по вкусу уроди! Аминь, за жертву помилуй.

По прочтеніи этой молитвы, чтецъ ея, съ присутствовавшими, сдѣлавъ передъ столбомъ (2) земной поклонъ, бросаетъ въ разведенный около него огонь ложку каши и затѣмъ, вкусивъ самъ принесенныхъ яствъ, возвращается съ послѣдними въ избу, гдѣ начинается ужинъ и неизбѣжная попойка. На эти попойки, для даровой выпивки, являются и не участвовавшіе въ молотьбѣ родственники—однодеревенцы и сосѣди. Въ этотъ-же день вѣшается на шишъ (3) нарочно оставляемый необмолоченный снопъ ржи. Въ деревнѣ Чишламѣ передъ тѣмъ, какъ вѣять остальной обмолоченный овинъ, послѣдній сгребается въ кучу, вокругъ которой молотильщики до 3-хъ разъ обходятъ съ молитвой:

Тор' ан-прахтыр! Перегеть падыр! Кине сьолэ тада ытларах падыр! Тора перегеть падыр! Исьмэ,

Да не оставитъ Богъ! Да дастъ прибыль! Въ наступившій годъ еще больше да дастъ. Да поплетъ

(1) Пахотная земля для душевыхъ надѣловъ у чувашъ, во 2-мъ станѣ чебоксарскаго уѣзда, дробится 1) на сьор-билик (по татар. зярым биш) въ 8 шаговъ ширины и 10 веревокъ въ 10 саженъ (100 саж.) длины; и 2) тваткал—въ 20 квадратныхъ саженъ (въ деревнѣ Туганашевой) 4 тваткала въ деревнѣ Малое Карачево (Сядырга) составляютъ сьор-билик, 2 тваткала—хорах йыран, 8 тваткаловъ—ана-загонъ (по татар. зирь). Мѣрой надѣла большею частію служитъ сьор-билик, рѣже (въ нѣкоторыхъ деревняхъ Аттиковскаго прихода)—тваткалъ.

(2) Обыкновенно на току ставится столбъ, во кругъ коего ходятъ лошади и мнутъ, или молотятъ, хлѣбъ.

(3) Овинъ устрояется изъ жердей конусообразно. На верху конуса, для связи, надѣвается обручъ, а верхъ овина называется „шишёмъ“.

сіймэ перегеть падыр! Иксылмэсть! Тивлетнэ бадыр!

Богъ прибыль! нить, ѣсть спорынью да дастъ. Неубавь! Счастье да дастъ!—

Необмолоченый снопъ въ Чешламѣ вѣшается на шишъ Авын ктӱсь валли т. е. для хранителя овина.

Въ Бишевскомъ приходѣ по тому же случаю Авын ктюзенэ—хранителю овина читается молитва:

Омранда сыхла кайранда сыхла! Эбирь сыхлаймастпыр, эс сыхла водыньчэнь, кварыньчэнь! Порь озала сьурьэ яр!

Спереди стереги и сзади стереги! Мы не въ состояніи остерегать сами себя, ты стереги отъ огня, отъ отскрекнувшей искры. Все дурное развѣй!

Въ Аликовскомъ приходѣ приготовленную описаннымъ въ „хирт сорт путты“ способомъ кашу, принесши на гумно, ставятъ въ чашкѣ на току у столба, а въ котлѣ—около сушильни. Молитва при томъ читается такъ:

Сьырлах, Мун Тора! Сана посьсябатпыр мун хоран путтыбэ. Сьырлах пирэ! Сана посьсябатпыр! Сьул! Эс пиринь тыра болзанэ лайых авын ильмэ бар! Вод' орла лайых казярза ильмэ бар! Сьырлах, Мун Тора! Ан-прах!

Помилуй, Великій Богъ! Тебѣ кланяемся кашей изъ большаго котла! Помилуй насъ! Тебѣ кланяемся. Спаси! Сподоби наши хлѣбы благополучно спять съ овина! Благополучно обсушивъ посредствомъ огня, ихъ сподоби взять! Помилуй, Великій Боже! Не оставь!

Киль—йыш путты (сьинь тыр полба).

Эти два разныя названія носитъ одинъ и тотъ же обрядъ,— обрядъ моленья за урожай новаго хлѣба. Киль йыш путты семейная каша—такъ называется онъ въ

деревнѣ Масловой. Сьинь тыр полба т. е. моленье запасомъ новаго хлѣба—такъ называется упомянутый обрядъ въ деревняхъ: Толбаевой, Карачевскаго прихода и Чешламѣ Аттиковскаго прихода. Въ разныхъ мѣстахъ обрядъ этотъ совершается въ разное время. Въ деревнѣ Масловой, напр. онъ совершается наканунѣ Авдан сыры—осенних поминокъ.

Въ день моленья запасомъ ново-обмолоченнаго хлѣба въ Масловой утромъ печется до 150 пшеничных или ячменных калабашекъ (хыпарду), величиною въ копѣечную булку, изъ вновь обмолоченнаго хлѣба, столько-же йосмановъ (юсманъ лепешка для моленья въ киремети)—и варится каша (киль иш путты).—Передъ тѣмъ, какъ начинать кушать, глава семейства, вынесши калабашки на дворъ, читаетъ тамъ молитву:

Е бисьмэллэ! Ыра киреметь-зэм ан-прагыр! Сьырлага хурыр! Сьырэ хпарту, йосман путты чуклеп. Сывлых парыр! Ырлых парыр! Исьмэ, сіймэ перегеть парыр! килем сьордым-па, ачам зэнэ-дэ чук сьырлах! Аминъ.

Во имя Бога! Добрые духи киремети не оставьте! Помилуйте! Приношу вамъ калабашки и кашу съ йосманомъ. Здоровья дайте! Дайте благополучія! Пить, ѣсть изобиліе дайте! Все мое домохозяйство и дѣтей моихъ за жертву помилуй. Аминь.

Въ Чешламѣ:

Тора падыр! Ора хардам! Идэм перегеть падыр пирэ Тора; Ырлых, сывлых падыр! Ыра сонан кильдер, хаяр сонанъ кайдыр! Сывинзэ килэгэнь ужутса яма падыр, высьсэ килэгэнь турантса яма падыр! Алык патнэ кырӱ падыр, тӱбелэ

Да подастъ Богъ! ставлю я пива! Да подастъ намъ Богъ спорынью въ молотьбѣ; да подастъ здоровья и благополучія! Да придетъ (сюда) благожелатель, да удалится (отсюда) зложелатель! Да сподобитъ странника озябшаго обогрѣвъ, а голод-

кинь падыр! Ырлых, сывлых падыр! Вылигым-чирлыгым-ба, киль-йыжым, вотым-ба (2) киль тувып, ачам-пычамба, киль-йышь пелэ!

наго насытивъ, проводить! Къ двери да пошлетъ (Богъ) зятя, а въ тюбель (1) невѣстку! Да подастъ благополучія и здоровья! Съ моимъ домашнимъ скотомъ, съ моимъ семействомъ, съ моей кибиткой (2) молюсь я, съ домочадцами и ихъ семействомъ.—

Эти же молитвы читаются, когда будетъ подана на столъ каша.

Въ Бишевскомъ приходѣ, по словамъ Изотова, виновниками моленья за новый хлѣбъ считаются 12 нижеслѣдующихъ духовъ; изъ нихъ въ честь первыхъ шести печется 6 лепешекъ, а въ честь остальныхъ неопредѣленное количество йосмановъ, смотря по семейству. Всякій старается наготовить йосмановъ побольше для своего семейства.

1) Тора—Богъ.
2) Шулухси—вѣстникъ.
3) Тор ашше—отецъ Бога.
4) Тор амыш—мать Бога.
5) Пигамбар—хранитель людей и скота отъ хищныхъ звѣрей.
6) Сьурень ыра—сопровождающій генія хранителя.
7) Асла ыра—старшій хранитель.

---

(1) Тюбель часть избы, занимаемая женщинами (См. Корневой чувашско-русскій Словарь И. Ив. Золотницкаго. Казань 1875 г. стр. 88)

(2) *Вит* кажется здѣсь соотвѣтствуетъ джагатайскому اوتاغ утагъ, тур. اوطا ута, т. е. шатеръ, новая кибитка. См. Словарь Будагова стр. 110.

8) Кардалуй—(огороженное поле) духъ, живущій въ полевой киремети (1).

9) Тверь ыра—духъ, хранитель рода, или семьи.

10) Чекедура вырдан ыра—хранитель, живущій въ деревнѣ Чикедуй. Чекедуй—околодокъ деревни Пиперь, на правомъ берегу верхняго Аниша, на границѣ Цивильскаго уѣзда.

11) Сьурэнь ыра.

Если этотъ сьурэнь ыра одинъ и тотъ же съ значущимся подъ № 6, въ такомъ случаѣ не извѣстно, почему онъ удостоивается двухкратнаго перечисленія.

12) Херле сьыр—оплодотворяющій землю (2).

По окончаніи моленья за лепешки и йосманы, вторично покланяются (духамъ) Богу съ котломъ каши (3).

Въ деревнѣ Толбаевой въ день совершенія синь тыра пӧла бала, что бываетъ въ полдень, поминаются 9 нижеслѣдующихъ духовъ:

1) Тор
2) Шӳлӳх
3) Хирлэ сьыр.
4) Тор амыш.
5) Пигамбар.
6) Сьирь йиш—общество духовъ земныхъ.
7) Сьирь ашше—отецъ земли.
8) Сьирь амыш—мать земли.
9) Сьирь шыв' ктэнь—хранитель земли и воды.

На празднество приглашаются родственники и сосѣди. Въ Мало-Шатьминскомъ приходѣ отвѣдать новаго хлѣба изъ посторонныхъ приглашается человѣкъ, отличающійся бережливостью.—

(1) На лѣвомъ берегу большаго Аниша, близъ слободки Исмель, находится киреметь подъ названіемъ Кардулай; по преданію, изъ росшихъ въ ней сосенъ построена церковь въ селѣ Тогаевѣ.

(2) Священ. П. М. Мальховъ, Симбир. чуваши и поэзія ихъ. Казань. 1877 г. стр. II. 12.

(3) По словамъ Изотова, названія духовъ и молитвы въ честь ихъ записаны имъ подъ диктовку старухи—чувашки изъ околодка, села Бишева, Чирикли, убѣдительно просившей его о ея сообщеніи никому не сказывать.

Новый хлѣбъ до совершенія за него моленья нельзя ни кому ни продавать, ни въ заемъ давать. Чтобы въ дому не истощалась перегеть (спорынья), Чуваши въ Мало-Шатминскомъ приходѣ *изъ первой пудовки* или лукошка хлѣба, насыпаннаго для продажи (муки, солоду или зерноваго хлѣба) три горсти берутъ назадъ и высыпаютъ обратно въ сусекъ, приговаривая:

Хам телэйм, хам перегедема, хама йолдыр!

Мое счастье, моя спорынья при мнѣ да останется (1).

Новый хлѣбъ Чуваши, какъ и Русскіе, обыкновенно начинаютъ кушать лишь только успѣютъ нажать сноповъ на одну или двѣ телѣги, что бываетъ въ концѣ іюля. По этому случаю никакихъ обрядовъ не совершается, кромѣ чтенія передъ тѣмъ, какъ начинать рѣзать коровай хлѣба, испеченный изъ новой муки, обычной молитвы:

Е бисьмелле! Перь Торанбрах! Киль йыжымба, ачам-пычамба, вылихчирьлихба сьывлых пар! сяк сьине сьукур сьолдалыкран сьолдалыга сьитсэ сіймэлихне бар!

Во имя Бога! Единый Боже, не оставь! Съ семействомъ, дѣтьми и съ скотомъ благополучія дай! Даруй, чтобы этого новаго хлѣба доставало на ѣду изъ года въ годъ!

Въ Мало—Шатминскомъ приходѣ Чуваши, имѣющіе ко времени жнитва старый хлѣбъ, изъ опасенія, чтобы новый хлѣбъ не попалъ въ чужія руки прежде, чѣмъ успѣютъ отвѣдать его сами, смѣшиваютъ нѣсколько зеренъ новаго хлѣба со старымъ, везутъ смѣсь на мельницу и тотчасъ же спѣшатъ первые вкусить испеченный изъ такой смѣси хлѣбъ.

Хирт сорт путты.

Хирт сорт путты (хирт сорт-кикимора, яга баба)—моленье (каша) въ честь кикиморы. По представленію

(1) Русскія Вѣдомости 1868 г. № 9.

Чувашъ деревни Итяковой (Хорапха) кикимора имѣетъ видъ женщины; живетъ она постоянно на печи и занимается пряжей, причемъ кольцо, надѣваемое обыкновенно прядильщицами на веретено для тяжести, у нее серебряное. Ко дню совершенія въ честь кикиморы моленья въ деревнѣ Масловой пекутся йосманы и варится каша, а во время моленья читается молитва:

Ей, хирт сорт сьырлах, ан-брах! Килэ кирьзень кильдэ перегеть пар! Сьырлах чук! Амин! Сана пуду, йосман парып, сьырлага хур! Ажа казяр! Пурьдэ, сьорда сыхлагур вотран, шыв-ран, корый-ман, тушман-дан сыхлагур!

Ей, кикимора помилуй, не оставь! По приходѣ въ домъ, дай въ дому изобиліе. Помилуй чукъ! Аминь. Тебѣ кашу, йосманъ дамъя, помилуй! Пожалуйста прости! Охраняй избу, и надворное строеніе-охраняй отъ огня, отъ воды, отъ ненавистнаго врага.

Въ Бишевскомъ приходѣ молитва читается слѣдующаго содержанія:

Хирт сорт, сана пудуба киль твап. Эс пирэ чиберь пыхса осра! Эс киль хузи. Сана шанза порнат-пыр! Ан-брах пирэ!

Домовой, тебѣ кашей молитву творю. Ты насъ хорошенько (смотря) береги! Ты хозяинъ дому. На тебя надѣясь живемъ! Не оставь насъ!

По прочтеніи молитвы, въ деревнѣ Масловой, совершители обряда принимаются кушать приготовленные для Хирт сорта йосманы и кашу, а затѣмъ, складываютъ остатки яствъ въ чашку, раскладываютъ вокругъ чашки ложки, по числу семейныхъ, ставятъ чашку на печку съ наставленіемъ:

„Сьурлэ турза сій, Хирт сорт, сьын корман чьохнэ".

„Ночью вставши кушай кикимора, когда люди не видятъ".

А сами тотчасъ-же ложатся спать. Само—собою

разумѣется, все предназначенное Хирт сорт-у, на утро оказывается нетронутымъ и съѣдается самими совершителями обряда.

Въ Аликовскомъ приходѣ, ядринскаго уѣзда, по словамъ Г. Филиппова, въ честь Хирт сорта пекутся двѣ лепешки и варится котелъ каши; на первыхъ, передъ тѣмъ, какъ сажать въ печку, сверху дѣлается крестъ (проводятся ножемъ крестообразно двѣ линіи), и пиликшэр сыма—пять носовъ, т. е. щипковъ по краямъ.

Когда каша въ котлѣ сварится, одну половину ея, выложивъ въ чашку, обливаютъ масломъ, вокругъ чашки раскладываютъ ложки и, накрывъ чашку лепешкой, ставятъ на шестокъ печи; другую половину каши, оставшуюся въ котлѣ, намазавши также масломъ, ставятъ съ котломъ на столъ. Мужчины находятся за столомъ, а женщины у печки въ тӱбелѣ, гдѣ послѣднія и располагаются тотчасъ же спать, переодѣвшись передъ чукомъ въ чистое бѣлье. При этомъ обрядѣ читается слѣдующая молитва:

Сыырлах, хирт сорт! Сана посьсябатпыр Норуз-ойгынчэ порь кильйыш бэ, ачы бычы-бэ, посьламан сьу чыресы бэ, посьламан чыгыт-бэ, сьулла пуду-бэ. Чиберь осра пирэ! Сьул пирэ озалдан: вот-ран, квардан, сильдень, шу-ран, вур хорахран-сьул! Порь тырымполым-ба хорт-ым, хумурым-ба чиберь порнма сьир (бар?) пире!

Помилуй, Хирт сорт! Тебѣ въ Мартѣ мѣсяцѣ всѣмъ семействомъ, со всѣми дѣтьми (челомъ бьемъ) кланяемся непочатой кадочкой масла, непочатымъ сырцемъ, масляной кашей Тщательно охраняй насъ! Избавь насъ отъ зла: отъ огня, отъ искры, отъ вѣтра, отъ воды, отъ вора спаси! Со всѣмъ хлѣбомъ и пчелами и увеселяющими напитками жить благополучно удостой насъ!

Въ Ядринскомъ уѣздѣ, какъ видно изъ молитвы, моленье Хирт сорт-у совершается въ Мартѣ; тогда же —въ деревнѣ Чешламѣ; въ Байтеряковскомъ приходѣ въ

среду на страшной недѣлѣ во время мун-гон; въ другихъ мѣстахъ осенью вслѣдъ за „киль йыш путты“.

Подобно Чувашамъ, старокрещеные Татары почти тожественно чествуютъ своего „ӧй эйяссе“—домоваго (1).

Кард йыш путты.

Кард йыш путты (карда йыш-общество или семейство духовъ, обитающихъ въ скотномъ дворѣ и завѣдующихъ имъ) т. е. каша скотнаго двора, или моленье въ честь духовъ скотнаго двора. Ко дню кард йыш путты въ деревнѣ Масловой пекутся йосманы, а каша варится даже на самомъ скотномъ дворѣ. Молитва въ честь кард—йыш:

Е бисьмэллэ! Сьырлага парыр карда кӳтнеси, карда тэвлеҙэ, карда нигизе, карда сыхчи, кард йыш! Сӳлла йосман парадып.

Во имя Бога! Помилуйте духи, охраняющіе скотный дворъ, духи благополучія скотнаго двора и основанія его, духи, оберегающіе его, все общество духовъ скотнаго двора! Масляный йосманъ даю!

По прочтеніи молитвы, ложка каши бросается въ огонь, на которомъ она варилась съ приглашеніемъ: эзер дэ пуду сійер т. е. кушайте и вы кашу! Въ день этаго обряда скотина накармливается сытнѣе обыкновеннаго и весь день гуляетъ на волѣ.

Въ деревнѣ Масловой появленіе во множествѣ волковъ, для спасенія отъ коихъ и совершается описанный обрядъ. Чуваши объясняютъ отсутствіемъ войнъ, на которыя волки ходятъ пить кровь, и за неведеніе ихъ, въ случаѣ появленія волковъ, осуждаютъ царей.

Въ Бишевскомъ приходѣ Кард йыш путты съ калабашками совершается въ честь:

1. Тора—Богъ.

---

(1) Остатки древнихъ народно-татарскихъ (языческихъ) вѣрованій... С. Максимова. Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г. № 19.

2) Перегэть—Богъ изобилія (¹).

Молитва:

Сьырлах, ан—брах. Тора! Сьоратна выльыгачьырлига чиберь ала-ба осрама пар, сьоратмашныпэ сьоратма пар! Перь висьнэ кардара, перь висьнэ шыв-ра пар! Ан-брах. Тора!

Помилуй, не оставь, Боже! Рожденный скотъ хорошими руками беречь дай, нерожденнаго родить дай! Домашняго скота дай столько, чтобы одинъ конецъ былъ у карды, а другой конецъ у воды! Не оставь, Боже!

Въ Аликовскомъ приходѣ огонь на скотномъ дворѣ, по расчисткѣ на немъ соломы, разводится послѣ того, какъ будетъ принесенъ обряженный котелъ съ кашей. По окончаніи моленья, на скотномъ дворѣ развѣшивается парня—подарокъ изъ куска холста въ родѣ ленты. Какъ видно изъ нижеслѣдующей молитвы, Карда путты приготовляется въ честь Пигамбара, какъ хранителя домашняго скота отъ волковъ, и обрядъ совершается въ Мартѣ мѣсяцѣ. По поводу этаго послѣдняго обстоятельства г. Филипповъ замѣчаетъ: вотъ и догадывайтесь, отъ чего передъ Пасхой, въ Мартѣ мѣсяцѣ бываютъ у Чувашъ пожары!

Карда бутты чуклэтпер. Пигамбар, сьырлах! Ыттуна-качкуна чар! Пиринь выльыхсанэ осраза тӳлеттер, хонаттар! Перь вись вагыра, тэпрь вись кардара полдыр!

Совершаемъ моленье скотнаго двора.- Пигамбаръ, помилуй! Удерживай твою собаку-звѣря (волка)! Нашу скотину поправляй и побуждай къ размноженію! Одинъ конецъ да будетъ у проруби, а другой конецъ на скотномъ дворѣ!

(¹) Симбирскіе Чуваша и поэзія ихъ, Свящ. П. М. Мальхова. Казань. 1877 г. стр. 12.

У старокрещенныхъ татаръ покровителемъ домашняго скота считается Абзаръ ойясе, въ честь котораго они ежегодно рѣжутъ извѣстной масти ягненка (1).

Шыв нимере.

Шыв нимере (шыва, шу—вода, нимерь—кисель)—моленье въ честь водянаго духа.

Для совершенія шыв нимере въ Масловой пекутся ячменныя лепешки и кисель. Въ день обряда яства эти, положенныя въ чашку съ масломъ, приносятся на ключь, колодецъ или рѣчку, откуда обыкновенно берется вода, и тамъ читается молитва:

„Эй бисьмэллэ! Шывра борнаган ыра! Сана посьсяпма кильдэм. Сыырлах пирэ! Хилэ кирьзэнь, шыва тибетьсэ ан-яр; сьува тохсан, туптенэ шыв андолдыр.

Во имя Бога! Въ водѣ живущій (добрый) духъ! Тебѣ поклониться я пришелъ. Помилуй насъ! По наступленіи зимы (когда мы войдемъ въ зиму), воду не высуши; по наступленіи лѣта (когда мы войдемъ въ лѣто), не заливай вовсе водой!

По прочтеніи молитвы, одна часть яствъ опускается въ воду, а другая на обратномъ пути предлагается всѣмъ, попадающимся на встрѣчу: Эпь паян нимерь чуклерым, сійзэ пых!—Я сегодня кисель молилъ; откушай—ка! На это вкусившій отвѣчаетъ: съырлах—тыр!—Да помилуетъ! Возвратившись домой, совершители обряда садятся за столъ и ѣдятъ кисель съ лепешкой, а затѣмъ начинаютъ другъ друга водой обливать, выражая этимъ желаніе, чтобы воды прибавилось тамъ, гдѣ она берется; причемъ отъ обливанья не спасутся, если придутъ въ деревню во время нимерь чуклене, ни русскій, ни татаринъ. Въ это же время

(1) Остатки древнихъ народно-татарскихъ (языческихъ) вѣрованій у нынѣшнихъ крещеныхъ татаръ Казанской губерніи. С. Максимова. Изв. по Казанской Епархіи 1876 г. № 19. Стр. 569.

ложка жертвеннаго киселя и кусокъ лепешки относятся на скотный дворъ и тамъ кладутся въ колоду скоту.

Въ Бишевскомъ приходѣ, кисель кладется на небольшую лепешку, которая цѣликомъ опускается въ воду въ честь водянаго духа—Вóдыш. Этому же духу шыва нимерь приносится въ деревнѣ Картлуй (Аманикъ) Карачевскаго прихода.

Въ Бичуринскомъ приходѣ Чуваши (по словамъ крестьянина деревни Большихъ Крыжковъ Павла Якимова), приходя на рѣку ловить рыбу, предварительно бросаютъ въ воду съ берега кусокъ земли, приговаривая: Вут пар! т. е. водяной духъ дай (рыбы)!

Въ Шуматовскомъ приходѣ, ядринскаго уѣзда, заболѣвшіе, по ихъ догадкамъ, отъ испитой воды, въ то мѣсто, откуда послѣдняя была принесена, бросаютъ для выздоровленія горбушку хлѣба и яйцо съ зачернепнымъ сажей концемъ. Этимъ же способомъ лечатся отъ лихорадокъ въ деревнѣ Хорапхахъ Бичуринскаго прихода (1). Въ находящійся на берегу рѣки Йорбаша, въ Шуматовскомъ приходѣ, подъ деревней Старой (Йорбаш сьом) родникъ, изъ котораго въ жнитво и сѣнокосъ берутъ для питья воду, Чуваши бросаютъ, для избавленія отъ простуды, когти звѣрка норки—шашка (2). Въ Масловой источникомъ лихорадокъ считаются вырытыя нѣкогда, для мочки коноплей и поскони, на берегу рѣки Вувы ямы: 1) Пызык Керкури кӳльлли озеро большаго Григорья, 2) Авански кӳльлли—озеро Аванскаго; 3) Сымень кӳльлли—яма или прудъ Семеновъ; 4) Илье кульлли—озеро Ильи и 5) Кив—ялъ сьӳле—родникъ старой деревни. Лѣтъ

(1) Преданія чувашъ Бичуринскаго прихода, Чебоксарскаго уѣзда, и способы леченія у нихъ болѣзней. М. О. Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г. № 21.

(2) Очеркъ Юридическаго быта чувашъ, Ядринскаго, Козмодемьянскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ. Казанскія Губернскія Вѣдомости. 1868 г. №№ 85, 86, 87, 88, 89 и 93.

10-ть тому назадъ, одинъ чувашинъ, вынимая изъ одной изъ упомянутыхъ ямъ конопель, упалъ въ нее, захворалъ потомъ лихорадкой, для излеченія отъ которой долженъ былъ принести (въ жертву) яичко. Онъ зарылъ яйцо на краю озера съ мольбой:

Шыв' Вудыш сьырлах мана! Хинь азăн анбар.	Водяной духъ помилуй меня! Не посылай мучительной болѣзни.

За тѣмъ положивши земной поклонъ, онъ отправился домой, въ полной увѣренности, что лихорадки у него больше не будетъ.

Хлѣбъ, яйца и мѣдныя деньги Чуваши бросаютъ въ воду при часовняхъ въ селѣ Ишакахъ, Козмодемьянскаго уѣзда, и на Ѳоминомъ ключѣ, близъ города Чебоксаръ.

Водяной духъ у Черемисъ называется Вадыш (1), а у старокрещенныхъ татаръ—сыу эйясе, которому, при основаніи мельницъ, приносятъ въ жертву поросенка или щенка, а нѣкоторые даже и ребенка (2).

Сра чуклэш.

Сра чуклени—жертвенное пиво или моленье при принесеніи въ жертву Богу за новый хлѣбъ пива. Это моленье одно изъ самыхъ торжественныхъ; во время совершенія его перечисляются всѣ памятные Чувашамъ духи, ихъ свойства, мѣста ихъ жительства и даже окружающіе предметы. Въ Карачевскомъ и Бишевскомъ приходахъ, по словамъ К. Изотова, сра чуклени начинается передъ Рождествомъ, по совершенной уборкѣ съ гумна хлѣба, и оканчивается въ деревнѣ Ма-

---

(1) Черемисы Яранскаго уѣзда, Вятской губерніи (Этнографическій очеркъ) М. К—ъ Рус. Вѣд. 1872 г. №№ 113, 114, 117, 130 и 152.

(2) С. Максимова. Остатки древнихъ народно-татарскихъ (языческихъ) вѣрованій и проч.

словой обязательно до наступленія Акадуй. Въ Янцибуловскомъ (Вадакасы) приходѣ, по словамъ тамошняго псаломщика Альфонсова, сра чуклени въ послѣднее время справляется только богачами, у бѣдняковъ же оно соединяется съ Авдан сыры или Курь зыры т. е. съ праздикомъ по собраніи хлѣба—(Осеннее пиво). Въ этомъ приходѣ для совершенія сра чуклени приглашаются одни только тӳпь кӳриж, т. е. самые близкіе сосѣди; въ двухъ же первыхъ мѣстностяхъ и въ деревнѣ Масловой приглашаетя возможно большее количесто сосѣдей и родственниковъ.

Въ деревнѣ Чешламѣ, родственники и сосѣди,—вообще гости,—созываются на третій день послѣ сра чуклени и пиршество, по этому случаю, носитъ тамъ спеціальное названіе: Шӑуш корги. (Шав'ыш корги заздравный ковшъ (1).

Моленье сра чуклени начинается съ того, что на столъ выставляются ведро или чашка съ пивомъ, коровай хлѣба изъ новой муки и ковшички для питья пива. Разставивъ все это по порядку и наполнивъ ковшички пивомъ,—что бываетъ обыкновенно вечеромъ,—домохозяинъ предлагаетъ нарочно приглашаемому знатоку обряда, (называемому въ Масловой, Чешламѣ, селѣ Тогаевѣ—молла, въ Байметевой *корга бараган*—податель ковша—виночерпій) избрать себѣ помощниковъ, коихъ должно быть не менѣе восьми. Молла сопровождаетъ свое приглашеніе въ деревнѣ Масловой словами:

Хуназам кильчесь; пичке посьлаза Тора азнас чуклэс. Тор сьырлахтыр! Сяк авалги йыллына туза ирдэрэс тезэ каларымыр!

„Гости пришли; почавши бочку, слѣдуетъ помолиться, помянуть Бога. Да помилуетъ Богъ! Этотъ древній обычай устроивши, совершить мы уговорились"!

Молла по выборѣ себѣ изъ числа гостей помощни-

(1) Изъ гостеваго быта Чувашъ и обрядъ «чуклэма». XI приложеніе къ Словарю Н. Ив. Золотницкаго. Стр. 217.

ковъ, назначаетъ предварительно, кому, во время чтенія нижеприводимой молитвы, какое призываніе, или имя произнести и затѣмъ, передопросивъ хозяина, наполнены ли ковши пивомъ, предлагаетъ избраннымъ своимъ помощникамъ и гостямъ разобрать ковши по рукамъ. Взявъ ковши съ пивомъ въ одну руку, а въ другую подъ мышку шапку, собравшіеся подходятъ къ двери, которая растворяется настежъ, обращаются къ ней лицемъ, при чемъ молла читаетъ молитву, а помощники его и гости, кланяясь произносятъ: первые сьырлах—помилуй такой-то (назначенный моллой) анбрах не оставь! Послѣдніе же говорятъ просто—Тор сьырлах анбрах! и высказываютъ другія благожеланія хозяину.

Е бисьмэлле! Сьырлага бар, Тора! Акны тырра лайыхнэ бадырче; ывыл — хирьбэ азнадып, сьырлах! Тырра тӳкнэ хумушне бар, туррынэ сьимарда-бэк тутлыхнэ бар; алык патнэ кӳрӳ бар, тубелэ кинь пар; карда толлы вильых-чирлих пар; перь визе кардара, перь визе шыв'ра болдыр. Шуян сьын тудыр. Амин. Чук сьырлах! Сьырлага пар! Корыйман сьынзане, Тора, аякки сырдэр; кузе кордыр, аллы ансьиттер; ыра сонан сра исьмэ ман патма кильдер; сьитьмэнне сяк корга сьидерэ бадыр (1)!

Во имя Бога! Умилосердись, Боже! Посѣянный хлѣбъ уроди изобильно (далъ бы Богъ хорошій хлѣбъ); съ сыновьями—дочерьми призываю, помилуй! Стволъ у хлѣба какъ камышъ дай, зерно, какъ яйцо по вкусу, дай; къ двери дай зятя, въ тюбель—невѣстку; скотный дворъ полонъ скота дай; одинъ конецъ на скотномъ дворѣ, другой у водопоя былъ-бы. Богатымъ человѣкомъ сдѣлай! Аминь. За жертву помилуй! Помилуй! Ненавистниковъ людей, Боже, отсрани; глазъ ихъ пусть видитъ, но рука ихъ да не достанетъ; а благо-

(1) Лучшимъ знатокомъ (Моллой) обрядовъ считается въ Масловой чувашинъ сосѣдней деревни Семенчиной Архипъ Андреевъ (Соккыр Эргип); по разсказамъ татаръ Эргип читаетъ молитвы, какъ по книгѣ.—

желатель пусть идетъ ко мнѣ пиво пить; устрой Боже, чтобы недостающее восполнялъ этотъ ковшъ! —

Въ Вишевѣ:

Тора, ырлых пар, сывлых пар! Сьинь тыр полба тав' тувын, пусьсябын: перь пӧрче аксан пинь пӧрчь пар. Килэс ингекрэнь, сынгерь-дэнь, вуррыньчэнь, вуд-ынчэнь сыхла; асла шыва ларзан,— хузсян кӧсьмэнь-чэнь сыхла, хушка хомыньчэнь, таялан кимминьчэнь; содас сотта пагалаза бар; вызэ килегень турантса яма бар; шинза килегэнь ужутса яма бар; виссь тӧслэ тырра полла виссь клетенче бар; хаймалатса (1) молне бар; виссь тӧслэ вылига-чирлига виссь карда бар; тӧк пӧрчыньчэнь тӧлемэ бар; перьдэнь пинь сьитьнэ бар; кисрэ сьомнэ тига бар; инэ сьомнэ пру бар; сорых сьомнэ пудек пар; сьол перегединьчэнь савындаръ, сирьдэнь-дэ пулинь кларза бар; сьуль-дэнь-дэ пулинь андарза бар; ой пе-

Боже, добра дай, здоровья дай! За новый хлѣбъ благодарю, кланяюсь: отъ одного посѣяннаго зерна тысячу зеренъ дай! Отъ будущихъ (имѣющихъ прійдти) бѣдствій, несчастій, отъ воровъ, отъ пожаровъ сохрани; при плаваньи по большой водѣ— отъ перелома весла береги, отъ большаго вала, отъ качанія лодки; что нужно продать, по хорошей цѣнѣ продать дай; проходящаго голоднымъ накормивши отпустить дай; приходящаго озябшимъ отогрѣвши отпустить дай; трехъ сортовъ хлѣбъ въ трехъ клетяхъ положить дай; обогащая дай богатства; трехъ сортовъ скота три карды дай; отъ одного волоска умножиться дай; отъ одного до тысячи дойти дай; къ кобылѣ жеребенка дай; къ коровѣ теленка дай; къ

(1) Отъ *хаймань* кармавъ (въ Ядринскомъ уѣздѣ).

регегединьчэнь савындар; анкартнэ кӱртьсэнь анкарда перегединьчэнь савындар; пульмена кӱртьсэнь пӱльме перегединьчэнь савындар; авыртны сьунуга перегетне бар; ильне тувара перегетне бар; виссь посса виссь *сюр билик* (1) хушша акма бар! Тор', эбирь сана шанза борнатпыр! Тор, эс пирэ порьозалдан, ингек-рэнь, сынгер-дэнь сырэ яр; минь эньдэ пулинь анбрах, Тора! Амин. Сьырлах,—анбрах, Тора!

овцѣ ягненка дай; дорожной прибылью обрадуй, изъ земли хоть вынувши дай; и сверху хоть внизъ спустивши дай; прибылью поля обрадуй; по привозѣ на гумно прибылью гумна обрадуй; когда положишь въ сусѣкъ—прибылью сусѣка обрадуй; смолотой мукѣ неистощимость дай; купленой соли неистощимость дай; въ трехъ поляхъ три *полузагона* посѣять дай. Боже, мы на тебя надѣясь, живемъ. Боже, ты насъ отъ всякаго зла, несчастія, бѣдствія (разсѣявши пусти) избавь; вовсемъ не оставь Боже! Амин. Помилуй, не оставь Боже!

По прочтеніи молитвы, всѣ участвовавшіе въ ней, сперва отливаютъ изъ ковшей часть пива въ ту посуду, изъ которой оно было налито, и затѣмъ уже остальное выпиваютъ сами. Чтеніе молитвы повторяется описаннымъ способомъ столько разъ, пока не будутъ помянуты всѣ, приводимые мною ниже въ трехъ спискахъ, духи; причемъ (по словамъ А. Егорова) если въ послѣдній разъ кому либо изъ 8-ми помощниковъ моллы имени для призванія не достанетъ, дѣлается позаимствованіе изъ предшествовавшей группы. Въ Янцыбуловскомъ приходѣ (по словамъ г. Альфонсова), не смотря на малую ёмкость ковшичковъ (въ чайную чашку), тупь кӱрижами, т. е. близкими сосѣдями, во время соверше-

(1) *Сьоръ пиликъ* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ составляетъ менѣе полузагона.

нія моленья пива выпивается ведеръ до 4-хъ, а самое моленье оканчивается далеко за полночь. Въ Масловой, во время чтенія молитвы, въ послѣдній разъ домохозяинъ, вмѣсто ковша съ пивомъ, беретъ въ руки коровай хлѣба, а ковшъ съ пивомъ передаетъ женѣ, пригласивъ ее:

Маткà, киль конда! корга барам сана. Киль йишжинчень хирт сорта чуклээ, ись сяг коргана.

Жена, иди-ка сюда! поднесу тебѣ ковшичекъ! Отъ семейства (за семейство) помолившись хиртъ-сорту, пей: этотъ ковшичекъ.

Въ то время, какъ мужъ съ гостями отправляется къ двери заканчивать обрядъ, хозяйка съ полученнымъ отъ него ковшомъ, подходитъ къ печкѣ и часть пива изъ ковша выливаетъ въ печь, а остальное выпиваетъ сама и передаетъ ковшъ обратно мужу.

При этомъ въ высшей степени неделикатнымъ считается, если жена возвратитъ мужу ковшъ пустымъ, напротивъ она удостоивается полнаго одобренія всего собранія, если, выпивъ поданный ей мужемъ ковшъ, прежде чѣмъ возвратить его мужу своему, своеручно наполнитъ его и тогда уже подастъ ему.

По окончаніи молитвы и призываній, въ Масловой изъ числа гостей выбирается, такъ называемый, хум кругесь, т. е. почетный распорядитель за столомъ (1). Въ отличіе отъ остальныхъ, онъ садится на стулъ передъ столомъ, лицемъ къ гостямъ, и прежде всего разрѣзываетъ положенный на столъ коровай хлѣба на нѣсколько мелкихъ кусочковъ (àлла валли) для рукъ. Раздавши кусочки всѣмъ гостямъ по рукамъ, онъ начинаетъ просить сьувар валли (для рта), что хозяйка и исполняетъ: подаетъ на столъ всѣ приготовленныя для угощенія гостей кушанья. Затѣмъ начинается ужинъ.

(1) Слово *хумъ* (волна) указываетъ здѣсь на ве елость распорядителя, который покачивается, какъ рожь во время вѣтра.

Вотъ тѣ имена духовъ, или призыванія, которыя молла назначаетъ для произношенія своимъ помощникамъ (въ деревнѣ Масловой):

I.

1) Тора.
2) Пӳлухси.
3) Тор амыш—Мать Бога.
4) Пигамбар.
5) Хирлэ сьыр.
6) Сьирь йыш—семейство земли.
7) Сьирь ашше—отецъ земли.
8) Сьирь амыш—мать земли.
9) Сьирь шыв' ктэнь. (Сокращ. кӳдэгэнь).

II.

10) Сьорт сьорадаган Тора—Богъ, рождающій-созидающій домъ.
11) Ами—самая старшая мать.
12) Туваси—работающій (вм. туваганъ).
13) Тохтасси—удерживающій.
14) Кӳтнесси—стерегущій.
15) Нигизе—завѣдующій фундаментомъ.—
16) Сыхчы—стражъ (татар. алт. и чер. Сакчы—Ангелъ—хранитель).
17) Чечек сьорадаган—производящій цвѣтъ.
18) Чечек ашше—амыже.—Отецъ—Мать цвѣтовъ.

III.

19) Ывыл—хӳрь сьорадаган Тора—Податель дѣтей. По словамъ А. Егорова, начиная съ 3 группы, помощники моллы произносятъ призыванія, заимствованныя изъ двухъ первыхъ.—

IV.

20. Тыр'-бол сьорадаган Тора—Податель всякаго хлѣба.

V.

21) Выльых—чирьлих сьорадаган Тора.—Податель всѣхъ домашнихъ животныхъ.—

VI.

22) Мол сьорадаган Тора—Податель богатства.

VII.

23) Хортъ сьорадаган Тора.—Податель пчелъ.

VIII.

24) Хорсь андаран Тора.—Ниспосылающій силу, крѣпость.

IX.

25) Сьют тўньчи (Тора)—Богъ здѣшняго міра.

26) Квак—хоппи—Мганье (1) или раскрытіе неба (собственно: рѣсницы тверди).

27) Хвал усьлан.—Мгновенное сіяніе во время темноты.

28) Тор' сьолн.— Бичь Божій.

29) Тор хаярс.—Гнѣвъ Божій.

30) Тор иньгеги—Наказаніе Божеское.

31) Тор' сыхчи—Стражъ Божій.

32) Сьиль ашше—Отецъ вѣтра.

33) Сьиль амыже. Мать вѣтра.

X.

34) Сьиль хаяре—Гнѣвъ вѣтра.

35) Сьиль иньгеги наказаніе вѣтра.

36) Сьиль сынгере—сила вѣтра (2).

37) Сьиль сыхчи—стражъ вѣтра.

38) Хвэль ашше—отецъ солнца.

39) Хвэль амыже—Мать Солнца.

40) Хвэль хулги—Уши солнца.

41) Хвэль сьоначе—Крылья солнца.

---

(1) Есть повѣрье у чувашъ Ядринскаго и Цивильскаго уѣздовъ, что во время раскрытія неба на мгновеніе, или во время квакъ хоппи, Богъ даетъ все, чего бы человѣкъ не попросилъ. Однажды мальчикъ, стерегшій лошадей въ лѣсу, во время „квакъ хоппи" попросилъ узду, а ему Богъ сбросилъ цѣлую кучу уздечекъ. Послѣ этого мальчика упрекали и называли дуракомъ, что онъ въ такую удобную минуту не догадался попросить чего либо другаго—лучшаго.

(2) سنكر сенгеръ, укрѣпленіе, завалъ, баррикада. См. Словарь Будагова, стр. 638.

42) Хвэль ори—Ноги солнца (1).

XI.

43) Кебе—Богъ, управляющій судьбами человѣческаго рода.

44) Кебе киремечи—кириметь Бога, управляющаго судьбами человѣческаго рода.

45) Мун киле—великая киреметь.

46) Ксинь киле—малая киреметь.

47) Иньгек сьӳредегэнь—производящій наказаніе.

48) Сьынгерь сьӳрень посылающій силу.

49) Тыра хонаси—Плодитель хлѣба.

50) Тыра хумгаси (Качатель) Раститель хлѣба.

51) Хум крӳгесь—заставляющій хлѣбъ колыхаться.

XII.

52) Пылак параган — раждающій сладости, какъ медъ.

53) Юсь параган—дающій горькое.

54) Сьуда кӳльдэ вырдаган ыра—Духъ почивающій въ свѣтломъ озерѣ.—

55) Хай пӳрень—опредѣляющій, завѣщающій, дарующій жизнь.

56) Чар пӳрень—дающій запрещеніе, опредѣляющій запретъ (2).

57) Чильберь тыдаган—держащій поводъ.

58) Эрпэ ватты—Недѣльная старуха, наблюдающая, по словамъ А. Егорова, за соблюденіемъ Чувашами пятницы.

Въ деревнѣ Масловой передаютъ, что если кто въ четвергъ на пятницу будетъ прясть, то недѣльная ста-

---

(1) Про солнце въ Масловой разсказываютъ, что оно до полденъ бѣжитъ на быкѣ, послѣ полденъ—на зайцѣ, а ночью спитъ за большой горой, а на лунѣ видятъ женщину съ коромысломъ на плечахъ. Упадетъ съ неба звѣзда,—кто нибудь умеръ. Увидавшій это явленіе немедленно заявляетъ: Ман сьулдыр сульдэ! Моя звѣзда на верху. Тамъ (на верху) имѣется звѣзда у всякаго человѣка.—

(2) Чаръ пурень приказывающій, дающій повелѣніе указъ, جار приказъ. Словарь Будагова, стр. 426.

руха на томъ свѣтѣ въ наказаніе будетъ прясть его волосы; тѣхъ, кто на пятницу будетъ стирать бѣлье,—она будетъ поить зольной водой; мнущихъ ленъ—она будетъ мять въ мяльницѣ.—

59) Сьол сьурень ыра—Добрый спутникъ.

60) Асла ыра—Старшій хранитель.

XIII.

61) Эльмень кӳтьни—Ожиданіе Альменя (1).

Какія вѣрованія соединены у Чувашъ—съ ожиданіемъ Альменя, неизвѣстно. Эльмень касы—татарская деревня Альменева на лѣвомъ берегу рѣчки Бувы, версты на двѣ ниже Масловой. По преданію, слышанному мною разъ отъ одного крещенаго татарина, въ Альменевой прежде жили Чуваши, но вслѣдствіе какой—то катастрофы часть этихъ Чувашъ выселилась въ Тогаевскій приходъ, гдѣ основала деревню Эльмень (Ильмень) касы и впослѣдствіи обратилась въ христіавство, а часть Чувашъ, оставшаяся на мѣстѣ, совратилась въ магометанство. Доказательствомъ этаго преданія едва ли не можетъ служить названіе татарами одной изъ ложбинъ, находящейся на противоположной деревнѣ сторонѣ оврага,—Киреметь сьырмы т. е. овражная киреметь. Этотъ оврагъ и часть деревни Альменевой видны изъ деревни Масловой. По словамъ А. Егорова, Масловскіе Чуваши въ проулкѣ между садами Аванскаго и Андрея Аѳанасьева, обратившись лицемъ къ Альменевой, призываютъ „Эльмень кӳтьни“ и жертву ему бросаютъ въ садъ Аѳанасьева.

62) Хай сирьми—оврагъ оживленія. Это названіе древняго будтобы покинутаго кладбища на лѣвомъ берегу рѣки Бувы, между деревнями татарскими Альменевой и Янгильдиной (Карамышева), въ одной верстѣ отъ послѣдней. По преданію, въ старину на хай сьирми Чуваши верстъ изъ—за 50-ти пріѣзжали съ блинами и лепешками поминать погребенныхъ тутъ

(1) Объ Альмень кутни находится небольшая замѣтка въ Словарѣ Н. Ив. Золотницкаго. См. стр. 189.

родственниковъ, а омагометанившіеся ихъ родичи съ пряниками для продажи поминальщикамъ. Въ настоящее время, ежегодно на другой день семика, въ пятницу передъ Троицей, сюда рано утромъ съѣзжаются торговцы пряниками и другими съѣстными продуктами, а къ полднямъ со всѣхъ сторонъ пріѣзжаютъ, на тройкахъ въ кибиткахъ, Татары съ своими разрумяненными и наряженными женами. Чуваши и Русскіе, въ томъ числѣ—и ближайшее духовенство. Часамъ къ 2 уѣзжаютъ всѣ они обратно. Вечеромъ татарская молодежъ сбирается на Семенчинскій берегъ оврага подъ деревней и въ хорошую погоду устраиваетъ на немъ разныя игры. Муллы татарскіе хай сьырмы считаютъ праздникомъ не магометанскимъ, но противъ укоренившагося обычая праздновать этотъ день ничего не могутъ предпринять (1).

63) Кивь ялъ—старая деревня. Названіе мѣста, на которомъ прежде была деревня Маслова, сохраняющая и сейчасъ это названіе, и гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣлъ вязъ, считающійся священнымъ (кириметью).

64) Каракъ сьуваре (воровской ротъ)—названіе мѣстности въ вершинѣ рѣки Бувы, близъ сосѣдней съ Масловой деревни Юмашъ, Цивильскаго уѣзда. На этомъ мѣстѣ, по сказаніямъ, было когда-то, поросшее лѣсомъ, озеро, при которомъ собирался базаръ, переведенный впослѣдствіи въ село Ковали (Кавалъ), Цивильскаго уѣзда. На этомъ базарѣ случались убійства, а жертвы преступленія скрывались въ озеро, или въ лѣсъ, отъ чего мѣстность и получила названіе—Карак сьуваре (2). Въ жертву карак сьуваре приносятся гуси. Близъ Карак сьуваре находится старинное кладбище, на которомъ до сихъ поръ сохраняется камень съ татарскими надписями, поставленный, по преданію,

(1) Перечень, подобныхъ хай сьырмы, чувашско-татарскихъ праздниковъ въ другихъ мѣстностяхъ — см. «Бѣловолжская ярмарка»—Казан. Губ. Вѣд. 1873 г. № 60.

(2) Слово Каракъ по татарски воръ, но въ чувашскомъ языкѣ слово *кар* означаетъ растянуть; сьуваръ карасъ разѣвать ротъ, отсюда *каракъ сьуваре* можетъ означать—разинутая пасть, бездонная пропасть.

надъ могилой богатыря Юмашъ—основателя деревни Юмашевой.

65) Хирле сыр (Красня земля, яръ.—Богъ, оплодотворяющій землю)—есть общее названіе всѣхъ утесовъ съ красными обрывами (Красный яръ). Чуваши заволжной деревни Отаръ этимъ именемъ называютъ часовню въ Красно—ярскомъ приходѣ, на горѣ въ лѣсу, по старой Исменецкой дорогѣ, съ иконой Николая чудотворца (1). Этимъ несомнѣнно объясняется то, что при имени хирле сыр упоминается Никола Тора (2).

66) Шобашкарды ыра—въ самомъ г. Чебоксарахъ находящійся добрый духъ.

67) Свіэри ыра—Свіяжскій добрый духъ.

68) Магаръ—сри ыра—въ Макарьевской пустынѣ (что ниже Свіяжска) находящійся добрый духъ.

69) Хозанды ыра—въ Казани находящійся добрый духъ. Кого подъ именемъ ыра—добрый подъ №№ 66, 67, 68 и 69— разумѣютъ Чуваши,— не извѣстно; но, судя потому, что опредѣляющія ихъ прилагательныя произведены отъ названій мѣстностей, въ которыхъ находятся христіанскія святыни, что Чуваши, даже некрещеные, усердно посѣщаютъ нѣкоторыя христіанскія святыни, особенно часовни: можно предполагать, что въ данномъ случаѣ подразумѣваются христіанскіе святые, подобно тому, какъ далѣе будетъ слѣдовать магометанскій святой (№ 79). Именно, въ г. Чебоксарахъ Чуваши ходятъ на поклоненіе въ Троицкій монастырь *къ часовнѣ* съ рѣзною иконою Св. Николая, и во Введенскій Соборъ; въ г. Свіяжскѣ—въ мужескій монастырь къ мощамъ Св. Германа и въ женскій монастырь къ чудотворной иконѣ Преподобнаго Сергія Радонежскаго; въ Макарьевской пустынѣ—къ иконѣ преподобнаго Макарія; въ Казани—въ Соборъ къ мощамъ св. Гурія,

(1) См. Преданія Чувашъ Бичуринскаго прихода и проч. М. Ѳ. Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г. № 21.

(2) См. Изслѣдованія объ инородцахъ Казан. губерн. В. А. Сбоева. Стр. 113.

въ Спасскій монастырь—къ мощамъ св. Варсонофія и въ казанскій женскій монастырь къ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери. Въ запискахъ Г-жи Фуксъ (стр. 126) приведенъ отрывокъ изъ сочиненія неизвѣстнаго автора статьи о Чувашахъ, напечатанной въ Сѣверномъ Архивѣ за 1827 годъ, въ которомъ упоминаются Вылры Ирзамъ (Вильскіе добрые), близь деревни Вылы, Цивильской округи, сыновья коего—„свіэ зинче ыр—зам (у Г-жи Фуксъ-Сивя Зинзы ирзамъ) и чолна зинче ыр—зам (у Фуксъ—челна зинзи ирзамъ) живутъ на рѣкахъ Свіягѣ и Чолнѣ". Въ Очеркѣ Меньшова (1) у Белебеевскихъ Чувашъ.—выселенцевъ изъ Казанской и Симбирской губерній,—главное божество названо варлы изремъ, что, по моему предположенію и Н. И. Золотницкаго, должно быть Вылры ыр'зам.

XIV.

70) Ой перегечь—духъ, дарующій прибыль полю.
71) Идэм перегечь—прибыль току.
72) Кыжыл перегечь — духъ, дарующій прибыль вороху, т. е. кучѣ непровѣяннаго хлѣба.
73) Киль перегечь—прибыль дома.
74) Карда перегечь—прибыль кардy.
75) Клѣть перегечь—клѣтная прибыль.
76) Вут ами—мать огня.
77) Вут ази—отецъ огня.
78) Хирт сорт—кикимора, женское божество.

XV.

79) Мелим—хузя—духъ йирих, обитавшій въ деревнѣ Масловой до 1870 года въ амбарѣ чувашина Василья Иванова. Обнаруженіе его чествованія произошло по слѣдующему обстоятельству. „12 Августа, 1870 года, сельскій староста деревни Масловой, явясь въ Богородское Волостное Правленіе объявилъ, что въ амбарѣ его одножителя Василія Иванова, съ давняго времени находится киреметь, подъ названіемъ

(1) Записки Оренб. отд. географ. общ. вып. 3 стр. 240.

Илемъ хузя (¹) (Мелим хузя), на поклоненіе коей приходятъ Чуваши съ жертвоприношеніемъ, даже изъ сосѣднихъ уѣздовъ; чтобы привлечь еще болѣе жертвоприносителей, Ивановъ съ женой ходятъ по больнымъ и предрекаютъ имъ смерть, если они не принесутъ жертву Мелимъ хузя, чѣмъ на суевѣрныхъ Чувашъ наводятъ страхъ. По этому, желая прекратить поклоніе кереметі, обыватели поручили ему, старостѣ, просить Волостное Правленіе дозволить обывателямъ амбаръ Иванова сжечь; если же будетъ опредѣлено только продать его, то Чуваши будутъ ходить на поклоненіе и туда, гдѣ онъ будетъ поставленъ вновь. Вслѣдствіе этаго заявленія Богородскій Волостной старшина, тотчасъ же отправившись на мѣсто, произвелъ у Иванова обыскъ, и по обыску въ амбарѣ его отыскалъ: по входѣ на правой сторонѣ, въ сусѣкѣ, на двухъ деревянныхъ, вбитыхъ въ стѣну, гвоздяхъ два большихъ кузова изъ вязовой коры, а въ нихъ, разныхъ по величинѣ. 270 кусковъ холста, изъ коихъ каждый былъ перевязанъ ниткой; въ кускахъ холста: два серебряные пятачка и мелкой мѣдной монеты, начиная отъ ¼ коп. до 2-хъ копѣечниковъ, на сутму 3 рубля 97 ¼ коп. сер., 10 чувашскихъ похватокъ (изъ бѣлой жести кружечковъ, на подобіе серебряныхъ старинныхъ пятачковъ, только нѣсколько менѣе), 2 свинцовые безформенные кусочка, 4 шарика изъ тѣста, изъ коихъ два сплюснуты, и одинъ изъ воска, кусочекъ ржанаго хлѣба—отломокъ отъ горбушки и *квадратную березовую* вытесанную топоромъ, *доску*, въ полтора вершка толщиною, и полторы четверти длиною и шириною, съ остатками воска на углахъ *изображавшую Мелимъ хузя.*

Обнаруживший все изложенное, А. Егоровъ, разсказывалъ мнѣ, что собранные имъ съ помощію старосты понятые, для убѣжденія въ дѣйствительности событія, въ амбаръ Иванова войти изъ страха ни за

(¹) Такъ названъ Мелим хузя въ подлинномъ рапортѣ.—

что не рѣшались, по этому онъ, Егоровъ, вошелъ туда первый и описанную доску нашелъ стоящею на гвоздяхъ, на подобіе иконы; причемъ она была завѣшена бѣлой простыней. А. Егоровъ, предъявивъ доску понятымъ, снова поставилъ ее на прежнее мѣсто, и затѣмъ уже старосту уговорилъ отправиться въ Волостное Правленіе съ изложенной выше жалобой. Амбаръ, въ коемъ помѣщался Мелимъ хузя, какъ оказалось впослѣдствіи, стоялъ съ незапамятныхъ временъ въ углу двора Иванова и достался ему отъ отца—отставнаго солдата, прослужившаго 28 лѣтъ и умершаго въ маѣ 1870 года; амбаръ привезенъ былъ откуда-то изъ Черемисъ, изъ за Волги, гдѣ на какой-то горѣ, изъ которой, по легендарному сказанію Чувашъ, вытекаетъ медъ находилось и коренное жительство Мелимъ хузя; оттуда Мелимъ хузя въ образѣ татарина, въ кибиткѣ, на тройкѣ вороныхъ лошадей, наѣзжалъ въ деревню Маслову временно, между прочимъ въ чугъ ойых—въ мѣсяцъ жертвоприношеній. По своимъ качествамъ, Мелимъ хузя изъ разряда злыхъ духовъ. Найденные по обыску въ кузовьяхъ шарики изъ тѣста (сьулла сьумах маленькіе масляные шарики изъ тѣста), были принесены Мелимъ хузѣ въ жертву для избавленія отъ чирьевъ, кусочекъ хлѣба (йомсынны сьукры т. е. навороженный ёмзей хлѣбъ) (1)—отъ кашля, оловянные слитки (тухлан) и нохратки отъ болѣзни глазъ. Холстъ, приносимый Мелимъ хузѣ, отрѣзывался въ ростъ больнаго. Нуждавшійся въ помощи Мелимъ хузя, войдя въ амбаръ (обыкновенный съ сусѣками для ссыпки хлѣба), вставалъ передъ нимъ на колѣни и, некрестясь, кланялся, приговаривая:

---

(1) Для такого хлѣба обыкновенно дѣлается лепешка тонкая, круглая (вершка 2 въ діаметрѣ). Съ одного бока ея дѣлается пять щипковъ, и въ срединѣ одинъ щипокъ; защипанный край лепешки называется сумзы-носокъ, а средина *куаби* средина, или пупъ. Во время молитвы отрѣзываютъ и бокъ лепешки и самую средину, и эти отрѣзанныя части приносятся въ жертву Богу, и злымъ духамъ.

Мелим хузя, сьырлах мапа! Ажа казяр! Киве кьӳмӳль похрат парнэ барам. Ачам-пала, выльхчирлех пала, порьнэ-дэ сьывлых пар! Сьырлага бар!

Мелимъ хузя, помилуй меня! Прости изъ снисхожденія! Я дамъ въ подарокъ (тебѣ) монету стариннаго серебра. Дѣтямъ моимъ, домашнему скоту и всѣмъ дай здоровья! Помилуй!

По прочтеніи молитвы, моливпійся клалъ свое приношеніе въ одинъ изъ кузовьевъ и, не оглядываясь, отправлялся домой; на время молитвы передъ Мелимъ хузя зажигались восковыя свѣчи, прилѣплявшіяся къ угламъ изображавшей его доски. На кого владѣлецъ амбара былъ сердитъ, тѣхъ въ амбаръ не пускалъ и они тихонько оставляли жертву или около амбара или бросали въ находившійся позади его и задней стѣны двора яблонный садъ, принадлежавшій тому же владѣльцу. Такимъ образомъ въ садъ во множествѣ пускались гуси, утки, куры и цыплята, откуда не только птицъ, но и яблоки похищать всѣ боялись, хотя владѣлецъ сада никогда его не караулилъ. Страхъ къ Мелим хузя питали даже Татары сосѣдней деревни Янгильдиной (Карамышева). Такъ одинъ изъ нихъ, по уничтоженіи мѣстопребыванія Мелимъ хузя, признавался, что разъ, соблазнившись принесенной Мелимъ хузя въ жертву курочкой, онъ поймалъ ее и скупалъ, но вскорѣ, совершенно неожиданно, захворалъ. Думая, что его караетъ чувашское божество, мухаммеданинъ немедленно распорядился взамѣнъ съѣденной пустить къ жилицу Мелимъ хузя свою собственную курицу. Такіе случаи впрочемъ не разъ были и съ Русскими въ Бѣловолжскомъ приходѣ (1). Другой татаринъ изъ той же деревни напротивъ усердно занимается сборомъ жертвенной птицы и денегъ, и чрезъ этотъ промыселъ уплачиваетъ свои подати.

---

(1) Русскія Вѣдомости 1870 г. № 234.

Жертвоприношенія Мелимъ хузя скапливались владѣльцемъ амбара въ теченіи шести лѣтъ, а на седьмомъ, вмѣстѣ съ Мелимъ хузя, вносились въ избу, гдѣ на лавкѣ растилалась простыня, на которую клалась изображавшая Мелимъ хузя доска, къ угламъ ея прилѣплялись зажженныя восковыя свѣчи; высыпались на простыню жертвенныя деньги, сосчитывались и дѣлились между родственниками владѣльца Мелимъ хузя, являвшимися по извѣщенію. Гуси, утки и т. п., въ день раздѣла приношеній закалались и съѣдались. Къ этому времени собиралась въ домъ Иванова вся деревня, вынесши куда либо предварительно изъ своихъ домовъ иконы; во множествѣ сходились сюда же больные со стороны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для ворожбы къ Иванову приходили нерѣдко и Русскіе изъ сосѣднихъ приходовъ свіяжскаго уѣзда Косяковскаго и Кермелинскаго. Два послѣднихъ раздѣла жертвоприношеній Мелимъ хузи были въ 1861 и 1868 годахъ и на нихъ владѣльцу амбара, по словамъ А. Егорова, доставалось рублей отъ 60—70, не считая кусковъ холста, изъ коихъ дѣлались полога и мѣшки. Въ два такихъ мѣшка послѣ обыска и было уложено все поличное.

Имѣя свою святыню, Чуваши Масловскіе не ходили вовсе въ свою религіозную метрополію—село Ишаки, сдѣлавъ наоборотъ изъ своей деревни нѣчто подобное этому селу (¹).

Вотъ родословная владѣльцевъ Мелимъ хузя: 1) солдатъ Иванъ Филипповъ (Мелимъ хузя тӳби т. е. корень Мелимъ хузи). Его дѣти: Василій, Аѳанасій и Софья, бывшая замужемъ въ деревнѣ Муратовой. Братья солдата Ивана Филиппова: 2) Григорій Филипповъ. Его дѣти: Пазюкъ, Марукъ и Мизюкъ, всѣ три замужемъ въ другихъ деревняхъ. 3) Матвѣй Филипповъ. Его дѣти: Николай, Игнатій и Ѳекла. 4) Аѳанасій Филипповъ. Его дѣти: Евдокимъ и Сергѣй. Изъ числа племянниковъ Ивана Филиппова у Николая Мат-

(¹) Русскія Вѣдомости 1870 г.

вѣева дѣтей нѣтъ, а у Игнатія Матвѣева—дочь Марья въ деревнѣ Муратовой замужемъ. Еще нѣсколько дальнихъ родственниковъ ихъ, изъ числа коихъ у Даніила Михайлова въ 1859 году пропала изъ бѣлыхъ овчинъ шуба. Заподозривъ въ кражѣ ея однодеревенца своего, онъ пригрозилъ ему гнѣвомъ Мелимъ хузя, и тотъ шубу подбросилъ; вслѣдствіе этаго Даніилъ Михайловъ, кромѣ обязательной для дальнихъ родственниковъ жертвы изъ гуся, утки, муки, крупъ, соли, масла, меду, денегъ и холста, долженъ былъ приносить еще Мелимъ хузя бѣлую овцу. Слѣдственное производство о Мелимъ хузя судебнымъ слѣдователемъ 2-го участка Чебоксарскаго уѣзда, 20 сентября 1870 года за № 816 было представлено г. Прокурору Казанскаго окружнаго суда, а самъ Мелимъ хузя совсѣмъ, что найдено было при немъ по обыску, отосланъ 25 сентября того же года за № 825—для храненія въ Чебоксарское уѣздное Полицейское Управленіе, откуда лѣтомъ 1876 года, вслѣдствіе прекращенія судомъ дѣла объ Ивановѣ, высвобожденъ и возвращенъ Иванову, но имъ, кромѣ денегъ, пожертвованныхъ въ приходскую церковь, уступленъ мнѣ, а мною отправленъ уже съ кузовьями въ Миссіонерскій пріютъ въ Казани. Амбаръ, въ коемъ жилъ Мелимъ хузя, Чувашами по окончаніи слѣдствія, по совѣту А. Егорова сожженъ на берегу рѣки Бувы. А. Егоровъ надѣялся, что Чуваши перестанутъ питать страхи къ мѣсту жительства Мелимъ хузя и прекратятъ свои въ честь его жертвоприношенія. Но цѣль эта не была достигнута: мѣсто сожженія амбара получило теперь у Чувашъ названіе Мелимъ хузя сьырьми т. е. оврагъ Мелимъ хузи, а самъ онъ, какъ оказалось, и сейчасъ не думаетъ удаляться изъ деревни Масловой. Ровно черезъ годъ послѣ сожженія жилища Мелимъ хузя, одинъ изъ родственниковъ Иванова, упомянутый Игнатій, возвращаясь пьяный изъ деревни Карамышевой верхомъ, лишь только переѣхалъ мостъ черезъ Буву, свалился съ лошади и тутъ же померъ. Это мѣсто теперь носитъ названіе

„Игнат сырче"—Игнатьева гора. 23 апрѣля 1875 года, посѣтивъ мѣстожительство Мелимъ хузя, я нашелъ въ саду Василья Иванова подлѣ забора съ внутренней стороны, преимущественно подлѣ заборныхъ столбовъ: 1) 23 бѣлыхъ холщевыхъ обрѣзка разной величины и формы, не болѣе 2 вершковъ длиною и шириною; изъ нихъ 6 по краямъ имѣли дольные разрѣзы, кои по словамъ А. Егорова сдѣланы въ честь тѣхъ лицъ, за коихъ приносилась жертва. 2) Два кумачныхъ четвероугольныхъ лоскуточка отъ изношенной рубашки; въ одномъ изъ нихъ была завернута нохратка (кругленькая жестянка, величиною съ горошину). 3) Лоскутъ бѣлой бумаги, служившій оберткой для нохратки. 4) Двѣ ничѣмъ необернутыя нохратки, величиною въ серебряный пятачекъ. 5) Два высохшіе отломка отъ горбушки чернаго хлѣба. 6) Двѣ мѣдныя копѣйки серебромъ, изъ нихъ одна найдена А. Егоровымъ подъ нижней жердью забора съ наружной стороны, а другая—мной въ пазу столба вмѣстѣ съ кускомъ хлѣба и 7) Два осколка отъ разбитаго глинянаго блюда и деревянной чашки; въ нихъ по словамъ А. Егорова, несомнѣнно, были принесены въ жертву—сьула сьумах—масляные изъ тѣста шарики. Всѣ эти вещи въ томъ же году доставлены были мною въ Казанское Общество Естествоиспытателей для отдѣла Антропологіи и Этнографіи.

По изслѣдованію Н. И. Золотницкаго, Мелимъ хузя долженъ быть несомнѣнно Малюмъ—ходжа—одинъ изъ мухаммеданскихъ шейховъ, могила коего находится на вершинѣ горы въ Билярскѣ (¹). Слѣды происхожденія названія Масловскаго духа отъ имени Билярскаго шейха, г. Золотницкій находитъ и въ темной чувашской легендѣ, а именно: духъ является въ образѣ татарина; живетъ онъ за—Волгой, а Кама у Татаръ и у Чувашъ называется Бѣлою Волгой, на горѣ—могила шейха; Биляръ или Буляръ по закону

(¹) См. Булгаръ на Волгѣ. И. Березина, стр. 89.

чувашскаго произношенія—пыларъ, чувашское пыл- значитъ медъ, окончаніе ар въ названіяхъ селеній означаетъ: земля, мѣсто, страна; пыл—ар въ легендѣ обратилось въ медовое мѣсто (1).

Любопытно—бы, конечно, собрать біографическія свѣдѣнія о Малюмъ ходжа, его отношеніяхъ къ Чувашамъ, причинахъ, вызвавшихъ чествованіе его Чувашами, районъ чествованія послѣдними и т. д. Въ деревнѣ Толбаевой, Карачевскаго прихода Мелимъ хузя называется Маюмъ хозя, въ Бишевскомъ приходѣ—Малемъ хузя; здѣсь же объ немъ разсказываютъ, что онъ нѣкогда былъ купцемъ Лаишевскаго, или Тетюшскаго уѣзда. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ кирметь Мàлимъ хузя находится близъ деревни Ельниковой (Тӳгӳрчь), яндашевскаго прихода.

Изъ посмертныхъ бумагъ Н. И. Золотницкаго видно, что киремети съ именемъ Малим—хози находятся въ Козмодемьянскомъ и Ядринскомъ уѣздахъ; такъ въ собственноручной его замѣткѣ, писанной карандашемъ, говорится; „Кирметь Мелим-хузя, разстояніемъ съ ¼ версты отъ деревни Юнга бозь и въ ½ в. отъ господской деревни Елкиной (гг. Цвѣтковыхъ—Полозова), была толстая липа, которую срубилъ елкинскій русскій крестьянинъ, но, укладывая колоду, изнурился и не довезши домой, оставилъ, и потомъ отвезъ обратно. Еще кирметь Малим-хози находится близь деревни Яндушъ“ (2).

Ядринскаго уѣзда, Убѣевской волости къ деревнѣ Тракъ пріурочивается кирметь Вàлимъ хузя. Отъ деревни Тракъ недалеко есть гора, прорытая вокругъ оврагами, въ коихъ текутъ ключи, поросшіе елховыми кустами; въ одномъ ключѣ есть йирихъ. Когда Чуваши приходятъ сюда молиться,—сядутъ на колѣни и читаютъ молитву:

---

(1) О жертвенныхъ приношеніяхъ чувашъ. См. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1875 г.

(2) Въ той же замѣткѣ Г. Золотницкаго указаны еще киремети. «Холодоп», «Тобаляк—кирметь», у самаго села Юнга Ядрина; чуваши переселились отъ этой киремети. «Хорадоп—кирметь близь старой часовни въ оврагѣ».

Валимъ хузя! Ээ сирлах пире: кильдэ порнаганзэмбэ, порь выйлыхчирьлихь-зэмбэ-дэ. порь ачам-пчампа-да. Сирлах мана!

Валимъ хузя! Ты насъ, живущихъ дома, помилуй со всѣмъ домашнимъ скотомъ, со всѣмъ семействомъ. Помилуй меня!

Потомъ молившійся бросаетъ киремети завернутыя въ холщевыя лоскутки серебряныя монеты и идетъ далѣе на ключь, въ которомъ живетъ йирихъ. Этому послѣднему даются вмѣсто денегъ изъ бѣлой жести кружечки, также завернутые въ лоскутки холста.

80) Авански килли—Киреметь Аванскаго. Это названіе носитъ рябиновый кустъ и живущій въ немъ духъ—йирихъ, въ саду чувашина деревни Масловой, Ивана Григорьева, по прозванію Аванскаго. Иванъ Григорьевъ получилъ такое прозвище по слѣдующему обстоятельству. У родителей Ивана Григорьева дѣтей долго не было, а когда родился онъ, Иванъ, то мать его на разспросы любопытныхъ о качествахъ ребенка, отвѣчала: аванске—„хорошъ-будто, славный, кажись“; отсюда и произошло его прозваніе Авански.

Самъ Аванскій—йомзя (по спеціальности коновалъ и наговорщикъ—вирӱсь т. е. дующій при наговорахъ на что либо). Однодеревенцы его приносятъ живущему у него въ саду въ рябиновомъ кустѣ духу-йириху въ жертву пряники и сьулла сьумах (масляные шарики), а на кустъ вѣшаютъ холстъ и кусочки олова, привязанные на нитки. Заглянувъ 23 апрѣля 1875 г. изъ любопытства въ садъ (яблонный) Аванскаго, я нашелъ на землѣ подлѣ забора: 1) 32 новыхъ холщевыхъ лоскутка; 2) пять лоскутковъ новыхъ, бѣлыхъ коленкоровыхъ; изъ нихъ въ двухъ было завернуто по одной нохраткѣ, величиною въ горошину. По словамъ А. Егорова, въ честь Авански килли нохратки приносились мельче, противъ таковыхъ же въ честь Мелимъ Хузя, потому-что послѣдній важнѣе Авански килли и 3) нѣсколько бѣлыхъ нитокъ съ уцѣлѣвшими, у четырехъ, привѣсками — оловянными слитками неопредѣленной формы; къ одной ниткѣ, кромѣ того, былъ прикрѣпленъ

небольшой холщевый лоскутокъ съ однимъ разрѣзомъ. Нитки были найдены частію на землѣ, а болѣе на сучьяхъ яблоней, отвисшихъ къ забору, и на самомъ заборѣ, противъ рябиноваго куста. Всѣ эти предметы также представлены мной въ Общество Естествоиспытателей. У Аванскаго были дочери. Отдавая ихъ въ замужество, онъ каждой изъ нихъ, въ числѣ приданаго, далъ по рябиновой вѣткѣ отъ своего куста, отъ чего у нихъ завелись новыя киремети (йирихи). Награждать дочерей такими вѣтками, при выдачѣ въ замужство, вошло въ обычай и у другихъ владѣльцевъ киреметей (йириховъ), о чемъ каждый разъ извѣщаются ими мѣстныя знакомыя йомзи.

У крещеныхъ Татаръ деревни Тавелей и Алексѣевскаго Выселка, Чистопольскаго уѣзда, есть киремети Тяре ӳгезе „и тюрь ӳгезе, коимъ, между прочимъ, ежегодно приносятся мѣдные гроши, завертываемые въ холщевые лоскутки и сохраняемые въ подвѣшиваемыхъ въ мякинницахъ трех-угольныхъ лукошкахъ и бураках. Когда Татары отдѣляютъ сыновей, или выдаютъ замужъ дочерей, то непремѣнно награждаютъ ихъ киремetью—мѣднымъ грошемъ и кусочкомъ бѣлаго холста, которыя зашиваютъ въ небольшой величины мѣшекъ. Сыновьямъ крещеные Татары отдѣляютъ часть той киремети, которая была первоначально принята прадѣдами этого семейства, а дочерямъ—часть той киремети, которую мать ихъ принесла изъ своего семейства (1).

Подобныя кусту Аванскаго святыни во 2 станѣ Чебоксарскаго уѣзда находятся: 1) въ деревнѣ Семенчиной (Шынчасъ), на гумнѣ умершаго некрещенаго чувашина. Это осиновая рощица деревъ въ 200—„*Совкай килли* киреметь некрещенаго Чувашина Совкая. Въ жертву ей приносятъ: куръ, йосманы, сьулла сьумах,

---

(1) Разсказы крещеныхъ татаръ деревень Тавелей и Алексѣевскаго Выселка, Ямашевскаго прихода, Чистопольскаго уѣзда, о произхожденіи киреметей, Михаила Апакова. См. Извѣстія по Казан. Епар. 1876 г. № 11.

кисель, блины, тухланки, нохратки, и нитки; 2) въ овражѣ при деревнѣ Уразметевой (Моргаръ)—по однимъ—пенекъ, на подобіе стоящаго медвѣдя, по другимъ—рябиновый кустъ, при въѣздѣ въ деревню отъ татарской деревни Карамышевой; 3) въ деревнѣ Большой Карачевой, въ саду чувашина Трофима Васильева—липа, которая считается самой главной киреметью. Въ жертву ей приносятся деньги и гуси, перья коихъ раскидываются позади сада на урочищѣ Киреметь пуссы, (поле киремети), на которомъ стоитъ вязъ; 4) въ деревнѣ Большихъ Тимирчахъ (Одачь касы) въ кустарникѣ между этой деревней и слободкой Исмелями. Пріѣзжающіе на Исмелевскій базаръ, въ Слободкѣ на верхушки пней и ростущихъ кустовъ бросаютъ кусочки хлѣба; 5) въ огородѣ дьячка села Янцибулова (Вадакасы) В. И. Альфонсова—липа. Альфонсовъ около липы находилъ мѣдныя деньги, нохратки и жженыя кости; а по утрамъ не разъ заставалъ и молящихся женщинъ.—

81) Тӳр килли. Тӳр—по Джагатайски, Алтайски и Киргизски—значитъ уголъ дома, передній уголъ противъ двери, почетное мѣсто. У Алтайцевъ—тунур, а у Минусинскихъ татаръ тӳр-бубенъ—„необходимая принадлежность Якутскихъ и Алтайскихъ шамановъ, разрисованный разными изображеніями, къ которому простой народъ питаетъ болѣе уваженія и страха, чѣмъ къ самому шаману, вѣря, что въ бубнѣ живетъ духъ—хозяинъ его, и что при совершеніи обряда туда собираются духи, призываемые шаманомъ“ (¹).

У Чувашъ подъ именемъ „тӳр—килли—разумѣется духопоклоненіе, мѣсто поклоненія духамъ и духъ, живущій въ запустѣлыхъ строеніяхъ и вообще на пустыряхъ, неимѣющій никакого образа. Тӳр-килли—важнѣе йириха. На разспросы мои о различіи между йирих—ами и тӳр—килли, одинъ чувашинъ въ селѣ

(¹). Сибирскіе шаманы и чувашскіе йомзи. IV приложеніе къ Словарю Н. Ив. Золотницкаго.

Бишевѣ объяснилъ, что йирих—амъ приносятся въ жертву нохратки, а тӳр килли—гуси; чтобы еще нагляднѣе представить мнѣ разницу между ними, чувашинъ указывая на меня, сказалъ: тӳр килли—это ты (баринъ), а йирих—вотъ онъ—(писецъ). Къ сожалѣнію, дальнѣйшей бесѣдѣ нашей помѣшала жена разскащика, кинувшая на него злобный взглядъ; тѣмъ не менѣе, разскащикъ сообщилъ по секрету, что въ ихъ селѣ тӳр килли находится въ амбарѣ Палюка (Павла). Но въ амбарѣ Палюка ровно никакихъ особенностей не было найдено, даже не было признаковъ посѣщенія его жертвоприносителями. Старуха—домохозяйка Палюка на мой вопросъ, гдѣ у нихъ тур—килли, указала на стоявшую на противоположной сторонѣ двора, у воротъ, баню, въ которой также ровно ничего не было, какъ и въ осмотрѣнномъ новомъ двух—этажномъ амбарѣ, стоявшемъ внутри двора въ связи съ избой. О Тӳр кикли въ селѣ Тогаевѣ (Чакъ) разсказывали мнѣ приходскій священникъ и одинъ чувашинъ. Въ Тогаевскомъ приходѣ тӳр килли находится въ околодкѣ Трак кассы, на пустырѣ, позади петейнаго заведенія. Священникъ села Тогаева Григорій Оточевъ нѣсколько разъ убѣдительно упрашивалъ хозяина пустыря сказать ему, не имѣетъ ли тур видъ какой либо куклы, и тотъ, предоставляя священнику право сдѣлать обыскъ, увѣряль, что и по обыску ровно ничего нельзя найти. Русскій крестьянинъ деревни Верхне-Исеневой Степанъ Петровъ—внукъ чувашина солдата и русской бабушки,—разсказывалъ мнѣ, что утромъ однажды онъ пошелъ на гумно посмотрѣть, не забралась ли скотина, и замѣтилъ, что на току играетъ *точно кошка*; отъ головы у нея видно было сіянье. Степанъ Петровъ сказалъ объ этомъ деревенскимъ, а они отвѣчали ему, что это, должно быть, былъ живущій у Николая Димитріева тӳр килли. Въ другой разъ, я, говорилъ Ст. Петровъ, спалъ дома пьяный. Слышу—кто-то въ дверь стучитъ. Я вышелъ и увидѣлъ на крыльцѣ знакомую вадакасинскую дѣвку, которая просила проводить ее къ Ни-

колаю Димитріеву. Я, помню хорошо, пошелъ съ ней. Потомъ, какъ очнулся, гляжу: весь мокрый лежу въ избѣ Димитріева. Спросилъ его, какъ я попалъ къ нему— не знаетъ. А! это, стало быть, приходилъ за мной живущій въ Вадакасахъ у Еле́ Митри́, откуда была дѣвка, тӳр килли... Съ Димитріевымъ Елѐ Митри́ родня... По моимъ разспросамъ оказалось, что въ Вадакасахъ у Еле Митри туръ-килли нѣтъ, а есть липа у дьячка В. Ив. Альфонсова. Въ деревнѣ Исеневой у Н. Димитріева тӳр килли прежде жилъ въ амбарѣ, а когда Димитріевъ этотъ амбаръ продалъ однодеревенцу Никитѣ Митрофанову, то тӳр килли отъ него убѣжалъ и теперь живетъ опять у Димитріева на скотномъ дворѣ. Къ этому тӳр килли, по словамъ разскащика Петрова, Чуваши прибѣгаютъ за помощью для излѣченія отъ чирьевъ. Намазавъ липовую щепочку масломъ, Чуваши прикладываютъ ее къ чирью и затѣмъ бросаютъ съ задовъ во дворъ Димитріева. Другой тӳр килли живетъ въ деревнѣ Исеневой на восточной сторонѣ деревни, въ полѣ, на урочищѣ подъ названіемъ кивъ зьорт—старая изба. Кромѣ того, тӳр килли находятся: 1) въ татарской деревнѣ Карамышевой (Янгильдина), близь училища—медресе, въ старой избѣ; 2-хъ) на мельницѣ, на рѣкѣ Аништѣ, у Казанскаго мѣщанина С. А. Иванова (Жаркова) въ старомъ амбарѣ. Г. Ивановъ нерѣдко находилъ въ углахъ своего амбара, стоящаго безъ всякаго употребленія въ ветляной рощѣ, мѣдную монету и восковыя свѣчи, а въ самой рощѣ—живыхъ утокъ, куръ и пѣтуховъ, иногда привязанныхъ къ ветламъ за ножку; 3) въ деревнѣ Тоганашевой (Туганашъ), въ сгнившей и развалившейся мякинницѣ чувашина йирих Хведиръ (¹). Старую и гнилую эту мякинницу чувашинъ Ѳеодоръ не поправляетъ и не продаетъ; 4) въ деревнѣ Чешламѣ, въ саду Лукояна Изосимова въ яблони.

Сопоставляя слово тӳр,—говорится въ статьѣ Н. Ив. Золотницкаго о жертвенныхъ приношеніяхъ Чу-

(¹) Йирихъ Хведиръ, т. е. хранитель Ириха Ѳеодоръ.—

вашъ,—съ названіемъ у Минусинскихъ татаръ добрыхъ духовъ—тӧсь тӧри, можно заключить, что и чувашскій тӳр одаренъ добрыми свойствами и существенно разнится отъ враждебнаго человѣку шойтана тѣмъ, что послѣдній не только не имѣетъ постояннаго жилища и не получаетъ жертвъ, но даже изгоняется изъ селеній рябиновыми хлыстами (а въ рябинѣ живутъ подобные тӳрамъ йирихи).

У г-жи Фуксъ и, съ ея словъ, у Риттиха (1), тур килли называется Богъ Теркуля, а Г. Сбоевъ о тӳр—килли ничего не упоминаетъ.

82) Йирих—(2). Словомъ йирих, имѣющимъ настоящее значеніе „посвященія“, у Чувашъ означается и предметъ посвященія и мѣсто посвященія (приношенія) и жилище того духа, которому дѣлается посвященіе; это же слово составляетъ общее именованіе и самихъ духовъ, которые притомъ имѣютъ частныя названія по своимъ свойствамъ, по качеству мѣстности, по имени селенія или владѣльца усадьбы, по именамъ христіанскихъ и мухамеданскихъ святыхъ и даже по именамъ древнихъ властителей. Такъ, напримѣръ, имя Булымерскаго князя Балын—гози Чувашами и Черемисами разныхъ мѣстностей пріурочено къ мѣстамъ ихъ шаманскихъ жертвоприношеній. Духи эти не только переходятъ вмѣстѣ со своими жилищами, при перемѣщеніи послѣднихъ, но и размножаются, подобно киремети, посредствомъ отдѣленія частей отъ ихъ жилищъ. Названію йириха въ общемъ значеніи „духа“ соотвѣтствуетъ слово тӳр, съ тою только разницею, что послѣдній не воплощается (3).

---

(1) Записки о Чувашахъ и проч. Стр. 76. Матеріалы для Этнографіи Россіи. Казанская губернія. Казань. 1870 г. часть II. Стр. 90.

(2) В. Ае. Сбоевъ, стр. 124—125; Фуксъ, стр. 96—97; Ш Прилож. къ корн. Чуваш.—Русск. Словарю Золотницкаго, стр. 150.—

(3) Слово *йирих* есть очевидно, еврейское יֶרֶק *Ерек* зелень. Быт. 1, 30. Исход. 10, 15. Извѣстно, что зеленая вѣтка и у Черемисъ имѣетъ важное значеніе. Сравн. Четыре дня у Черемисъ во время Сюрэма, С. К. Кузнецова, стр. 30—31.

Г. Сбоевъ говоритъ, что йирих означаетъ кузовъ съ приношеніями, а Г-жа Фуксъ йирихомъ считаетъ кусочекъ олова (1), привѣшанный къ рябиновой вѣткѣ. Оба автора, въ нѣкоторомъ отношеніи, правы.

Въ Средне-Тимерсянскомъ приходѣ Симбирской губерніи и уѣзда духу йирих Чуваши приписываютъ пораженіе человѣка наружными гнойными болѣзнями: сыпями, вередами, глазными болѣзнями и проч. Для умилостивленія его они, по словамъ приходскаго священника Л. М. Нечаева (2), кладутъ въ сплетенную изъ прутьевъ корзину сухія древесныя вѣтви, кусочки олова, обрѣзанные съ рукъ и ногъ ногти больнаго, часть волосъ съ головы больнаго, и такую жертву подвѣшиваютъ гдѣ-нибудь у себя въ домѣ.—Экземпляръ жертвы йириху изъ Ядринскаго уѣзда имѣется въ Музеѣ Казанскаго Миссіонерскаго Пріюта.

83) Сьорадан хорынь (береза родильница)—толстая развѣсистая береза на берегу оврага, при которомъ стоитъ деревня Маслова. Къ этой березѣ передъ

---

(1) Обыкновенно йирихи льются изъ свинца: берутъ горящую лучину и подносятъ свинецъ, капли свинца падаютъ на желѣзо (на топоръ, или косарь) и образуютъ родъ звѣздочекъ, или мелкихъ монетъ разныхъ формъ. Если желаютъ кому за что либо отомстить, то загибаютъ йириха (т. е слитую штучку) пополамъ въ родѣ пирога, и при этомъ говорятъ: согни киреметь моего врага такъ, какъ я согнулъ этого йириха. Иногда ворожеи рекомендуютъ кому либо изъ пришедшихъ къ нимъ за совѣтомъ идти къ такой-то кирмети, отыскать близь нея на его бѣду согнутаго йириха и разогнуть, чтобы бѣда прошла.

(2) См. Поученія къ прихожанамъ Священника Симбирской губерніи и уѣзда, села Среднихъ Тимерсянъ Луки Нечаева. Симбирскъ. 1880 г. Стр. 69.—Въ одномъ изъ поученій о. Нечаева противъ Сьинзе, между прочимъ, говорится, что во время Сьинзе Чуваши представляютъ землю чреватой, не копаютъ ее въ это время изъ боязни, чтобы земля не разрѣшилась неплодіемъ; топоромъ ничего не рубятъ въ тоже время, чтобы не оглушить Сьинзе; требуютъ, чтобы всѣ во время сьинзе одѣвались въ бѣлохолщевую одежду.—Требованіе это, очевидно, касается тѣхъ мѣстностей, гдѣ Чуваши въ обыкновенное время носятъ сине-и-красно-пестрядинное бѣлье (улача). За выполненіемъ требованія относительно бѣлой одежды наблюдается во время сиизе и въ Казанской губерніи. См. Бесѣды съ Чувашами о христіанской вѣрѣ. Священника села Кошекъ Чебоксарскаго уѣзда В. Я. Смѣлова. Извѣстія по Казанской Епархіи. 1879 г. Стр. 80.

родами приходятъ беременныя женщины просить:

Сьорадан хорынь, анбрах мана! Сяг ачана тума сьумуллых бар!	Береза рожениць не оставь меня! Этаго младенца родить облегченіе дай!

Беременныя женщины приносятъ въ жертву березѣ—родильницѣ сьулла сьумах, нѣкоторыя же оставляютъ по копѣйкѣ денегъ (1).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по словамъ А. Егорова, по оврагу за деревней Масловой росъ кустарникъ, въ который дѣти ходили сбирать ягоды. Возвращаясь съ набранными ягодами домой, дѣти часть ягодъ оставляли у сьорадан хорынь; тоже они дѣлали и у ключа близь березы. въ томъ и другомъ случаѣ приговаривая:

Сьырлах, сьорадан хорыне! Сана сьырла хорын.	Помилуй береза рожениць! Я полагаю (даю) тебѣ ягодъ.

84) Кйлезэ пыхса сӳрегэнь—наблюдающій за просящимъ милостыни.

85) Валясься бараган—распредѣлитель.

86) Сьитьмэнне сьиттерь — недостающее восполни.—

87) Ажа казяр—снисходительно прости. Амынь.

„Особеннаго вниманія, говоритъ по этоту поводу Н. И. Золотницкій, заслуживаетъ то, что всего только 12-ти словъ не достаетъ до священнаго числа 99 (2), а по всей вѣроятности, это—то число и было при моленьяхъ. Очевидно также, что воззванія, забывавшіяся совершителями обряда, замѣнялись названіями мѣстныхъ предметовъ боготворенія (киреметей, йириховъ, духовъ), или фразами изъ молитвословій. Очевидно и

(1) См. Чувашскія баушки повитухи. Казанскія Губернскія Вѣдомости. 1874 года № 28; Голосъ 1873 г. № 324. (Корреспонденція изъ Чебоксарскаго уѣзда). О жертвѣ киреметямъ отъ женщинъ—чувашекъ съ просьбою рождать дѣтей легко. (См Современ Извѣстія 1873 г. № 342).

(2) Семь и девять по повѣрьямъ восточныхъ народовъ. VI приложеніе къ Словарю Н. Ив. Золотницкаго. Казань. 1875 г.

то, что нѣкогда группы состояли изъ воззваній, относящихся къ одному предмету, но впослѣдствіи перепутывались, напр. къ группѣ II *сьорт сьорадаган (ктэнь) Тора* не относились *чечек сьорадаган* и *чечек ашше—амыже*; если вмѣсто послѣднихъ поставить Бишевскія (сьорт) *тивлечи* и (сьорт) *ырысы*, то группа эта реставрируется.—

Въ Бишевскомъ приходѣ:

Тора.
Шӳлӳхси.
Хирлэ сьыр.
Тор' амыш.
Пигамбар.
Сьирь йыш.
Сьирь ашше.
Сьирь амыш.
Сьирь шыв' ктэнь.
Сьирь пу—земляное испареніе; по нему Чуваши отгадываютъ урожаи отъ того что, весной 1876 г. испареніе появилось прежде, чѣмъ сошелъ снѣгъ, случился не урожай.—
Перегеть.
Перегеть амыже.
Мун тора.
Шор тӳньчи—бѣлый (здѣшній) свѣтъ.
Квак хоппи.
Хвель амыже.
Хвель сьоначи.
Сьиль амыже.
Сьиль сьоначи.
Пыгыт—пыган—видящій отдаленное (1).
(Въ деревнѣ Толбаевой, Карачевскаго прихода, пыгыр пыган)

---

(1) Слово пыгыт понимаемъ отъ арабскаго слова بعيد багидъ дальный, отдаленный.

Твам—ыра—могущественный Богъ (¹).

Твам сӱрэдегэнь—производящій силу, могущество, богатство.

Кебе.

Кебе амыже.

Сьорт ктэнь Тора. Служители его:

Пӱлӱхси.

Ама.

Твасси—дѣлающій (помощь).

Тохтаси—удерживающій.

Рзя (арабск. рызк, разикъ, раззак)— Податель жизненныхъ потребностей.—

Тивлеть—милость, богатство.

Нигизь—основаніе.

Сыхчи—хранитель.

Мол сьорадаган или тваган Тора—даруюшій богатство (деньги).

Служители ему тѣже самые, какіе перечислены выше для сьорт ктэнь Тора.

Тыр'—бол сьорадаган Тора — дающій изобиліе хлѣба.

Служители ему тѣже, съ добавленіемъ:

Ой перегеть.

Перегеть амыже.

Уй рзя—производящій плодъ поля.

Уй сыхчи—стражъ поля.

Выльых—чирлих сьорадаган Тора—производитель домашняго скота. Служители—вышеуказанные.

Чильберь тытса сӱрень ыра—правящій (за поводъ ведущій).

Карда ктӱсь—пастухъ карды.

Ывыл—хирь сьорадаган Тора—производящій дѣтей (сыновей и дочерей). Служители ему вышеуказанные.

Хорсь сьорадаган Тора—дающій силу. Служители ему, кромѣ значащихся у сьорт ктэнь Тора:

(¹) Персид. слово توان *таванъ* мочь; могущественный; توانگر богатый, имѣющій большое состояніе. См. Словарь Будагова, стр. 383.

Пылак параган—дающій сладость.

Андаран—ниспосылающій.

Перегеть.

Хорт сьорадаган Тора—дающій пчелъ. Служители ему—въ 1-й группѣ (стр. 84).

Ама́ пӳрень—дарующій матку (пчеламъ).

Хумгаси— производящій движенія (у пчелъ).

Тӳр килли.

Чар пӳрень.

Хай пӳрень.

Юларан паларан?

Юлаш обышка (1). Въ деревнѣ Толбаевой: йолаш йолан—мужъ или старикъ освобождающій (2).

Киремети: асла ыра.

Асл амыже.

Хаяр—злой, сердитый.

Кардалуй—мѣстность киремети.

Ксинь киреметь—малая киреметь.

Тперь ыра—духъ хранитель рода или семьи (3).

Урас пухты (Уразбахты)—счастье взглянуло (4).

Хирлэ сьыр киреметь амыже.

Омыньчэ сӳрэнь—предстоящій.

Иньгеги.

Сьынгерь.

Идем перегечь.

Авын сыхчи—хранитель овина.

Сода видерень—помогающій продажѣ.

Сьол иньгеги—несчастіе въ дорогѣ.

Сьол сынгерь.

---

(1) Въ Кошкинскомъ приходѣ Чебоксарскаго уѣзда при чукляньѣ новаго хлѣба упоминаютъ Йолаш-амыш. См. Нѣчто о чувашскихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ Свящ. В. Я. Смѣлова. Извѣстія по Казанской Епархіи. 1880 г. № 20, стр. 330.

(2) Принимаемъ слово Юлашъ за происходящее отъ татар. юлушъ يولوش выкупъ, юлушмакъ يولوشمق освобождать.

(3) تبار тбаръ персидское слово: родство кровное, семья, родъ.

(4) Названія селеній Казанскаго края.... XVII приложеніе къ Словарю г. Золотницкаго, стр. 248.

Сьол хаяре.

Сьол сӳрень ыра—добрый спутникъ.

Малем хузя. Нѣкогда бывшій купецъ Лаишевскаго или Тетюшскаго уѣзда.

Хузанда вырдан—почивающій въ Казани.

Свіэрэ вырдан—почивающій въ Свіяжскѣ.

Сумбура вырдан—(Сумбу или Сумка—рѣчка, вытекающая изъ Раиѳской пустыни), находящійся при р. Сумкѣ (1).

Клетьрэ вырдан.

Миньгыш ту. Миньгыш—чувашское названіе деревни Осинкиной, карачевскаго прихода, расположенной на берегу оврага: миньгыш вар.

Шобашкарда вырдан.

Пуръ киле умыньчэ сӳрень—ходящій предъ каждымъ дворомъ.

Валясься—раздѣляющій.

Омра опран—сохраняющій жизнь—(ӳмерь, араб. عمر жизнь).

Кебе киреметь амыш.

Кебе киреметь.

Въ деревнѣ Чешламѣ, Аттиковскаго прихода, гдѣ до сихъ поръ проживаетъ нѣсколько семействъ некрещеныхъ Чувашъ, во время сра чуклени поминаются нижеслѣдующіе духи (2):

Тӳра—Богъ.

Пулухсь—Архангелъ (3).

---

(1) Здѣсь разумѣются Св. мощи Святителей Гурія и Варсонофія Казанскихъ, Германа Свіяжскаго и Чудотворная Раиоская икона Грузинской Божіей Матери.

(2) Списокъ этихъ духовъ написалъ для меня, по моей просьбѣ, мѣстный житель, Михаилъ Ивановичъ Орловъ съ объясненіями, которыя приводятся здѣсь мною безъ измѣненій.

(3) Михаилъ Ив. Орловъ, сообщившій мнѣ списокъ духовъ, по собственному его желанію, 13 лѣтнимъ некрещенымъ мальчикомъ, былъ взятъ Архіепископомъ Филаретомъ въ Спасскій монастырь въ г. Казани, гдѣ крестился, выучился иконописи, чѣмъ между прочимъ и сейчасъ занимается, и служилъ Волостнымъ Писаремъ. Онъ встрѣтился съ Прео-

Тор—амыже—Божія Матерь.
Пигамбар—Пророкъ.
Хирле сыр—Св. Николай.
Сьирь йыш—Хозяинъ земли.
Сьирь ашше—Отецъ земли.
Сьирь амыже—Мать земли.
Сьирь шыв' кудегень—Пастырь или распорядитель земли и воды.
Тувасси—Дѣлатель помощи во всѣхъ частяхъ крестьянской работы.
Тохтасси—Препятствующій въ худыхъ дѣлахъ Чувашъ, или остановитель.
Ывыл хирь сьорадаган Тора—Податель дѣтей.
Ывыл хирь сьорадаган сыхчи—Хранитель дѣтей.
Молъ сьордаганъ Тора—Богъ Податель богатства.
Мол сыхчи—Сберегатель богатства.
Мол нигис—Основаніе богатства.
Тыра бол сьорадаган Тора—Податель хлѣбовъ и всего земнаго блага.
Тыра бол нигис—Основаніе хлѣбовъ.
Тыра бол сыхчи—Хранитель хлѣбовъ.
Виссе тӳрле выйлых чирьлих сьорадаган Тора—Богъ Податель трехъ родовъ скота.
Выйлых чирлихъ нигис—Основаніе скота.
Выйлых чирьлихъ сыхчи—Охранитель скота.
Тора сьоли—Божія дорога.
Хаяре—Гнѣвъ.
Ингеке—Бѣдствіе.
Сыхчи—Хранитель.
Квак хоппи—Небо.
Сьверс выдаган ыра—Святыня, почивающая въ городѣ Свіяжскѣ.

священнымъ Филаретомъ въ селѣ Аттиковѣ, гдѣ Преосвященный, обозрѣвая Епархію, отыскивалъ грамотнаго чувашина прочитать что нибудь изъ только-что переведеннаго на чувашскій языкъ Катихизиса, на что вызвался Михаилъ Ив. Орловъ. Въ Катихизисѣ слово Ангелъ было переведено по чувашски Пулухсь. Такъ это слово переводитъ Михаилъ Ивановъ Орловъ и теперь.

Хозанда вырдаган ыра—Святыня, почивающая въ городѣ Казани.

Кебе амыже—Царица пчелъ, обитающая при рѣкѣ Волгѣ между камнями, откуда вытекаетъ медъ; кому желательно вкусить медку, тотъ долженъ предварительно положить деньги.

Сьиль ашше—Отецъ вѣтра.

Сьиль амыже—Мать вѣтра.

Силь хаяре—Гнѣвъ вѣтра.

Силь ингеке—Бѣдствіе вѣтра.

Силь сынгере—Устранитель бѣдствій.

Сьиль сыхчи—Хранитель отъ бѣдствій.

Силь сьоначе—Крыло вѣтра.

Хвель ашше—Отецъ солнца.

Хвель амыже—Мать солнца.

Сьирь був—земной паръ.

Эрне ватты—Старость недѣли. т. е. простительница некрещеныхъ Чувашъ въ произведенной ими въ день пятницы какой либо работѣ.—

Ингекъ суредегень—Водитель бѣдствій.

Чильберь тыдаган—Повододержатель.

Уй перегечь—Полевая спорынья.

Идэмь перегечь—На гумнѣ спорынья.

Кыжыл перегечь—Спорынья вороху.

Киль перегечь—Спорынья дому.

Сьол ингеке—Дорожное бѣдствіе.

Сьол сынгере—Устранитель бѣдствій.

Карда кюдегень—Пастухъ скотнаго двора.

Асла ыра—Главная киреметь, которую называютъ Чуваши великою и доброю, но напротивъ того она есть для нихъ самая злѣйшая и гнусная карательница ихъ; мѣсто оной киремети опредѣлено ими около большой дороги, пониже деревни Казаковой.

Сумбурды — Озеро, находящееся около бывшей Куземетевской станціи Казанскаго уѣзда.

Ержерды ыра—Мартыновская киреметь (¹).

(¹) Мартынова деревня Аттиковскаго прихода, по чувашски называется Ержеръ. Близъ нея находится древнее кладбище некрещеныхъ чувашъ, съ надмогильными камнями съ татарскими надписями.

Йопсарды—Казаковкая киреметь (1).

Шолдрары, что въ крупномъ лѣсу около большой дороги (Казанско-Нижегородской), киреметь.

Моргарды бось Уразметевская (Болгарская) голова (2).

Пыгыт пыган—Частный смотритель за моленіемъ Чувашъ.

Хай пюрепь. } Неизвѣстныя
Чар пюрень. } киремети (3).

Хирт сьорт—Кикимора, или домовой.

Тур килли } служители
Йырых } киреметные.

Валясся бараганъ—Дѣлитель жертвы.

Ситьменине сидерегень—Доставитель, если которому не было приносимо, жертвы.

Поръ киле омынче сӳрегень—Служитель предъ всѣми домами.

Иоларан — Паларан — Собиратели оставшейся жертвы.

Йырыс или Рыс тыдан.—Непостоянное счастіе, т. е. переходящее отъ одного къ другому язычнику (4).

Въ деревнѣ Чешламѣ упоминаются еще, во время сра чуклени, киремети:

1) Лошкотри — близь деревни Рѣшетниковой (Ватнэр).

2) Ишплат—близь деревни Верхняго Выселка, въ Бѣловолжскомъ приходѣ.—

Во время сра чуклени между прочимъ упоминается въ Янцибуловскомъ приходѣ Эль кӳлли—озеро Эль, находящееся въ Батеевскомъ приходѣ (5), считающееся,

---

(1) Чувашское названіе Казаковой деревни—*Йопсаръ*.

(2) См. Словарь Н. Ив. Золотницкаго, стр. 248.

(3) См. выше стр. 64.

(4) Слово Рыс принимаемъ за персидское راز разъ тайна, отсюда рызъ тыданъ—хранитель тайны.

(5) См. село Бѣловолжское (корреспонденція) Казанскія Губернскія Вѣдомости 1874 г. № 68.

вопреки вѣрованіямъ Масловскихъ Чувашъ, источникомъ дождей во время засухъ.

Въ Байтеряковскомъ приходѣ, Тетюшскаго уѣзда, сра чуге, подъ названіемъ ред—(русское—рядъ), т. е. питье пива по порядку, по роднымъ, по словамъ г. Доброхотова, совершается въ среду на страстной недѣлѣ, и бываетъ такъ. Изъ кореннаго дома, въ которомъ жилъ ихъ дѣдъ, или изъ котораго они всѣ, родственники, отдѣлились, посылается кто нибудь звать по порядку. Какъ только всѣ родные соберутся въ назначенный домъ, хозяинъ прежде всего изъ погреба въ ведрѣ, или въ жбанѣ, приноситъ пиво; потомъ каждому подается по одной чашкѣ пива, и хозяинъ тотчасъ, взявъ въ подмышку свою шапку, отворяетъ дверь и начинается „сра чуге“. Въ это время всѣ, оборотившись къ отворенной двери, держа въ рукахъ свои чашки съ пивомъ, произносятъ слова:

1-й говоритъ „Торра пулехсе“;
2-й говоритъ „Херле-сира“;
3-й говоритъ „Чоп сюрадаган Торра“;
4-й говоритъ „Сют-тюнтене“;
5-й говоритъ „Хвель ашшене“;
6-й говоритъ „Хвель амышне“;
7-й говоритъ „Квак хуппине“;
8-й говоритъ „Пигамбара“;
9-й говоритъ „Хурбана (1)“;
10-й говоритъ „Перекетэ, перекет ашшене, перекет амышне“;
11-й говоритъ „Сют куль амине“ (матери свѣтлаго озера);
12-й говоритъ „Силь ашшене, силь амышне“;
13-й говоритъ “Силь синкерне, силь тытхапе“;
14-й говоритъ „Сирь ашшене, сирь амышне, сирь пуне (туловищу земли), сирь сехметне“ (2). Окончивъ сіи слова, каждый заключаетъ словами: „Аминь сирлах“.

---

(1) Хурбанъ Богъ жертвы.

(2) Сехметъ—вѣроятно отъ арабск. зехметъ زحمت трудъ, заоота; боль, вредъ.

Молитва при этомъ произносимая на русскомъ языкѣ, означаетъ слѣдующую мысль: „Хвала Богу, хранителю здоровья, дающему жизнь и избавляющему отъ злыхъ демоновъ. Хвала карающему Богу, живущему въ оврагахъ и пропастяхъ земныхъ. Хвала Богу, сотворшему душу человѣка. Хвала Богу, сотворшему, по благодати своей, хлѣбъ и прочія земныя растенія. Хвала свѣтлому міру. Хвала отцу и матери солнца. Хвала отверзающимся небесамъ. Хвала пророку. Хвала Курбану (1). Хвала неисчерпаемой щедрости, отцу и матери ея. Хвала отцу и матери свѣтлаго озера. Хвала отцу и матери вѣтра, его заразамъ, переносящимся вслѣдствіе вихря отъ разныхъ странъ. Хвала отцу и матери земли, ея испареніямъ, производящимъ всякія опасныя заразы". По окончаніи сей церемоніи всѣ, оборотясь лицемъ къ переднему углу, гдѣ иконы, молятся Богу и пьютъ пиво, чѣмъ и оканчивается сра чуге. Немного посидѣвъ тутъ, отправляются ко всѣмъ прочимъ. И тамъ тоже самое бываетъ".—

„Сьина-тыры-чуклямы" (сьинь тыра чуклэмэ—моленье новаго хлѣба) совершаютъ съ своеобразными особенностями и Чуваши Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи (2).

Хорт чуге (хорт тавраш) моленіе о пчелахъ.

Вслѣдъ за окончаніемъ сра чуклени, въ деревнѣ Масловой въ тотъ же вечеръ пчеловодами совершается обрядъ въ честь пчелиныхъ духовъ—Хорт чуге (по Ядрински-Хорт тавраш), начинающійся съ привѣтствія домохозяина:

---

(1) Это имя заимствовано отъ татаръ—магометанъ, у которыхъ, какъ мнѣ извѣстно, Курбанъ есть праздникъ подъ именемъ «Курбанъ—Бейрамъ», празднуемый ими, какъ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ муллъ, за здоровье всѣхъ членовъ семьи магометанина. При этомъ они всегда приносятъ въ жертву Богу овецъ; а шкура отъ нихъ отдается муллѣ.—

(2) Зап. Оренбург. Отдѣла Географ. Общ. Вып. III стр. 246—248

Олта оралла хортжын пыл сра турым, хуна вирьле посьтярдым, куружанэ посьтярдым, ял йыжа посьтярдым, тутла пыл сыры пичькинэ посьларым, азнатпыр торразанэ.

Для шестиногихъ пчелъ сладкаго меду сдѣлалъ, гостей созвалъ, сосѣдей созвалъ, деревенское общество созвалъ, бочку съ пивомъ, подслащеннымъ медомъ, почалъ; помянемъ боговъ.

Пчелиные боги:

1) Чигес торры—богъ ласточекъ.
2) Тухран торры,—богъ дятловъ.
3) Вильдрэнь каик торры—богъ птицы крапивника.
4) Шипчик торры—богъ соловьевъ и т. д.

Пчелиные духи, по словамъ А. Егорова, какъ и въ сра чуклени, перечисляются по группамъ, изъ коихъ въ каждой полагается ихъ также по 9-ти; но полнаго списка ихъ собрать не удалось. Молитва имъ въ Масловой читается такова:

Сяк хозяна исьмешкэн, сіймешкэн тутла пыла, юсьне срыне перегеть бар! Ялым йыжимбэ, кӱршембэ, хуна вирьлезембэ перь посьран пинь позе ситмэлихнэ бар! Перь визэ чечекре, перь визэ мардара выллере болдыр! Выссе килегенне турантса ямалых полдыр! Перегетнэ барыр! Сьирлага барыр! Амин.

Этому хозяину напиваться, наѣдаться сладкимъ медомъ, крѣпкимъ пивомъ благодать дай! Всему деревенскому обществу, сосѣдямъ, гостямъ—тысячѣ человѣкамъ отъ одного насыщеніе дай! Одинъ конецъ (пчелъ) пусть будетъ на цвѣткахъ, другой конецъ росмъ (пусть будетъ)—на ульяхъ! (Дай господи), чтобы доставало напитать голоднаго странника! Благодать дайте (боги)! Помилуйте! Аминь.

По прочтеніи молитвы тотчасъ всѣ кладутъ земной поклонъ. Во время чтенія этой молитвы, какъ и во время чтенія молитвы сра чуклени, молящіеся и самъ

произносящій молитву обращаются лицемъ къ двери. Въ деревнѣ Картлуй (Аманикъ) Карачевскаго прихода, обрядъ пчелинымъ духамъ совершается два раза въ году: во время улова пчелъ (т. е. во время вынимания меда) и осенью, въ день сра чуклени; причемъ въ честь этихъ духовъ, кромѣ пива съ медомъ, ничего особеннаго не готовится.—

Въ Шумшевашскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда, по словамъ Гр. Филиппова, для совершенія Хорт тавраш печется 40 йосмановъ и варится 38 кашъ. Каша, впрочемъ, варится только въ двухъ котлахъ—добрымъ богамъ и киреметямъ, но считается за 38 кашъ по числу вычерпываемыхъ изъ котловъ ложекъ въ честь упоминаемыхъ притомъ духовъ. Первая ложка каши предназначается:

1) Мун Торра—большому Богу, вторая и другія нижеслѣдующимъ:

2) Мун Тор омынче тураганнэ — предстоящему предъ великимъ Богомъ.

3) Мун Тор алыкнэ озяганне—привратнику (отворяющему двери) великаго Бога.

4) Мун тор алыкнэ хобаганнэ—привратнику (затворяющему двери) великаго бога.

5) Тор амышнэ—матери Бога.

6) Тор амышнэ омыньчэ тураганнэ—предстоящему предъ матерью Бога.

7) Тор амышнэ алыкнэ озяганнэ — привратнику (отворяющему двери) матери Бога.

8) Тор амышнэ алыкнэ хобаганнэ—привратнику (затворяющему двери) матери Бога.

Остальныя ложки каши всѣмъ киреметямъ, которыя, къ сожалѣнію, не перечислены.

Этотъ разсказъ, записанный г. Филипповымъ со словъ одного чувашина во многомъ не согласенъ съ разсказомъ его родной матери, упоминавшей въ числѣ духовъ—Хурбана, не встрѣчающагося въ приведенныхъ мною спискахъ, за исключеніемъ Тетюшскаго. Слово Хурбан—значитъ лещь и жертва. Кажется, что

Хурбанъ-лещь превратился у Чувашъ въ особаго духа потому, что самъ приносился въ жертву духамъ. У старокрещеныхъ татаръ, Мамадышскаго уѣзда, лѣтомъ совершается балыкъ курманы—жертвоприношеніе рыбы, для чего покупается нельма (акъ балыкъ) по числу жителей извѣстной деревни, чередующееся погодно съ Сарыкъ Курманы (жертвоприношеніе овцы) (1).

Инэ ырры чук (2)

Инэ ырры чукъ—моленье о благополучіи отелившейся коровы. Оно совершается какъ въ Чебоксарскомъ, такъ и въ Ядринскомъ уѣздѣ, недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ корова отелится, пока не накопится извѣстное количество приготовляемаго особымъ способомъ молока (ырры). До совершенія чука купать молоко нельзя. Ко дню „Инэ ырры чукъ“ въ деревнѣ Масловой варится корчага пива, а въ самый день обряда пекутся блины и приглашаются сосѣди. Накушавшись, послѣ обряда, молока и блиновъ, совершители обряда кормятъ блинами же и молокомъ корову и теленка а затѣмъ начинаютъ обливаться водой, приговаривая:

Сӳтьлэ сӳлла болдыр! Кашнай сьол тына тудыр! Тор' анӧрах—тыр! Исьмэ—сіймэ перегеть падыр!

Молочно и масляно да будетъ! Въ каждый годъ телка да родится! Богъ да не оставитъ! Пить и ѣсть изобиліе да дастъ!

Если въ день этаго чука изъ постороннихъ въ домъ никто не придетъ,—считается несчастіемъ. Въ

---

(1) Религіозно-нравственное состояніе крещеныхъ татаръ Казанской губерніи Мамадышскаго уѣзда. М. Машанова. Казань. 1875 г. стр. 23.

(2) Инэ ырры, или инэри, есть коровье молоко, полученное изъ первыхъ удоевъ отелившейся коровы. Такого молока накапливаютъ не менѣе ведра, потомъ варятъ это молоко, причемъ оно сдѣлается густымъ. Когда будутъ приглашены сосѣди, хозяинъ дома беретъ отъ этого молока 4 ложки и бросаетъ по всѣмъ 4 угламъ избы, а въ иныхъ мѣстахъ еще и на печку въ честь хиртъ-сорта.

деревнѣ Кудемеръ Бичурипскаго прихода, ложка инэ ырры кидается на печку Хирт сорту.

Русскіе, въ Бѣловолжскомъ приходѣ, начинаютъ ѣсть молоко новотелой коровы послѣ 6-ти удоевъ, т. е. черезъ трое сутокъ; еслижъ корова съѣла „мѣсто“,— то послѣ 12-ти удоевъ, и притомъ въ обоихъ случаяхъ не прежде, какъ корова будетъ окурена.

Передъ окуриваніемъ корову предварительно обмываютъ дочиста и спрыскиваютъ водой. Самое же окуриваніе производится такъ: въ черепокъ или худой желѣзный ковшъ кладутъ горячіе уголья, посыпаютъ ихъ богородской травой (Thymus Serpyllum) (¹) и затѣмъ одна изъ двухъ женщинъ обхотитъ съ куревомъ до трехъ разъ вокругъ коровы, Послѣ этаго обѣ женщины, вставъ по бокамъ коровы, одна напротивъ другой, начинаютъ другъ другу передавать курево изъ подъ брюха коровы, причемъ главная курильщица каждый разъ спрашиваетъ свою помощницу: „Кума, чего куришь“? „Уроки“! „Кури, гораздо“... Женщины при этомъ и сами должны быть чистыя.

Кстати: въ Бѣловолжскомъ приходѣ, передъ уводомъ со двора купленой коровы, продавецъ коровы, обязанъ дать бечевку, хотябы привязь на рогахъ у коровы и была, и балакирь (кринку), а покупатель—копѣйку, двѣ, или три денегъ, въ счетъ платы; это называется-золотить рога. Балакирь дается, если корова не чойная, въ противномъ случаѣ дается какое нибудь количество молока или масла. Если корова во время вывода ея со двора, испразднится,—то пометъ продавецъ и покупщикъ должны лопатой раздѣлить пополамъ и бросить каждый свою долю на свою сторону, чтобы не переводилось племя.

(¹) О народныхъ лекарственныхъ растеніяхъ, употребляемыхъ въ Пермской губерніи. Порфирія Крылова. Труды Казанскаго Общ. Естествоиспытателей. Казань. 1874 г. Томъ V. выпускъ II. стр. 28.

Соргоры.

Соргоры (сорыг—оры—овечья нога)—дѣтскій праздникъ, если не ошибаюсь, совершаемый въ благодарность Богу за урожай хлѣба и приплодъ скота и для испрошенія тѣхъ же благъ въ будущемъ году. Соргоры празднуется одновременно, но не повсемѣстно. Въ Ядринскомъ, напр. уѣздѣ во всѣхъ приходахъ совершается въ 3-ю пятницу послѣ Николина дня, приходящуюся иногда передъ праздникомъ Рождества Христова, иногда на Рождествѣ; въ Чебоксарскомъ же уѣздѣ соргоры исполняется только въ ближайшихъ къ городу приходахъ, въ другихъ же, въ 2-мъ станѣ, онъ извѣстенъ, какъ праздникъ черемисскій (¹). Въ Мало Шатминскомъ приходѣ, по сообщенію г. Филиппова, соргоры празднуется такъ. Вечеромъ, какъ только смеркнется, взрослые парни и мальчики, собравшись со всей деревни, начинаютъ обходить деревню подворно, крича:

Мэ-э-э! сорыхсам пӳдек тучер, хирьзэм хизир болчэр, арымзам ача тучер!

Ме-е-е! Овцы ягнитесь, дѣвушки будьте дѣвственны, женщины родите дѣтей!

Толпа дѣтей и взрослыхъ, въ каждомъ домѣ, который она посѣщаетъ, надѣляется крупой, масломъ, солью или горохомъ; три горсти гороха, сверхъ того, кидается на драку, къ потолку съ словами:

Пурзя сяӳын сӳлле болдыр! Перь пурчак—ран пинь пӳрчи болдыр!

Горохъ такой вышины будь! Отъ одной горошины да будетъ тысяча горошинъ!

Обошедши всю деревню, толпа заходитъ къ кому-либо въ домъ и изъ собранныхъ продуктовъ начинаетъ

(¹) Справочный листокъ г. Казани за 1867 г. № 17. Сравн. Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чувашъ. Свящ. Н. Каменскаго. Казань. 1879 г. Стр. 21.

варить гороховую кашу (пурзя путты). Послѣ того, какъ каша сварится, въ избранный толпой домъ приходятъ старики и, сдѣлавши молитву надъ кашей, благословляютъ пурзя путты кушать. Наѣвшись, толпа беретъ въ руки по сырому пруту, выходитъ въ поле, на разстояніи не менѣе версты отъ деревни, и тамъ, воткнувъ прутья въ снѣгъ, дѣлаетъ имъ по три поклона. Потомъ всѣ вышедшіе въ поле, прилягутъ къ землѣ т. е. на снѣгъ и прислушиваются. Если они услышатъ блеяніе овецъ, или мычаніе коровъ, то это,—заключаютъ,—къ счастью; если же послышится лай собакъ,—это къ несчастью. Послѣ того всѣ возвращаются домой. На слѣдующій день отправляются туда же освѣдомиться, не нагадили ли около прутьевъ собаки; если да—къ несчастью; если нѣтъ—къ счастью.

Въ Акулевскомъ приходѣ Чебоксарскаго уѣзда для празднованія соргоры мука и солодъ добываются складчиной парней и дѣвушекъ, желающихъ участвовать въ празднествѣ. Изъ солода, наканунѣ Рождества Христова, варится складчиками пиво, а изъ муки пекутся „колобки“ (йива) (¹). Все это заготовляется или въ особо-выбранномъ домѣ, или въ жарко натопленной банѣ. Предварительно обхода деревенскихъ домовъ, участники складчины собираются въ условленное мѣсто, и въ немъ выпиваютъ по одному лишь ковшу пива изъ осторожности, чтобы не спьяниться. Во время обхода домовъ, участники складчины пляшутъ въ домахъ, а послѣ пляски высказываютъ домохозяевамъ разныя благожеланія,—желаютъ: обилія скота, хлѣба, и всякаго благополучія. Устроители празднества, награжденные колобками, горохомъ, орѣхами, идутъ далѣе приглашать къ себѣ въ избранное мѣсто старыхъ старухъ. Одна изъ нихъ по обходѣ деревни устроителями праздника, должна открыть праздникъ

(¹) Для колобковъ разсучивается тѣсто листами, листы разрѣзываются предварительно на четырехгранные ремешки, а эти въ свою очередь на кубики, которые за тѣмъ округляются руками и сажаются въ печь. У нѣкоторыхъ испекшіеся колобки обливаются масломъ или медомъ.

въ избранномъ мѣстѣ пляской. Послѣ этого складчики начинаютъ угощаться и угощаются до тѣхъ поръ, пока не уничтожится все, приготовленное для праздника.

У Черемисъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ этотъ праздникъ называется шорых йол (у горныхъ Черемисъ шарык ель) и устраивается (въ Краснорскомъ приходѣ) исключительно молодыми женщинами и дѣвушками въ домахъ, гдѣ много дѣвицъ. Для праздника собирается, какъ и у Чувашъ, въ Акулевскомъ приходѣ, хмѣль, и даже деньги—на покупку вина. Приходящіе на праздникъ мужчины и парни получаютъ право на угощеніе не прежде, какъ заплативъ копѣйку. Праздникъ или пьянство продолжается дня три. По окончаніи праздника, участники его выходятъ за деревню гадать объ урожаѣ.

Черемисы Яранскаго уѣзда справляютъ Шорокъ іель наканунѣ новаго года (1). Едва—ли не этотъ—же обрядъ описанъ подъ названіемъ—изгнаніе шайтана неизвѣстнымъ корреспондентомъ Русскихъ Вѣдомостей изъ Красно-Уфимскаго уѣзда (2). Горные Черемисы празднуютъ шарык ель, какъ и Ядринскіе Чуваши, въ пятницу передъ Рождествомъ или послѣ, смотря потому, въ какой день будетъ Рождество (3).

Русскіе въ деревнѣ Карцевомъ—Починкѣ, Вѣловолжскаго прихода, наканунѣ новаго года всѣ купанья: холодное, варево, жареное и пироги—готовятъ изъ однихъ свиныхъ ножекъ, нарочно сберегаемыхъ къ этому дню отъ убиваемыхъ къ святкамъ свиней; дѣлается это для того, чтобы водились свиньи и чтобы у нихъ весной, когда только—что будетъ появляться травка, не болѣли ноги.

---

(1) Черемисы Яранскаго уѣзда. Русскіе Вѣдомости 1872 г. № 114. Сравн. Очерки изъ быта Черемисъ. С. К. Кузнецова. Древняя и Новая Россія. 1879 г. № 5.

(2) Русскія Вѣдомости 1872 г. № 32.

(3) Бесѣды къ черемисамъ кузнецовскаго прихода, кузнецовскаго школьнаго учителя Ивана Яковлева Молярова. Извѣстія по Казанской Епархіи 1873 г. №№ 7, 8 и 9. Стр. 275—277.

Шойтан эрни.

Шойтан эрни—чертова недѣля. Это время соотвѣтствуетъ русскимъ святкамъ. Въ приходахъ селъ: Карачева, Бишева Байгулова и Яльчикъ, Чебоксарскаго уѣзда, чувашскіе мальчики устраиваютъ въ это время, въ чьемъ нибудь домѣ, чучелу, одѣтую въ женскую рубаху съ льняной бородой; вокругъ чучелы они скачутъ и пляшутъ, вымазавъ себѣ лице сажей. Наканунѣ Крещенія эта чучела уносится дѣтьми въ оврагъ, гдѣ и разрывается, а въ самое Крещеніе послѣ водосвятія, устроители ея моются освященной водой (1).

Старокрещенные Татары Чистопольскаго уѣзда проводятъ святки какъ и Русскіе (2).

Русскіе въ Карцевомъ Починкѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Крещенскій сочельникъ, и старъ и малъ, выходили на улицу съ палками и, собравшись на одинъ конецъ деревни, съ гамомъ отправлялись на другой, гдѣ палки кидали за околицу въ догунку за убѣгавшими чертями. Когда объ этомъ теперь напомнятъ карцевскимъ жителямъ, они сердятся.

Въ другихъ деревняхъ Бѣловолжскаго прихода Русскіе вѣрятъ, что въ Крещеніе, какъ только погрузятъ крестъ въ воду, „Духъ святъ сойдетъ на землю, а нечистая сила—провалится свозь землю". Чтобы нечистая сила не забралась въ жилища, съ вечера предъ Крещеніемъ на всѣхъ дверяхъ и окнахъ (или на косякахъ дверей и оконъ) мѣломъ или углемъ дѣлаютъ кресты; передъ заутреней наложивъ въ ладоницу (глиняный, въ видѣ кадила, горшокъ съ стоячимъ крестомъ на крышкѣ—необходимая у многихъ принадлежность божницъ)—горячихъ углей и ладону, отправляются на скотный дворъ кропить послѣдній

(1) Сравн. Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чувашъ. Свящ. Никифора Каменскаго. Казань. 1879 г. Стр. 22.

(2) Святочныя игры у крещеныхъ татаръ Казанской губерніи Михаила Апакова. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1877 г. №№ 17, 20.

соломенным пучкомъ принесенной отъ вечерни святой водой. Кромѣ того, въ Карцевомъ Починкѣ въ Крещенскій сочельникъ пекутъ изъ тѣста фигуры коровъ, овецъ, лошадей, свиней и, обливъ ихъ святой водой, отдаютъ на съѣденіе тѣмъ животнымъ, которыхъ изображаетъ фигура.

Сьув' арни (1).

Сьув' арни—масляница. Она начинается у Чувашъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ съ четверга русской масляницы и ничѣмъ особеннымъ отъ послѣдней не отличается. По словамъ А. Егорова, у Чувашъ въ деревнѣ Масловой русской масляницѣ предшествуетъ авалги сьув' арни гоне (старинный масленичный день), начинающійся съ четверга передъ русской масляницей.

Въ этотъ день рано утромъ, пока еще не пробудилась ни одна птица, и старый и малый собираются съ салазками куда нибудь на гору, которую и начинаютъ укатывать; причемъ катясь съ горы, сыплютъ по ней изъ правой руки конопляное сѣмя, приговаривая: кандыр вурум болдыр! конопель пусть будетъ высокъ! Иные въ этотъ разъ скатываются съ горы не менѣе трехъ разъ, другіе же катаются до утра; причемъ, обгоняя другъ друга, кричатъ: лобыр вон, или чигендерь, перинцерь турятся ларть—катись, пятыкайся и стой—садись! Созываетъ на гору обыкновенно тотъ, кто ранѣе всѣхъ встанетъ (2). Онъ обязанъ, идя по улицѣ, прокричать: адир ту шума!—Идите гору укатывать. Кто придетъ на гору позднѣе всѣхъ, того обзываютъ въ насмѣшку: сьув' арни карчыге, т. е. масляничной старухой. Сьуварни карчыге килех! масленичная старуха иди-ка! и продолжаютъ обзывать такъ

(1) По замѣчанію чувашъ масленица всегда бываетъ во время новолунія, чему они придаютъ особенную важность и загадочность.

(2) Сравн. Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чувашъ Свящ. Никифора Каменскаго. Казань. 1879 г. Стр. 22, 23.

цѣлый годъ. Съ этаго четверга до слѣдующаго нельзя топить баню, въ предупрежденіе того,

во 1) Серзи кандыр сяпмандан;
Чтобы воробьи не вредили конопля;

во 2) Копуста винэ хорт ӳкмень-дэнь.
Чтобы на капусту черви не напали.

Черезъ 7 недѣль отъ авалги сьуварни гоне, по словамъ А. Егорова, точно такъ же въ четвергъ, наступаетъ—вильны сыш хывма (подаяніе)—поминовеніе умершихъ—а еще черезъ 7 недѣль—Семикъ.

Въ Мало—Шатминскомъ приходѣ Ядринскаго уѣзда, по сообщенію г. Филиппова, молодые парни недѣли за двѣ до масляницы приготовляютъ фигуру изъ соломы, въ видѣ человѣка; эту фигуру въ субботу, наканунѣ мясопустнаго Воскресенія, поздно вечеромъ, предъ тѣмъ, какъ возвращаться съ катанья домой, ставятъ на горѣ и дѣлаютъ фигурѣ по три поклона. Фигуры эти называются сьуварни карчиге. На другой день всѣ, послѣ поставки фигуры, на зарѣ и мужчины и женщины отправляются на горку прокатиться хотя по одному разу, при чемъ надъ опоздавшими смѣются, говоря: сьуварни карчиге! Предъ катаніемъ ставившіе фигуру осматриваютъ ее, съ цѣлью узнать, не нагадила ли около нее собака, что считается предвѣщаніемъ несчастія.

Въ Богатыревскомъ приходѣ (Паттыр—яль), Ядринскаго уѣзда Чуваши—дѣти и взрослые въ теченіе всей масляничной недѣли, поспѣваютъ, катясь съ горы:

Сю-арни, сю арни!
Маслянница, маслянница!

Сю-арни ситьрэ, сю ситьрэ,
Маслянница наступила, масло пришло,

Картла, картла пажалу,
Писанная, писанная лепешка,

Вонн-иккь тӳжекъ, перь сьидар!
Двѣнадцать перинъ, одна подушка!

Хорын турры хомганать.
Вершина березы качается,

Сорбан сарры сармила.	Желтый сарпанъ ска-
Чигеньдерь, перинь-	тертью развѣвается.
дерь!	Кати, вали!
Турат, ларт!	Останови, посади!

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ послѣ Рождества соломенные чучелы, на подобіе человѣка, въ многихъ деревняхъ ставятся на крышахъ сараевъ. Разъ въ деревнѣ Большой Аккозиной (Тоба Смель) я спросилъ одного чувашина о цѣли этихъ чучелъ, и онъ мнѣ отвѣтилъ, что онѣ ставятся для острастки волковъ.

Черемисы — горные и луговые — начинаютъ масляницу съ Воскресенья сырной недѣли и оканчиваютъ въ прощеное Воскресеніе, съѣзжаясь въ Чебоксарскомъ уѣздѣ для катанья каждый день по очередно въ извѣстныя приходскія деревни (1). Послѣ масляницы Русскіе начинаютъ говѣть, Черемисы же Чебоксарскаго уѣзда усиленно подвозить подрядный лѣсъ на пристани на рѣкахъ Илети, Большой и Малой Кокшагахъ, чѣмъ и занимаются до Пасхи (2).

Калым кон.

Калым—кон — языческій праздникъ. Онъ совершается, говорится въ словарѣ Н. И. Золотницкаго (3), въ среду и субботу страстной недѣли. „Считаю нужнымъ замѣтить, говоритъ В. А. Сбоевъ, что прежде пасхальные поминки обыкновенно совершались въ среду на страстной недѣлѣ (калымъ конъ), и что съ ними у Чувашъ—язычниковъ соединялось жертвоприношеніе въ честь Высшаго Бога, а за этимъ жертвоприношеніемъ слѣдовалъ обрядъ изгнанія шайтана и вообще всѣхъ злыхъ духовъ изъ домовъ и деревень. На это соединеніе указываетъ самое слово: Калымъ конъ (Конъ—

(1) Маслянница у горныхъ черемисъ.—С. Михайлова. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1857 г. №№ 25 и 28. Русскія Вѣдомости 1870 г. № 71.

(2) Русскія Вѣдомости 1870 г.

(3) Корневой чувашско-русскій Словарь. Стр. 31.

день, калымъ отъ татарскаго кабинъ собственно значитъ вѣно, деньги. платимыя женихомъ за невѣсту, потомъ воздаяніе, благодареніе).

Но впослѣдствіи времени Калымъ конъ, среда страстной недѣли, назначена была только для поминовенія усопшихъ, а жертвоприношеніе Высшему Богу и изгнаніе шайтана перенесено на субботу страстной недѣли (1). Къ сожалѣнію выяснить значеніе у Чувашъ калым кон не удалось и мнѣ; приведенное же изъ соч. г. Сбоева считаю неудовлетворительнымъ (2).

По словамъ А. Егорова, въ деревнѣ Масловой Калым кон справляется наканунѣ сьордà гоне, (день свѣчь т. е. перваго дня христіанской Пасхи. До наступленія Калым кон хлѣбъ считается новымъ,—послѣже онъ называется уже старымъ. По этому, если до Калым кон кто либо захвораетъ, по объясненію йомзи, отъ того, что больнаго вильны сын тытны—умершій (покойникъ) поймалъ; въ такомъ случаѣ моленье нужно совершить старымъ хлѣбомъ, и если таковаго въ семействѣ больнаго не окажется, тогда старый хлѣбъ берется взаемъ у сосѣдей.

Въ Бичуринскомъ приходѣ по словамъ М. Ѳ. Ѳедорова, въ калымъ кон, т. е. въ среду на страстной недѣлѣ,—ночью Чуваши ходятъ на рѣки, озера и ключи ловить колдуній, коими считаются злыя старухи и старыя дѣвки. Отправляющіеся на ловлю переодѣваются въ костюмъ покойниковъ и вооружаются кнутами и ружьями. Ловля колдуній въ этотъ день предпринимается потому, что ночью онѣ въ калым кон похищаютъ разныя вещи у тѣхъ, кого ненавидятъ, и скрываютъ покраденное въ перечисленныхъ выше мѣстахъ; а сами, какъ говорятъ, обертываются въ гусей

---

(1) Изслѣдованія объ инородцахъ. В. А. Сбоева. Стр. 144.

(2) Не лучше ли производить слово Калымъ не отъ калыма, а отъ другаго татарскаго слова—именно отъ *канъ* кровь: канымъ или *калымъ конъ* будетъ значить день моей крови. Самый день—среда, какъ извѣстно, у Чувашъ называется *йонъ-гонъ*, т. е. день крови, или по татарски *канъ конъ*.

или утокъ. Обнаруживший пропажу въ калым кон какой—либо вещи,—особенно бѣлья, кромѣ имущественнаго ущерба, долженъ еще вѣчно страдать разнаго рода болѣзнями. Пришедши на рѣку, или ключь, Чуваши начинаютъ по нимъ ударять кнутами и стрѣлять изъ ружей для того, чтобы вынудить оборотившихся въ гусей или утокъ колдуній превратиться въ человѣка и сознаться въ похищеніи. Если колдунья окажется знакомой ловящимъ ее, тогда она даритъ ихъ деньгами, чтобы они никому не разсказывали объ ней (1).

Днемъ въ калымъ кон окуриваются сады, огороды и хмѣльники, чтобы на плоды лѣтомъ не нападали черви и другія вредныя насѣкомыя; кромѣ того прибираются до осени веретена, чтобы лѣтомъ меньше было змѣй.

Этотъ послѣдній обрядъ, по словамъ учителя чувашина М. Дмитріева, выполняется въ Абызовскомъ, Норусовскомъ и Альменевскомъ приходахъ Ядринскаго уѣзда. Въ названныхъ приходахъ вмѣстѣ съ веретенами прячутся также: прялки,—на томъ основаніи, что игге корзан, сюлень корать, т. е. если въ калым кон увидѣть веретено, то змѣя увидитъ (лѣтомъ); помело, съ произношеніемъ: милиге корзан, оба корать—помело увидѣть,—медвѣдь увидитъ; токмак корзан, кашкыр корать—колотушку увидѣть, волкъ увидитъ. Наканунѣ калым кон открываются у сюпсей (кадка для храненія носильнаго и праздничнаго платья) и сундуковъ крышки и не закрываются въ продолженіи четырехъ дней: сюпсе, арча оссясынъ, тывылъ силь кильзе сине судэтъ, т. е. если сюпсе, сундукъ не откроешь, то буря крышу дома развѣетъ. Утромъ въ калымъ конъ наблюдаютъ: если въ домъ придетъ (первымъ)

(1) Вотяки въ Оштырмо-Юмьинскомъ приходѣ, Мамадышскаго уѣзда, также вѣрятъ, что ночью въ страстной четвергъ ходятъ колдуны и колдуньи и причиняютъ вредъ людямъ и скотинѣ. Въ отвращеніе несчастій, они въ страстной четвергъ на воротахъ, входной въ избу двери, снаружи на окнахъ и въ избѣ подъ матицею втыкаютъ можжевелевыя вѣтки.—Срави. Очерки изъ быта Черемисъ: Ст. К. Кузнецова. Древняя и новая Россія. 1879 г. № 6. Стр. 42.

мущина, то говорятъ; инэ-зэмь вукур, подексем-дэ тага тумалла полассе—коровы быковъ, а овцы барановъ будутъ носить; если женщина, то—на оборотъ. Если войдетъ человѣкъ и не сядетъ, то—курицы не будутъ сидѣть на яйцахъ и кудахтать; по этому такому человѣку, приглашая его сѣсть, говорятъ: чих ларать, чих ларать—курица сидитъ.

По случаю калым кон въ названныхъ приходахъ, по словамъ М. Дмитріева, починается бочка пива; при чемъ тамъ день этотъ называется йон калым кон; съ него начинается Пасха. Во время Пасхи, Чуваши мѣняются яйцами и при этомъ, вмѣсто—Христосъ воскресе! говорятъ: таракана хыпкыла сійдыр, хынкылана таракан сидыр! Таракана клопъ пусть съѣстъ, а клопа—тараканъ! Въ Воскресенье Чуваши, говоритъ г. Дмитріевъ, приходятъ въ церковь; но изъ нихъ многіе уже бываютъ пьяны.

Священникъ села Копекъ В. Я. Смѣловъ говоритъ (1), что Калым кон совершается Чувашами въ честь жившаго когда-то на землѣ крайне добродѣтельнаго человѣка. Человѣкъ этотъ при жизни постоянно нанимался въ работники къ самымъ бѣднымъ людямъ, и у кого-бы изъ нихъ не пожилъ,—они дѣлались богачами. За это богачи человѣка этаго возненавидѣли и убили. Отсюда и самое названіе Калым кон: холым—деньги, платимыя за невѣсту. Разсказъ этотъ, по словамъ о. Смѣлова, ему переданъ, жившимъ у него въ работникахъ некрещенымъ чувашиномъ деревни Вода-яль, Кармалинской волости, Цивильскаго уѣзда.

Въ Байтеряковскомъ приходѣ, въ среду на страстной недѣлѣ, въ которую прежде начинался праздникъ Калым-кон, или Мун-гон,—говорится въ рукописи г. Доброхотова, всегда въ честь такого торжественнаго дня, по обряду, чўклялась просяная каша среди двора каждаго хозяина съ произношеніемъ словъ:

---

(1) Нѣчто о чувашскихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Свящ. В. Смѣлова. Извѣстія по Казанской Епархіи. 1880 г. № 20.

Тора сирлах! Рехмэть сана, Тора, пире сэк асла кона сидэрнэжын. Сявынбегех тэберь сяпла асла кона сидэрь хувын меслетэбе. Эй, Тора! сирлах, анбрах, ырлых-сывлых пар хамада, ачам-пчамсанедэ, вылих-чирлигедэ. Амынь. Сирлах!

Господи помилуй! Благодарю тебя, Господи, за то, что до этаго великаго дня довелъ насъ. Подобно этому и до слѣдующаго великаго дня доведи насъ своею волею (1). Эй, Господи! помилуй, не оставь, добра—здоровья дай самому мнѣ и дѣтямъ моимъ и скотинѣ. Аминь. Помилуй!

По окончаніи сей церемоніи, отецъ семейства, знаменуя себя крестнымъ знаменіемъ и дѣлая послѣдній земной поклонъ, беретъ ложку и ѣстъ кашу; по примѣру его исполняютъ жена и дѣти. Затѣмъ каша уносится въ избу, гдѣ совершается настоящій праздничный обѣдъ.

Въ деревнѣ Верхнихъ Исеняхъ (Вурманъ касъ), Чебоксарскаго уѣзда, на Пасхѣ (2), чтобы узнать, уродится ли овесъ, Чуваши сваривъ кашу, выкладываютъ ее въ чашку, а чашку обкладываютъ по краямъ сырыми яйцами, и затѣмъ обходятъ съ ней кругомъ изнутри дворъ. Если яйца, во время этой ходьбы, сварятся въ кашѣ, будетъ урожай, и на оборотъ (3).

---

(1) Выше слово *меслетебе* (см. стр. 28) мы переводили: „по твоимъ великимъ щедротамъ“, и замѣчали, что слово *меслетъ* вѣроятно отъ турецко-адербиджанскаго корня *бислатмакъ* بسلتمك). Теперь мы считаемъ слово *меслетъ* Еврейскаго корня отъ שָׁלַט шалатъ, властвовать. Отсюда мишлетъ или мислетъ будетъ значить власть, воля, а *меслетебе* —*по волѣ, волею.*

(2) Пасху нѣкоторые Чуваши называютъ: конъ-чирь праздникъ, т. е. день живой, день жизни.—Срав. Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чувашъ. Свящ. Никифора Каменскаго. Казань. 1879 г. Стр. 15.

(3) Въ этой деревнѣ каждый домохозяинъ оканчиваетъ жнитво въ тотъ самый день, въ который началъ, для чего къ роковому дню оставляется не сжатой полосы сноповъ на пять.

Русскіе въ Бѣловолжскомъ приходѣ на Пасхѣ, во время служенія въ домахъ молебновъ, выставляютъ на столъ чашку съ пшеницей и яйцомъ; пшеница, послѣ молебна и послѣ провода иконъ, высыпается обратно въ сусѣкъ, а яйцо сохраняется до начала сѣва. Крестьянинъ, отправляясь сѣять, беретъ съ собой въ поле упомянутое яйцо, и тамъ передъ тѣмъ какъ приниматься за сѣвъ, произнесши трижды: Христосъ воскресе! съѣдаетъ его вмѣстѣ съ посыпаннымъ солью кускомъ хлѣба.

Въ томъ же Бѣловолжскомъ приходѣ, въ праздникъ Благовѣщенія къ заутрени дьячками приносится съ пшеницей кадка, изъ которой, по благословеніи на литіи хлѣбовъ, молящіеся крестьяне берутъ пшеницу по горсткѣ въ карманы и, принесши домой, въ узелкахъ берегутъ ее до вешняго сѣва, когда и высѣваютъ прежде всего.

Лѣтъ 30 тому назадъ въ Благовѣщеніе, между заутреней и обѣдней, церковные сторожа бросали съ колокольни нарочито испеченныя для того просвирней просфоры, которыя ловившими ихъ въ подолы крестьянами сохранялись до начала сѣва, когда онѣ въ полѣ и съѣдались, какъ теперь пасхальныя яйца.

Нигис путты.

Нигис путты—моленье при закладкѣ фундамента для дома (¹). Избравъ для постройки дома мѣсто, Чуваши прежде всего начинаютъ рыть подполъ и послѣ того, какъ вокругъ подпола будетъ положенъ первый вѣнецъ (нигис), варятъ въ немъ кашу—нигис путты, пригласивъ предварительно йомзю и сосѣдей. Какъ только нигис путты будетъ готова, приготовлявшіе ее, вставъ лицемъ къ востоку, съ шапкой подъ лѣвой мышкой, читаютъ молитву:

Ебисьмелле. Перьсьирь йини анбрах! Ажа казяр!

Во имя Бога. Духъ, владѣющій землею, не ос-

(¹) Нигизь نگز, نيگز фундаментъ, основаніе.

Сяк хозяна сьорт лартма ирик пар! Исьмэ, сиймэ перететь пар выылигымба, ывлым — хирембэ. Сырлах чук! Амин.

тавы! Изъ снисхожденія прости! Этому хозяину поставить домъ позволеніе дай! Ѣсть, пить благодать дай со скотиной и дѣтьми. Помилуй, духъ жертвы! Аминь.

По прочтеніи молитвы йомзя одну ложку каши бросаетъ въ огонь, на которомъ она варилась, а затѣмъ уже съ прочими принимается кушать ее и самъ. Послѣ обѣда на мѣсто постройки приносится нарочито для моленья сваренное пиво и всѣмъ приглашеннымъ дѣлается угощеніе.

Во всѣ углы для втораго вѣнца въ деревнѣ Масловой кладется по серебряной нохраткѣ и по горсти ржи.

Русскіе въ Бѣловолжскомъ приходѣ варятъ особую кашу для плотниковъ въ день совершенія ими потолочной матки. Эта каша, прежде чѣмъ ее ѣсть, вмѣстѣ съ горшкомъ завертывается въ кафтанъ и подтягивается къ только—что совершенной маткѣ, гдѣ привязывается веревкой; въ это время кто либо изъ плотниковъ съ топоромъ въ рукѣ обходитъ кругомъ строющуюся избу и, сдѣлавъ на каждомъ углу тяпокъ (насѣчку), взбирается на матку и пересѣкаетъ привязанную къ ней веревку съ кашей, завернутой въ кафтанъ. Упавшая на полъ каша съѣдается тутъ же безъ ложекъ разбитыми горшечными черепками, По обычаю, кушать кашу приглашается всякій, подвернувшійся на описанную церемонію. Обрядъ этотъ исполняется преимущественно въ Карцевомъ Починкѣ (¹).

(¹) У Чувашъ вмѣсто каши завертывается въ войлокъ коровай хлѣба, который поднимается вмѣстѣ съ матицей, а потомъ, когда матица будетъ осторожно укрѣплена, хлѣбъ спускаютъ, горбушку съ солью даютъ хозяину, а прочимъ всѣмъ по куску. Затѣмъ рабочіе съ хозяевами встаютъ лицемъ къ востоку, молятся и потомъ съѣдаютъ хлѣбъ. Когда матица укрѣпляется на мѣсто, стараются не стукать по ней топоромъ, иначе въ избѣ будетъ угаръ.

Въ корреспонденціи „Голоса“ отъ 6 ноября 1871 года передано слѣдующій случай про Черемисъ. „Не менѣе оригинальный обрядъ совершаютъ Черемисы деревни Малыхъ Паратъ, Помарскаго прихода, при переходѣ въ новую избу. Русскіе, какъ извѣстно, поэтому случаю приглашаютъ духовенство и служатъ молебны; Черемисы же пекутъ хлѣбъ, въ которомъ крестообразно запекаютъ четыре яйца. Въ назначенный день, глава дома отряжаетъ въ новую избу сына, или дочь, за неимѣніемъ ихъ, жену, а самъ, взявъ подъ мышку приготовленный хлѣбъ и рогъ съ табакомъ, начинаетъ обходить избу до трехъ разъ, причемъ сидящій въ ней каждый разъ спрашиваетъ:—„съ чѣмъ идешь“? „Съ хлѣбомъ, съ солью, съ рогомъ табаку“!—отвѣчаетъ хозяинъ. Послѣ третьяго разу глава семейства входитъ въ избу, садится за столъ и, разломивъ хлѣбъ, подаетъ сидѣвшему въ ней, и самъ ѣстъ.

III.

Хор чук жертвоприношеніе гуся.

Хор чук (хор — гусь, чук — жертва) — моленье при заболѣваніи въ семействѣ нѣсколькихъ человѣкъ заразъ, или одного члена, но въ случаѣ продолжительности его болѣзни. Какъ и самое названіе обряда показываетъ, для выполненія его требуется гусь, въ дѣйствительности—же гусей сразу покупается 9-ть (¹)

(¹) При покупкѣ животныхъ для улучшенія хозяйства въ деревнѣ Масловой продавецъ передаетъ покупщику привязь или поводъ, на которомъ выводятся животныя для продажи, не голой рукой, а въ рукавѣ, и покупатель, по заключеніи сдѣлки, обертываютъ руку правой полой кафтана или шубы и затѣмъ, взявъ въ нее конецъ привязи купленнаго животнаго, приговариваетъ:

Телей болдыр! Сьурь лажа позе болдыр. Карда позе болдыр! Чук туза сіймэ пурдэр! Шудум ялэ туран малых полдыр!

Да будетъ счастіе! Во главѣ ста лошадей будь (т, е. да будетъ умноженіе обильное лошадей)! Во главѣ скотнаго двора будь! Да будетъ достатокъ на жертву Богу! Да будетъ насыщеніе всей деревнѣ!

чистобѣлыхъ и притомъ безъ торгу, по той цѣнѣ, какая будетъ назначена съ перваго спросу (¹). Такъ какъ духи принимаютъ въ жертву только такихъ животныхъ, которыя отъ обливанія ихъ выше описаннымъ способомъ встрепенутся, то во избѣжаніе расхода на покупку негодныхъ, обливаніе въ данномъ случаѣ, по словамъ А. Егорова, производится на самомъ базарѣ. Для большаго умилостивленія духовъ, послѣ того, какъ всѣ 9 гусей будутъ скушаны, закалаются еще въ честь тѣхъ же духовъ утка, или баранъ, теленокъ, жеребенокъ и т. д. Вопреки обычаю, въ данномъ случаѣ, не только никто не приглашается помогать кушать жертвенныя яства, но даже двери запираются на время ѣды, а остатки отъ каждаго дня вмѣстѣ съ гусиными перьями уносятся въ поле, гдѣ кидаются въ ту сторону, въ которой находится киреметь; тамъ же кромѣ того оставляется грошъ или мѣдная копѣйка. Одинъ отпавшій въ магометанство крещеный татаринъ деревни Янгильдиной (Карамышевой), спеціально занимающійся сборомъ утиныхъ и гусиныхъ перьевъ и денегъ, лично мнѣ передавалъ, что перьевъ въ день онъ насбирываетъ отъ 5—10 фунтовъ, цѣною отъ 15—20 копѣекъ за фунтъ, а въ годъ отъ 5—6 пудовъ, стало быть по меньшей мѣрѣ на 30 руб. сер., чѣмъ и уплачиваетъ подати; кромѣ перьевъ и денегъ онъ подбираетъ и оставляемую вмѣстѣ съ ними посуду—чирясы и чашки, а также выбрасываемое послѣ умершихъ бѣлье.

При этомъ, если купленное животное испразднится густо, оно берется съ радостью; въ противномъ случаѣ немедленно возвращается. Завершается покупка обыкновенно выпивкой полуштофа вина, для роспивки коего приглашается йомзя. Если послѣднему покупка почему нибудь не понравится, покупщикъ смѣло заявляетъ продавцу:

Йомысь ильма хошмасть,—ильместып, кирле мар!	Йомзя не совѣтуетъ брать,—я не беру, не нужно!

На базарахъ, по словамъ А. Егорова, большею частью нежертвенное животное только заторговывается, окончательно же оно переходитъ въ собственность покупщика послѣ того, какъ покупку осмотрятъ жена, семейство и йомзя.

(¹) Русскія Вѣдомости 1868 г. № 9. Фуксъ. Стр. 158—159.

Особенно много перьевъ, по его словамъ, ему удается насбирывать въ оврагахъ подъ деревнями Тансариной (Тобах) и Кулгешами, въ Бишевскомъ приходѣ и сосѣднемъ съ нимъ, а также съ жительствомъ татарина, Аттиковскомъ.

Хор чук въ деревнѣ Масловой совершается въ честь 9-ти нижеслѣдующихъ духовъ:

1) Тор сьоли—Бичь Божій,
2) Тор хаяре—Гнѣвъ Божій.
3) Тор сулу—Божіе дуновеніе.
4) Сьирь хаяре--Земное зло (духъ).
5) Сулу вилэнь—Смертоносное дуновеніе.
6) Ар сьори—Полу—мужчина—лѣшій.
7) Эсрель—араб. Азраилъ—Ангелъ смерти.
8) Хаяр амак (1)—Гнѣвное зло (духъ).
9) Тыдан амак—Лихорадка.

Въ Бишевскомъ приходѣ для моленья о выздоровленіи больныхъ, пекутся йосманы и варится каша; послѣдняя раздѣляется на долгую и короткую; яства эти приготовляются въ честь:

1) Тора.
2) Шӳлухси.
3) Тор амыш.
4) Хирлэ сьыр.
5) Пигамбар.
6) Сьурэнь ыра.
7) Сьирь йыш.
8) Сьирь амыщ.
9) Сьирь ашше,
10) Сьирь шыв ктэнь.
11) Асла ыра амыш.
12) Хирлэ сьырь ашше.
13) Карак сьувар киреметь амыш.

---

(1) Амакъ, турецкое эмэкъ, джагатайское имэкъ—трудъ, утомленіе, забота. Если отецъ умираетъ, не успѣвши выполнить своихъ обѣщаній духамъ, то эти духи, не удовлетворенные, безпощадно мучаютъ дѣтей, или весь домъ умершаго—эти духи *хаяръ амакъ*.

14) Сьугалыга (1) ӱксэ каяган киллэ — киреметь, нападающая на деревню Липовку.

15) Тор умыньчэ сьурэгень пӱлӱхси—предъ Богомъ ходатайствующій.

16) Ингеги.

17) Хаяр.

18) Сьынгерь.

19) Сьынгерь сьурэнь.

20) Асла ыра.

21) Асла ыра умыньчэ сьурэгень пӱлӱхси.

22) Хирле сыр умыньчэ сьурэгень пӱлӱхсь.

23) Килэ умыньчэ сьурэгень пӱлӱхсь.

24) Карак суварэ киреметь умыньчэ.

Молитва:

Упрарах, сьыхларах умранда кайранда. Авалги йыллыбэ эбирь киль туза порнатпыръ, сьинерэнь кларны йыллы-мар. Миньденьдэ булинь сьырлахрах, анбрахрах!

Хорошенько сохраните, стерегите спереди и сзади. По старинному обряду мы молясь живемъ, а не по вновь выдуманному обряду. Пажалуйста какъ нибуть помилуйте, не оставьте!

Въ Бишевскомъ приходѣ отправляющійся для совершенія жертвоприношенія киреметямъ, обыкновенно ночью, въ предупрежденіе неблагопріятныхъ встрѣчь, беретъ подъ мышку шапку или рукавицу, въ правую руку котелъ съ кашей, а въ лѣвую—йосманы (2).

Виль тавраш (т. е. сословіе мертвецевъ).

Виль тавраш—моленье о предотвращеніи смерти людей и скота, приключающейся отъ заклинаній не-

(1) Сьугалых—названіе деревни Липовой, а въ оффиціальныхъ спискахъ—Мокшина.

(2) Сравн. У старокрещеныхъ татаръ—казъ кляу. Сочиненіе Машанова. Стр. 24.

друговъ (тушман). Пожелаетъ, напр, тушман (недругъ), чтобы его противникъ померъ отъ головной боли, или отъ болѣзни ногъ, то онъ добываетъ—въ первомъ случаѣ волосы своего непріятеля,—во второмъ лапти или онучи и зарываетъ ихъ съ заклинаніями или на кладбищѣ, или на томъ мѣстѣ, гдѣ поминаютъ покойниковъ (йоба тувассе). Совершается Виль вавраш или по собственному произволенію, или по совѣту йомзи. Нижеслѣдующее описаніе моленья Виль тавраш составлено ученикомъ Аликовскаго 2 кл. училища Константиномъ Степановымъ изъ деревни Тойтамышъ Шумшевашскаго прихода Ядринскаго уѣзда, съ разсказа его брата—очевидца выполненія обряда. Въ предположенный для совершенія Виль—тавраш день, пекутся безъ счета изъ тѣста на сковородѣ: 1) йосманы, въ которые сверху втыкаются куски мѣди, отрубленные отъ мѣдной монеты (¹); 2) пекутся на голомъ поду печки такъ называемые: кук хорань—круглые шарики, величиною съ куриное яйцо, съ углубленіемъ на поверхности; 3) три ватрушки съ картофелемъ (игерчзэм); 4) фигура наподобіе птицы съ двумя крыльями (сьонатты) и однимъ рогомъ (мыйряга) на головѣ, что изображается втыкаемыми въ фигуру перьями и 5) варится одинъ котелъ каши (пуду). Изъ перечисленныхъ печеній кук хорань и каша предназначаются Богу (Тӧра валлй), а йосманы—киреметямъ. Когда йосманы, ватрушка и птица испекутся, тогда виле чильгй сордассэ т. е. заставляютъ (кто? кого?) произносить мертвецкій наговоръ. Для этаго, поставивъ у двери столъ, выставляютъ на по-

(¹) Въ Мамадышскомъ уѣздѣ, у старокрещеныхъ татаръ, старшая по лѣтамъ женщина беретъ нѣсколько маленькихъ обломковъ стали и вкладываетъ ихъ въ щели дома и другихъ принадлежащихъ къ нему строеній, читая при этомъ молитву, въ которой призываетъ Бога изгнать изъ дома злаго духа. Обрядъ этотъ совершается разъ въ годъ и называется корочь кыстырыу—вкладываніе стали. Сочиненіе Машанова. Стр. 24. По мнѣнію С. Максимова вкладываніе стали у татаръ совершается исключительно въ честь домоваго. Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г. № 19, стр. 572

слѣдній кук хорань (1) съ наложенной въ углубленіе его кашей и затѣмъ, оборотившись лицемъ къ отворенной двери, съ шапкой подъ мышкой, начинаютъ молиться:

Эй, тыра бол сьорадаган Тора, сьырлах! Тыра ран тадык андурат, пура ран (2) антат!...

Эй, хлѣбородящій Боже, помилуй! Безъ хлѣба насъ жить не заставляй, изъ сусѣка хлѣбъ пусть не убудетъ (въ сусѣкѣ имѣющагося хлѣба не лиши)!..

Окончивъ молитву Богу, наполняютъ кашей второй экземпляръ кук хорань и читаютъ молитву скотородящему Богу:

Эй, вылих-чьирьлих сьорадаган Тора, вылих ран, чьирлихрэнь антат! Вылих (сюмь) тӱкь пӱрьчи пекъ хонадар! Карда пусь ту!

Эй, скотородящій Боже, скотины и животныхъ насъ не лиши! Умножь скотину, какъ шерсть на ней! Главою карды сдѣлай!

Затѣмъ точно также молятся и прочимъ богамъ, а именно:

Сырэ шотсыр кук хораньбэ, шотсыр пуду чуклэтпер! Сьырлагырах! Сьут кӱльдэ вырдаган Тора сьырлах! Торда Торры сьырлах! Торда — ран тадык антурат! Силь ашше, силь амыже сьырлах! Сильдэнь туран сьырлах!

Вамъ безъ счету кукъ хоранью, безъ счету кашей молимся! Помилуйте! Въ свѣтломъ озерѣ живущій боже помилуй! Оглобельный боже помилуй! Оглоблей не лиши! Отецъ вѣтра, мать вѣтра помилуйте! Отъ вѣтровъ спа-

(1) Такія фигурки, подъ названіемъ куку хорань, счетомъ до пяти, пекутся въ деревнѣ Масловой и наполненныя кашей приносятся въ жертву кереметямъ.

(2) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слово пура означаетъ сусѣкъ, а въ нѣкоторыхъ срубы, сусѣкъ же называется пюльмэ.

Хурбан Торры сьырлах, анхорландыр! Пигамбар (¹) сьырлах! Выльига—чирьлиге андыттар, йыттуна чар! Сьут сьандалык сьорадаган Тора сьырлах! Сана азынатпыр, сана видинэтпер, сьырлах!

сите! Богъ жертвы помилуй, не прогнѣвайся! Начальникъ волковъ (пигамбаръ) помилуй! Скотину не допускай ловить, собакъ удерживай! Боже, создатель вселенной помилуй! Тебя призываемъ, на тебя надѣемся, помилуй!

Вслѣдъ затѣмъ, не снимая со стола „кук хорань“ и каши, начинаютъ молиться киреметямъ. Во главѣ послѣднихъ стоитъ мун киреметь.

Мун киреметь сьырлах! Сана мун пуд йосманда, кӳрэгэ хорысьба азынатпыр! Сьрлах, сьырлах, сьырлах! Мун киреметь сьырлах! Миньбе пусрэсь, онба сьырлах! Сорбан-ба пусрези, сӳрӳк сьибадаба пусрези, кибэбэ пусрези, сӳсьбэ пусрези, ут сильгибэ пусрези, сьырлах!

Главная киреметь помилуй! Тебѣ главной кашей, йосманами, столомъ, уставленнымъ сластями, молимся! Помилуй, помилуй, помилуй! Главная киреметь помилуй! Чѣмъ испортили, тѣмъ же и помилуй! Если испортили сорбаномъ (головной повязкой), если испортили гнилыми лаптями,—если испортили рубахой,—если испортили волосомъ,—если испортили лошадиной гривой, тѣмъ же и помилуй!

Послѣ этаго срубается ветляный кустъ, который, по приносѣ въ избу, разрубается на три части, вершины сучковъ ихъ срѣзываются; одна часть куста должна быть только съ тремя сучками, а на остальныхъ —сколько случится; затѣмъ берется 16 восковыхъ свѣчь,

(¹) Крещеные Чуваши въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ именемъ пигамбара разумѣютъ Михаила Архангела.

изъ коихъ каждая дѣлится на четыре части; отломки съ свѣтильнями кладутся отдѣльно, а безъ свѣтиленъ разставляются на сучки вѣтокъ; на каждый сучекъ, кромѣ того, прилѣпляется по одной свѣчѣ изъ сѣры съ свѣтильной изъ шерсти. Вѣтка съ тремя только сучечками предназначается духу, отнимающему душу.

Разставивъ свѣчи на вѣтки ветлы, ставятъ на лавку у двери чирясъ (деревянную выдолбленную кадочку), въ который опускаютъ на дно одну изъ трехъ ватрушекъ и одну кук хорань; въ него—же затѣмъ, поминая усопшихъ, сливаютъ пиво, сопровождая каждое изъ этихъ дѣйствій привѣтствіемъ:

Омында болдыр порь—Да будетъ все [illegible] тобою!

Въ другой такой же чирясъ опускаютъ остальныя ватрушки и йосманы съ воткнутыми въ нихъ мѣдными кусочками, а по краямъ его разставляютъ остатки свѣчей, какъ со свѣтильнами, такъ и безъ нихъ, и затѣмъ первыя зажигаютъ. Свѣчи со свѣтильнями ставятся по краямъ чиряса во имя людей, жившихъ на землѣ до смерти грѣховно, или злобно (вилечень хаяр сьурэны синзам ятиэ), а безъ свѣтиленъ—во имя жившихъ на землѣ праведно (вилечень коне борины синзам ятиэ). Если зажженная свѣчка загаснетъ, это показываетъ, что усопшій, во имя коего она поставлена, во время земной жизни былъ заговоренъ (илик вилиҷэнь солны сьын). Впослѣдствіи свѣчные огарки опускаются во второй чирясъ, куда сверхъ всего опускается яйцо, раздѣленное на три части, причемъ въ это время поминаются семейные покойники.

Окончивъ поминовеніе, одну изъ двухъ вѣтокъ съ сучьями безъ счету уносятъ въ клѣть, ставятъ ее тамъ на край сусѣка съ хлѣбомъ и, зажегши прилѣпленныя къ сучкамъ свѣчи, молятся:

Тыра бол полдыр!—Хлѣбъ да будетъ (да родится)!

Вѣтку съ тремя только сучечками вносятъ въ конюшню и, поставивъ ее на край колоды, молятся, также зажегши на ней свѣчи:

Вьылих-чирьлих тӱрле- Скотъ и животныхъ ис-

дер! Сягымба тӳрледэдып; тӳрьлензэ кай.

цѣляйте! Этимъ ублаготворяю; ублаготворившись, ступай!

Третья вѣтка съ безсчетными сучками уносится за конюшню, гдѣ совершители обряда молятся, какъ и выше. Сюда же приносится и первый чирясъ съ опущенной въ него кук хорань, которая тутъ же, со всѣмъ, бывшимъ въ чирясѣ, зарывается въ землю. Второй чирясъ уносится въ поле, куда кромѣ того берется одно яйцо. Послѣднее, по приходѣ на извѣстное мѣсто, предварительно катается по землѣ съ причитаньемъ: чон вырыннэ чон парадып вмѣсто души душу даю, и затѣмъ все, бывшее на днѣ втораго чиряса выбрасывается на землю. Совершитель обряда при этомъ говоритъ:

Сяг' уста кильне сягында виль тӳрьлэтьмэ сиччь тинис орла, хыйырдан кибэрь туза, пыгырдан, ылдым-ран, йирэнь (1).

Эта мастерица пришла сюда для совершенія обряда „виль" чрезъ семь морей, сдѣлавши мосты изъ песку, изъ красной мѣди, изъ золота, изъ желтой мѣди (тумпака).

Чтецы молитвъ въ Богатыревскомъ приходѣ Ядринскаго уѣзда обыкновенно оканчиваютъ молитвословія слѣдующимъ извиненіемъ предъ Богомъ:

Тэ малдан калассы кая полать; тэ кайран калассы мала полать; пиринь алара кнеге сьок; виссь сумах-ран хабыл иль. Чук сьырлах! Эпь астиветь-

Не знаю, быть можетъ, то слово, которое должно сказать впередъ, сказано послѣ; не знаю, быть можетъ, то слово, которое должно сказать послѣ, сказано впередъ; въ на-

(1) Срав. Корневой Чувашско-русскій Словарь, Н. И. Золотницкаго. Стр. 172—181.

чэнь, эс астивь!

шихъ рукахъ книги нѣтъ; послѣ трехъ словъ безотговорочно прими (просьбу). Духъ жертвы помилуй! Ты попробуй (отвѣдай жертвенное кушанье) прежде, чѣмъ я попробую.

Сьын хыдым.

Сьын хыдым (1)—жертва противъ человѣка. Въ чувашскомъ календарѣ на 1874 годъ (2), въ поясненіе этаго обряда говорится: мольчара, ласьра, сыпмара аш пизэрьзэ тупрашнэ пыдарассе, т. е. сваривши въ банѣ, лачугѣ, въ оврагѣ мясо зарываютъ въ землю. По сообщенію К. Степанова—хыдым, по вѣрованіямъ Чувашъ, Ядринскаго уѣзда,—есть душа человѣка, умершаго безъ роду-племени, не имѣвшаго при жизни ни кола—ни двора, котораго по смерти поминать некому, а такъ же засватавшаго невѣсту, но не успѣвшаго жениться. Невѣста его впослѣдствіи дѣлается также хыдымомъ. Духъ—хыдым производитъ падежи скота. Когда падежъ скота начнется, въ честь хыдыма совершаются различныя жертвоприношенія, состоящія, между прочимъ, изъ головы и ногъ овцы, или коровы. Самое же обыкновенное моленье совершается такъ: предварительно варится пиво; въ день моленья печется лепешка и варится ягненокъ. Передъ началомъ моленья у порога избы ставится чирясъ (выдолбленная кадочка) въ который во время моленья опускаются каждымъ изъ молящихся по ковшу пива, по ложкѣ бульону (шурьбэ), по ку-

(1) Сьынъ-хыдымъ—человѣкъ хыдымъ. Нѣкоторые признаютъ слово Хыдым собственнымъ именемъ человѣка, а другіе понимаютъ подъ этимъ именемъ духа мстительнаго, враждебнаго человѣку и вообще—мстительность.

(2) Сьолдалыкъ книги, Казань. 1874 г. стр. 10.

сочку лепешки и ягнятины; причемъ произносится: хыдым, сьырлах! Хыдым, помилуй! Наполненный жертвенными кушаньями чирясъ выносится на дворъ, гдѣ содержимое и выбрасывается. Остатки приготовленныхъ въ честь хыдыма кушаній жертвоприносители сами не кушаютъ, а зарываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ землю.

Если и послѣ этаго моленья скотина будетъ продолжать падать, то Чуваши молятся въ оврагѣ. (Отсюда хыдымъ лобашки—оврагъ хыдымовъ).

Отдѣлившійся отъ отца сынъ, а также вышедшая въ замужство дочь, приходятъ молиться хыдыму въ домъ отца. Въ подтвержденіе этаго приводится слѣдующій разсказъ о хыдымѣ дѣвицы, вышедшей въ замужество (кача кайны хирь хыдым сумаге).

Разъ одна, вышедшая въ замужество, дочь къ отцу молиться въ честь хыдыма не приходила, и потому у нее начался падежъ скота. Она спросила брата, что ей дѣлать?—Ходила-ли ты въ отцовскій домъ молиться хыдыму? Сестра сказала: нѣтъ! Послѣ того, какъ она сходила въ домъ отца и тамъ помолилась хыдыму, падежъ скота у нее прекратился.

Причак (Присяга).

Присяга (¹) по желанію потерпѣвшаго, или по предложенію мірской сходки (халых), дается у Чувашъ преимущественно для обнаруженія виновниковъ кражи. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, въ деревнѣ Масловой сельскимъ старостой для присяги созываются въ поле, гдѣ находится киреметь, по словамъ А. Егорова, всѣ мужчины и женщины отъ 7—70 лѣтъ. Обокраденный выноситъ въ поле столъ, на который кладетъ коровай хлѣба, солоницу, ножъ; кладетъ передъ столомъ на землю липовую лутошку, или сухія кости, а подъ столъ—ведро съ водой; затѣмъ, подойдя къ столу

(¹) См. Изслѣдованія объ инородцахъ В. Ае. Сбоева. Стр. 73—74.

первымъ, онъ отрѣзываетъ отъ коровая горбушку, втыкаетъ въ нее конецъ ножа и, обмакнувъ въ солоницу, часть откусываетъ, говоря:

Кам манн ябалазане вурланы, она киреметь кордыр, косьне соккыр тудыр, àлла-зыр, оразыр тудыр; сіймазыр, сызаймазыр вильдэр!	Кто укралъ мои вещи, тому киреметь пусть отомститъ, да сдѣлаетъ его (глаза слѣпыми) слѣпымъ, безрукимъ, безногимъ; пусть тотъ умретъ отъ невозможности ѣсть и испражняться!

Послѣ этаго начинаетъ умываться изъ ведра водой, приговаривая.

Сяк шыва сьирь сьотны бек, вурра сьирь сьоттыр!	Какъ поглотила эту воду земля, такъ да пожретъ земля вора!

Наконецъ, перешагнувъ черезъ лутошку, говоритъ:

Сяк падак—бек хордыр!	Пусть высохнетъ (воръ) подобно сухой лутошкѣ!

Тоже самое, вслѣдъ за обокраденнымъ, повторяютъ и остальные.

Кто вмѣсто того, чтобы перешагнуть черезъ лутошку, вступитъ на нее ногой, тотъ воръ; а такіе промахи, вслѣдствіе болѣзненности глазъ у большинства Чувашъ, по словамъ А. Егорова, нерѣдки, и вотъ міру основаніе пить съ уличеннаго такимъ образомъ вино. О присягѣ судебной Чуваши отзываются такъ:

Эбирь Вырыс мар,—Чуваш; пирэ вырысла причак пайдàлла мар.	Мы не Русскіе,—мы Чуваши; для насъ русская присяга недѣйствительна (безполезна).

Въ былые годы Чуваши, изъ опасенія несчастія въ дому отъ ложно—принятой судебной присяги, упра-

шивали слѣдователей обрядъ ея совершить, если не на улицѣ, то покрайней мѣрѣ на дворѣ, а отнюдь не въ дому (1).

У Черемисъ деревни Помьялъ обрядъ присяги совершается на дворѣ, на время коего въ избѣ зажигаются восковыя свѣчи (2).

У Русскихъ въ Бѣловолжскомъ приходѣ есть повѣрье, что если перешагнуть черезъ липовую лутошку, то могутъ высохнуть ноги.

Въ Ача—касинскомъ приходѣ, Цивильскаго уѣзда, по сообщенію мѣстнаго учителя В. Васильева, присяга Чувашами дается, кромѣ случаевъ пропажи имущества, по поводу внезапнаго падежа скота и пожаровъ, причемъ присяга въ этомъ приходѣ сопровождается слѣдующими обрядами. Созванныхъ чрезъ сельскаго старосту на сходъ домохозяевъ (за отсутствіемъ въ домѣ мущинъ, на сходъ являются представительницами дома женщины; во избѣжаніе подозрѣнія въ виновности на сходъ въ данномъ случаѣ народъ является безпрекословно)—потерпѣвшій ведетъ къ церкви и ставитъ ихъ лицемъ къ ней съ западной стороны. Купивъ затѣмъ четверть или полведра вина, потерпѣвшій, съ топоромъ въ рукахъ, входитъ на церковную ограду, дѣлаетъ противъ алтаря съ южной стороны три земныхъ поклона, съ произнесеніемъ недознанныхъ г. Васильевымъ заклинаній, и потомъ вырубаетъ топоромъ кусокъ земли, величиною съ шапку. Землю эту, вынесши къ народу, потерпѣвшій кладетъ себѣ на голову, въ правую руку беретъ налитый виномъ стаканчикъ, потомъ вновь произноситъ заклинаніе, послѣ чего кладетъ на мѣстѣ три земныхъ поклона и, трижды поцѣловавъ землю подъ ногами, выпиваетъ весь стаканъ вина. „Затѣмъ, говоритъ г. Васильевъ, всѣ при-

---

(1) Курьезъ изъ за присяги, случившійся съ чувашиномъ присяжнымъ на сессіи Казанскаго окружнаго суда въ Чебоксарахъ. См. Голосъ 1871 г. № 189.

(2) Русскія Вѣдомости. 1870 г. № 71.

сутствующіе по очереди слѣдуютъ его примѣру". Къ сожалѣнію, изъ этой фразы не видно, все ли дѣлаютъ присягающіе, что и потерпѣвшій, начиная съ входа въ ограду, или же только—съ возложенія на голову принесенной земли, а также,—куда эта земля послѣ дѣвается.

Результатомъ такой присяги, если она была по поводу кражи и воръ былъ однодеревенецъ, по увѣренію г. Васильева, всегда бываетъ подбрасываніе покраденнаго. До подброшенныхъ вещей, говоритъ г. Васильевъ, случайно нашедшіе ихъ Чуваши боятся дотронуться, какъ къ „сумахлы ябала"—заговореннымъ вещамъ, и даже всячески избѣгаютъ встрѣчи съ людми, принимавшими присягу.

Тибь шар (сухая бѣда).

Подъ названіемъ—„сухая бѣда" въ литературѣ о Чувашахъ сообщается характеристика ихъ, будто „они изъ мести къ своему врагу вѣшаются у него на воротахъ". Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ г-жа Фуксъ, авторъ Записокъ о Чувашахъ и Черемисахъ. „Если уже Чуваши очень разсердятся, то какое удивительное у нихъ мщеніе! Чувашинъ идетъ къ своему непріятелю, и, желая ему навлечь бѣду, давится у него на дворѣ: бѣдные! Не знаютъ другаго мщенія (1), какъ жертвовать своею жизнію, чтобъ причинить бѣду своему врагу" (2). Какъ ни наивно сообщеніе г-жи Фуксъ, но оно, къ сожалѣнію, такъ пришлось всѣмъ по вкусу, что до сихъ поръ заговорятъ-ли о Чувашахъ на судѣ (3), въ

---

(1) Знаютъ нѣсколько способовъ. См. выше, стр. 10. 82. 113—123.

(2) Записки о Чувашахъ.—Стр. 57.

(3) Дѣло объ убійствѣ крестьянки Ядринскаго уѣзда Авдотьи Андреевой. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1871 г. №№ 28 и 29.

ученомъ обществѣ (1), даже въ литературѣ (2)—характеристическою особенностью ихъ непремѣнно явится то, что Чуваши изъ мести къ своему врагу вѣшаются у него на воротахъ (3).

Въ началѣ 60 годовъ фактъ этотъ приводился профессоромъ Казанскаго Университета о. Владимірскимъ на лекціяхъ Психологіи и у меня, слушателя его лекцій, удержался хорошо въ памяти, какъ у урожденца чувашскаго села. Насколько непоколебима вѣра въ сообщеніе г-жи Фуксъ—вотъ фактъ. Я сообщилъ въ 1869 году въ редакцію Русскихъ Вѣдомостей случай наѣсенія однимъ чувашиномъ Ядринскаго уѣзда въ раздраженіи раны въ животъ самому себѣ, изъ страха же отвѣтственности за то взваливщимъ вину на другаго, и высказалъ, что случаи взваливанія своей вины на другаго у Чувашъ нерѣдки, и что эти-то случаи взваливанія вины извѣстны у Русскихъ подъ названіемъ: сухая бѣда; но редакція закончила мое письмо: „въ былые годы, Чуваши изъ желанія накликать противнику бѣду судомъ, вѣшались на усадьбахъ его, и это явленіе получило особое названіе „сухая бѣда", непотерявшее своего смысла и до настоящаго времени" (4). Въ опроверженіе описываемой клеветы на Чувашъ прежде всего замѣчу, что „сухую бѣду" зналъ и знаетъ и русскій народъ и раздѣлялъ ее въ былые годы на конную и пѣшую (5). Далѣе еслибъ опровергаемый мною фактъ въ дѣйствительности гдѣ и случился, то смѣло можно ручаться, что самоповѣсившійся на воротахъ прежде, чѣмъ кому либо изъ вла-

---

(1) Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. (Изд. И. Рус. Геогр. Общества) стр. 28.

(2) Разсказы Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Москва. 1876 г. Стр. 201.

(3) Лаптевъ. Матеріалы для Географіи и статистики Россіи. Казанская Губернія. Спб. 1861 г. Стр. 241.

(4) Русскія Вѣдомости. 1869 г. № 141.

(5) Инородческое населеніе прежняго Казанскаго Царства въ Новой Россіи до 1762 года. Казань 1869 г.—Н. Ѳирсова. Стр. 101.

стей удалось увидѣть эту картину, былъ—бы немедленно хозяиномъ воротъ перенесенъ на чужую землю, какъ Чуваши и сейчасъ поступаютъ съ каждымъ „чужимъ“ покойникомъ, (1), не смотря на весь страхъ, питаемый ими вообще къ послѣднимъ. Не сомнѣваясь, что перетаскиваніе мертвыхъ тѣлъ вызвано злоупотребленіями старыхъ полицейскихъ дѣятелей, мнѣ думается, что ихъ продѣлкамъ трусливые Чуваши обязаны приписываемому имъ Г-жею Фуксъ факту, тѣмъ болѣе, что въ былые годы, служившіе у полицейскихъ дѣятелей писари и разсыльные жалованія отъ нихъ, по обыкновенію, не получали. Отъ нихъ, безъ сомнѣнія, вымышленныя свѣдѣнія получила и Г-жа Фуксъ, тѣмъ болѣе, что она, какъ это видно изъ ея Записокъ (2), съ полицейскими дѣятелями въ Чебоксарахъ была знакома, и ходатайствовала передъ ними за Чувашъ. Не довѣряя собственнымъ свѣдѣніямъ, я—урожденецъ чувашскаго села спрашивалъ о данномъ фактѣ одного уѣзднаго врача, прослужившаго въ Чебоксарскомъ уѣздѣ слишкомъ 15-ть лѣтъ и хорошо знавшаго Чувашъ, но врачь по совѣсти высказалъ, что въ его практикѣ не было ни одного случая самоповѣшенія изъ мести на воротахъ своего врага; ходячіе же о томъ толки ему хорошо извѣстны. Г. Сбоевъ, написавшій первую главу своего Изслѣдованія о Чувашахъ въ 1848 году, на II страницѣ говоритъ прямо „о варварскомъ обычаѣ тащить непріятелю сухую бѣду, т. е. вѣшаться во дворѣ своего врага, не слышно болѣе“. На 113—123 стр. имъ подробно описанъ видѣнный самолично способъ заклинанія Чувашами своихъ недруговъ. Г-жу Фуксъ нельзя не упрекнуть въ легковѣріи уже потому, что почтенный ея супругъ К. Ѳ. Фуксъ въ одномъ изъ отвѣтныхъ ей писемъ, напечатанныхъ въ ея же Запискахъ, привелъ статистику самоубійствъ въ Казанской губ. за 1834—1836 г., съ объясненіемъ

(1) Русскія Вѣдомости 1872 г. № 24.

(2) Зап. Стр. 55.

побудительныхъ причинъ къ тому. Такими побужденіями къ самоповѣшенію были и есть у Чувашъ: 1) отчаяніе, вслѣдствіе недостатка средствъ къ пропитанію семействъ и платежу недоимокъ (1), вообще бѣдность; 2) страхъ наказанія за проступки.—(Изъ частныхъ разсказовъ мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ самоповѣшенія и самоотравленія Чувашъ въ арестантскихъ помѣщеніяхъ волостныхъ Правленій и Становыхъ Приставовъ. Случай самоотравленія былъ въ Чебоксарской земской больницѣ съ присужденнымъ къ заключенію въ тюрьму 2 отд. Казанскаго окружнаго суда чувашиномъ деревни Чиршъ Тоизь, тотъ часъ по приводѣ его для заключенія). Эти двѣ причины замѣчены г. Фуксъ спеціально у Чувашъ; 3) нестерпимыя физическія страданія отъ различныхъ болѣзней при недостаткѣ медицинскихъ пособій и 4) пьянство, переходящее въ умопомѣшательство (2).

Способы мести К. Ѳ. Фуксъ описалъ въ тѣхъ же Запискахъ на стр. 129 и 130, но въ числѣ ихъ самоповѣшенія нѣтъ.—

Вирьмече, или Вирэмъ.

Вирьмече (3) въ Мало-Шатминскомъ приходѣ совершается въ *Страстную субботу*, въ ночи на Пасху. За недѣлю или даже ранѣе мальчики заготовляютъ сядырма — трещетки и съ этими инструментами, а также гуслями и пузырями, собравшись вечеромъ въ

---

(1) Въ 60 годахъ въ селѣ Бачуринѣ одинъ чувашинъ изъ за неимѣнія средствъ къ платежу податей перерѣзалъ себѣ горло. Этотъ случай въ свое время описанъ былъ мною на основаніи оффиціальныхъ данныхъ въ Рус. Вѣд.

(2) Зап. Стр. 324.

(3) *Вирьмече* произходитъ, кажется, отъ татарскаго слова اورمق вурмакъ, или урмакъ اورمق ударить, и ورم вирэмъ опуходь, чахотка вередъ.

Великую субботу въ одинъ какой либо домъ, начинаютъ за тѣмъ, какъ и въ Сьурэнь, бѣгать по домамъ, гдѣ ихъ угощаютъ пивомъ, яйцами и пирогами. Въ благодарность мальчики подъ звуки своихъ музыкальныхъ инструментовъ пляшутъ и поютъ пѣсни. Передъ уходомъ мальчикамъ въ каждомъ домѣ даются на дорогу: нарочно испеченный для этаго пирогъ и одно или два яйца. Обошедши всю деревню, мальчики съѣдаютъ все собранное гдѣ нибудь въ оврагѣ, куда на помощь имъ собираются и всѣ, не спавшіе въ ту ночь; все недоѣденное, вмѣстѣ съ изломанными трещетками, какъ болѣе ненужными, бросается въ полѣ (1).

Въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ мѣстностяхъ, Вирьмече, по словамъ г. Филиппова, совершалось за недѣлю до Пасхи, такъ напр. въ одной деревнѣ Туруповскаго прихода, близь села Ишакъ; въ ней и Пасха (Мун-гоп) праздновалась за недѣлю до Христіанской. Изъ этаго, кажется, слѣдуетъ, что теперешнее чувашское названіе Христіанской Пасхи—Мун-гоп—большой день нехристіанское. На измѣненіе времени совершенія, такъ называемыхъ г. Сбоевымъ, пасхальныхъ чувашскихъ обрядовъ (2), безъ сомнѣнія много вліяли письменныя требованія сельскихъ причтовъ, посылавшіяся волостному начальству во время поста о высылкѣ прихожанъ въ церковь для говѣнья; такія требованія мнѣ не разъ доводилось читать даже въ послѣднее время.

(1) Въ другихъ мѣстахъ наканунѣ Пасхи, въ Субботу, собираются кромѣ ребятъ и взрослые (мужескій полъ) и берутъ въ руки сверхъ трещетокъ, вербу, связанную пучкомъ или лозой (въ аршинъ длины), заходятъ въ каждый домъ по порядку и ударяютъ вербой каждаго, находящагося въ домѣ, говоря: «чирь-чуръ кайдыръ» да уйдетъ болѣзнь! Послѣ побоевъ начинается игра, пляска, и за это хозяинъ угощаетъ пришедшихъ, чѣмъ захочетъ.

(2) В. Ав. Сбоева. Изслѣдованія объ инородцахъ, стр. 144.

Сьурэнь.

Сьурень (¹)—обрядъ изгнанія изъ жилищъ душъ умершихъ, выпущенныхъ на Пасху (Мун-гонъ), обратно въ царство мертвецевъ. Свѣдѣнія о сьурэнь въ Чебоксарскомъ уѣздѣ мною заимствованы изъ уголовнаго дѣла, возникшаго по слѣдующему обстоятельству. Чувашинъ деревни Айдаровой, околодка Акчур, Бичуринскаго прихода, Яковъ Филипповъ подалъ въ Воскресенское Волостное Правленіе, что въ селѣ Бичуринѣ, письменное прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что „24 Апрѣля (1869 года), въ четвергъ, на Пасхѣ, по старинному обычаю, у нихъ въ деревнѣ собралась, для сбора яицъ, толпа мальчуганъ отъ 14—20 лѣтъ и съ деревенскимъ старостой во главѣ забралась, между прочимъ, и къ нему, Филиппову, съ требованіемъ угостить. Вѣруя въ истиннаго Бога, онъ Филипповъ, вмѣсто угощенія, просилъ толпу удалиться; но староста, настаивая на выполненіи обряда, ударилъ Филиппова по плечу и оторвалъ рукавъ рубахи. О самомъ обрядѣ, подавшемъ поводъ къ жалобѣ, Филипповъ разсказалъ слѣдующее. Толпа избираетъ изъ своей среды двухъ загонщиковъ и сборщика съ пещеромъ за плечами. Сборщикомъ въ данномъ случаѣ былъ отставной солдатъ. Эти избранные обыкновенно идутъ впередъ и предваряютъ хозяевъ словами:

Полки килэть, иккь сьурь сьимарда бар!	Идетъ полкъ (толпа), давай 200 яицъ!

Домохозяинъ, по старинному обычаю, долженъ дать сборщику два яйца и, выставивъ на дворъ столъ (дѣло обыкновенно происходитъ вечеромъ), угостить толпу пивомъ, а, если можетъ, то и виномъ (ради чего къ

(¹) Слово *Сьурэнь* есть или сокращеніе отъ *сьурегень* ходящій, или отъ татарскаго сурмекъ سورمك سرمك и سورومك гнать, изгонять; سوركان сюргянь выгнанный, или изгоняющій.

мальчуганамъ и присоединяются возрастные). — Въ благодарность за угощеніе толпа на дворѣ пляшетъ подъ звуки кобыз (скрипка) и, прокричавъ до трехъ разъ Алла! и Ура!—идетъ далѣе. Ночью, по обходѣ всѣхъ домовъ, толпа выходитъ въ поле, раскладываетъ тамъ огонь и, сваривъ яйца, дѣлитъ ихъ между собой; нѣкоторые при этомъ перепрыгиваютъ черезъ огонь, приговаривая: „чирь кайдыръ“ болѣзнь да удалится (¹). Угостившимъ домохозяевамъ толпа высказываетъ желаніе добра, а не угостившимъ накликиваетъ несчастія. Обрядъ этотъ, — закончилъ свою жалобу Филипповъ, — извѣстенъ и священно-церковно-служителямъ.

Для характеристики отношеній русскаго населенія къ Чувашамъ, я позволю изложить и дальнѣйшую судьбу этаго дѣла. Какъ носились въ свое время слухи, Якова Филиппова подучилъ подать жалобу не столько на старосту, сколько злобившійся на причтъ, помощникъ писаря упомянутаго Правленія, хорошо знавшій подробности обряда со времени бытности его когда-то волостнымъ писаремъ въ Айдаровскомъ (нынѣ упраздненномъ) Волостномъ Правленіи. Получившій жалобу Филиппова Мировой Посредникъ Селезневъ составилъ постановленіе: 1) сельскаго старосту за описанный выше проступокъ съ Филипповымъ предать суду, 2) совершителей обряда оштрафовать каждаго по 25 коп. сер. въ пользу училищнаго капитала и 3) обстоятельство—же знанія священно — церковно — служителями исполненія крестьянами чувашскаго обряда и непринятія ими никакихъ мѣръ къ искорененію чувашскихъ обрядовъ передать на разсмотрѣніе и заключеніе Епархіальнаго Начальства и затѣмъ дѣло, вмѣстѣ съ своимъ постановленіемъ, представилъ на заключеніе въ Чебоксар-

(¹) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чуваши въ полѣ скидаютъ съ себя рѣшительно всю одежду и обувь, вытряхиваютъ, бросаютъ на верхъ или колотятъ о землю и говорятъ: чирь-чуръ кайдыръ!

ско—козмодемьянскій съѣздъ Мировыхъ Посредниковъ. Послѣдній, опустивъ изъ виду неподсудность ему дѣла, на основ. 127 ст. общ. Полож. о крест. и 207 ст. Улож. о нак. изд. 1866 г., постановленіе посредника утвердилъ и, сообщивъ въ Чебоксарское уѣздное Полицейское Управленіе о взысканіи съ совершителей обряда штрафа, дѣло для производства слѣдствія о поступкахъ сельскаго старосты передалъ мѣстному Судебному Слѣдователю, которымъ оно 19 Декабря 1869 года за № 1621 препровождено товарищу Казанскаго губернскаго прокурора г. Викторову.

Епархіальное Начальство, по сообщенію Мироваго Посредника, въ свою очередь поручило мѣстному Благочинному произвести дознаніе; но что послѣднимъ обнаружено,—свѣдѣній получить мнѣ не удалось. При разспросахъ о сурень въ другихъ селеніяхъ, Чебоксарскаго уѣзда, меня постоянно отсылали Чуваши за свѣдѣніями въ Цивильскій уѣздъ и въ деревню Тансарину (Тобах), Бишевскаго прихода, гдѣ быть и распросить кого либо мнѣ однакожъ не привелось. Въ деревнѣ Акшикъ Кучкѣевскаго прихода мнѣ передавали, что лѣтъ 30 тому назадъ въ этой деревнѣ на Пасхѣ справлялся совершенно тожественный съ сьурэнь—меркемес (*). Во время этаго праздника по деревнѣ такъ же собирались яйца и ватрушки, куски коихъ, по выходѣ со двора, съ благожеланіемъ хозяевамъ, закидывались на крыши домовъ. Но разъ, во время этого праздника случилось убійство и обрядъ съ тѣхъ поръ болѣе не совершается. Въ сосѣднемъ околодкѣ Иштрекасы на 3-й день Пасхи, послѣ полденъ, дѣти и сейчасъ собираютъ по деревнѣ яйца, орѣхи и затѣмъ съ набраннымъ добромъ, верхомъ на перепелѣсыхъ палкахъ (съ снятой съ нихъ винтообразно корой),

(*) Это слово, кажется, арабское или татарское مرحمت *мерхемэтъ* состраданіе, сожалѣніе, милосердіе, или еще лучше мархумъ مرحوم сподобившійся милосердія Божьяго,—умершій.

отправляются въ оврагъ, въ которомъ и съѣдаютъ собранное. Самый обрядъ здѣсь называется Микимерес (?)

Въ Ядринскомъ уѣздѣ сьурэнь, между прочимъ справляется въ приходѣ села Малой Шатьмы. Вечеромъ,—писалъ мнѣ г. Филипповъ,—послѣ заката солнца (къ сожалѣнію неизвѣстно въ какомъ мѣсяцѣ), мальчики, собравшись со всей деревни, берутъ въ руки каждый по пруту и начинаютъ съ ними бѣгать по всѣмъ дворамъ. Домохозяева, по приходѣ такихъ гостей, выносятъ на дворъ свою одежду, которую мальчики начинаютъ хлыстать прутьями для того, чтобы отъ нее все нечистое отстало; дряхлые старики ложатся подъ прутья сами не раздѣваясь. Если домохозяинъ одежду мальчикамъ на дворъ невынесетъ, они отламываютъ отъ прутьевъ своихъ кончики и оставляютъ ихъ на дворѣ съ пожеланіемъ:

Сан бада чирь пол-	У тебя болѣзнь да
дыр!	будетъ!

За труды мальчикамъ въ каждомъ домѣ даются печеныя яйца, которыя они, по обходѣ всѣхъ домовъ, съѣдаютъ гдѣ нибудь въ оврагѣ.

Въ Байтеряковскомъ приходѣ, послѣ Пасхи, на Ѳоминой недѣлѣ, въ Воскресеніе къ вечеру, молодежь, по обычаю своему, гоняетъ чертей подъ названіемъ „срень“. Изъ нихъ въ это время: кто верхомъ, кто пѣшкомъ, держа каждый въ рукахъ по одной палкѣ, сдѣланной въ видѣ сабли, ѣздятъ и ходятъ по всему селенію съ двора на дворъ съ пѣснями. Когда станутъ приближаться къ дому какого нибудь чувашенина, тогда всѣ молодые люди, постепенно входя на дворъ и ударяя деревянными саблями по воротамъ, по заборамъ, кричатъ:

Шойтан, тох, тазал!	„Діаволъ выдь-удались
Чирь-чёр, тох, тазал!	(изъ сего дома)!
	Разныя болѣзни смертныя выходите, удалитесь“!

Семейные же дома угощаютъ ихъ пивомъ, а иногда и водкою, даютъ имъ сырцевъ, говядины, яицъ и калачей, которые тотчасъ же кладутся въ пещеры (1), носимые ими для этаго случая. Минутъ чрезъ 10-ть старшій такого сборища, бьетъ всѣхъ семейныхъ отъ старшаго до младшаго своимъ оружіемъ, произнося тѣже самыя слова; а потомъ отправляются въ другіе слѣдующіе дома съ шумомъ и крикомъ. Обойдя всю деревню, всѣ отправляются прямо къ кладбищу, гдѣ, на лужайкѣ (близъ кладбища) собранные ими яйца, калачи и проч. ѣдятъ, сидя по кучкамъ. Предъ возвращеніемъ домой, будто пугая въ послѣдній разъ чертей, сами себя хлыщутъ палочными саблями и потомъ отправляются домой, какъ бы чистыми. Несъѣденные ими остатки остаются на долю собакъ. Итакъ значеніе слова „срень“ по всему вышеизложенному есть очищеніе отъ злыхъ духовъ-демоновъ, явившихся вслѣдъ за душами усопшихъ изъ кладбища въ Пасху, во время поминовенія.

Впрочемъ не во всѣхъ деревняхъ „срень“ бываетъ въ одно и тоже время: въ однихъ раньше вышеупомянутаго дня, въ другихъ много позже. На примѣръ, въ деревнѣ Большихъ Яльчикахъ „Срень“ всегда бываетъ передъ Троицей въ пятницу. Къ этому дню Чуваши сей деревни приготовляютъ много пива, зная, что стеченіе народа будетъ весьма многочисленное изъ сосѣднихъ деревень. Дѣйствительно, въ этотъ день Чуваши окрестныхъ селъ и деревень утромъ рано, кто на лошадяхъ, кто пѣшкомъ отправляются туда, чтобы посмотрѣть на „Срень“. Народу такъ бываетъ много, что, можно подумать, не ярмарка-ли собирается. Церемонія же „срепя“ заключается въ слѣдующемъ: прежде молодые люди верхами на лошадяхъ ѣздятъ по дворамъ за сурбанами (головными повязками); объѣхавъ всю деревню, отправляются въ поле, гдѣ подъ открытымъ небомъ, на ровномъ лугу, начинается сперъ-

(1) Пещерами называются плетеныя изъ лыкъ сумки или чемоданы.

ва гонка лошадей; потомъ молодые люди сами, отъ извѣстнаго ими предназначеннаго мѣста, бѣгаютъ, т. е. играютъ въ перегонки; по окончаніи всего этого, начинается между молодцами борьба. За всѣмъ—тѣмъ, въ знакъ отличія, и лошадямъ перегнавшимъ другихъ лошадей и молодымъ людямъ за перегонку и борьбу, дается по одному платку—сурбану. Этимъ и оканчивается вся игра на лугу. Оттуда отправляются всѣ въ деревню пить—гулять. Передъ вечеромъ начинается уже самый настоящій „сремь“ также, какъ и въ прочихъ деревняхъ.

Подобно Яльчиковскому „сремь“ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ сьурэнь совершался у Черемисъ деревни Исменецъ—Бѣлякъ и притомъ разъ въ семь лѣтъ. Предвѣстникомъ его служила оглушительная игра мальчиковъ на рябиновыхъ самодѣльныхъ дудкахъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Въ самый день сьурэня музыканты эти выходили въ паровое поле, по которому парни—женихи пускались верхами отъ извѣстнаго мѣста въ перегонку, при чемъ, если кто во время самой отчаянной скачки съ лошади упадалъ, тотъ, хотя бы случайно вовсе не ушибся,— не премѣнно долженъ умереть. Избороздивъ поле, какъ сохой, парни спускались подъ гору и, поклонившись горѣ съ произнесеніемъ какихъ—то причитаній, со всей публикой расходились по деревнѣ для пьянства. На это празднество въ Исменцы съѣзжались Черемисы даже изъ сосѣднихъ уѣздовъ—Казанскаго и Царевококшайскаго. Въ послѣднее время празднованіе сьурэнь должно было совершиться въ Исменцахъ въ 1875 году, но такъ—какъ въ этомъ году предстояло освященіе вновь выстроенной церкви и переименованіе деревни въ село, то проходкій священникъ воспретилъ праздновать сьурэнь. Черемисы послушались своего пастыря.— Подобный обряду сьӱрэнь весной старокрещеные татары, мамадышскаго уѣзда, совершаютъ пейлыкъ.

Вопкын чуклэни.

Вопкын—чуклэни—моленье объ избавленіи отъ повальной болѣзни—холеры, чумы, падежа скота (1). Слово „вопкын“ значитъ пучина, водоворотъ, пропасть, прожорливый, обжора и духъ съ означенными свойствами, имѣющій видъ собаки. Вотъ что объ немъ разсказывала въ 1875 году своимъ однодеревенцамъ йомзя деревни Масловой Татьяна аппа (Тетка Татьяна), по поводу бывшаго у нихъ тогда падежа на скотъ. Передавая слова почтоваго ямщика, она сообщила, что однажды почталіонъ ѣхалъ домой. Въ полѣ настигла его, шедшая пѣшкомъ съ двумя собаченками, женщина и попросила посадить ее. Во время разговора, между прочимъ о падежѣ скота, пассажирка неожиданно соскочила съ телѣги и, превратившись въ собаку, начала грызть бѣжавшихъ за ней собакъ. Когда женщина снова сѣла къ ямщику, онъ спросилъ ее, для чего это она такъ сдѣлала? Она отвѣчала: я киреметь; собаченкамъ этимъ я велѣла въ деревнѣ Анчиковой, Тюрлеминскаго прихода, оставлять по три головы скота каждому домохозяину, а они уничтожаютъ всѣхъ; у васъ въ деревнѣ Масловой будутъ только болѣть ноги у овецъ, какъ и было въ дѣйствительности. Татьяна аппа слышала этотъ разсказъ отъ ямщика, и передавая его однодеревенцамъ, она приглашала ихъ совершить чук вопкыну, что̀ тѣ и сдѣлали, собравъ предварительно крупу, масло и т. д. Въ жертву Вопкыну приносится три черныхъ ягненка, коихъ йомзя, при содѣйствіи двухъ стариковъ-

---

(1) Въ Исторіи философіи Архимандрита Гавріила (Казань. 1840 г. ч. VI. Стр. 10—17) Вопкынъ названъ ошибочно Касхи-*Допканъ* Эсрель. Сравн. Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чувашъ. Свящ. Никифора Каменскаго. Казань. 1879 г. Стр. 8. 9. 10.—Нѣчто о чувашскихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Свящ. В. Я. Смѣлова. Извѣстія по Казанской Епархіи 1880 г. № 20. Стр. 532.

закалаетъ гдѣ нибудь въ уединенномъ оврагѣ и варитъ, кромѣ ихъ, еще кашу въ трехъ котлахъ. Котлы эти предназначаются:

Вопкын Торрынэ.	Вопкыну Богу.
Вопкын ашенэ.	Отцу Вопкына.
Вопкын амышнэ.	Матери Вопкына.

Передъ тѣмъ, какъ приниматься купать жертвенное мясо и кашу, йомзя читаетъ молитву:

Е бисьмэлле! Вопкын Тора, Вопкын ашше, Вопкын амыже сырлага барыр! Ажа казярыр! Ялды чырэ тазатса тохса каир! Хинь азаб ацбарыр! Тватта кудеслэ сяндалык ксьста савна сявында каир, ширин ялда анборныр!	Во имя Бога! Вопкын богъ, отецъ Вопкына, мать Вопкына помилуйте! Изъ снисхожденія простите! Очистивъ деревенскую болѣзны (деревню отъ болѣзни), удалитесь! Не посылайте мучительной боли! Ступайте на всѣ четыре стороны свѣта, куда угодно (гдѣ понравится), а въ нашей деревнѣ не пребывайте!

По совершеніи обряда, шкуры ягнятъ и остатки жертвенныхъ кушаній зарываются въ землю (1).

Хирь аги (Хирь соги).

Хирь аги, хирь соги—обрядъ опахиванія селеній, въ огражденіе заболѣваній домашняго скота и людей отъ повальныхъ болѣзней. Въ Тюрлеминскомъ приходѣ для совершенія этаго обряда сельскимъ старостой, по приказанію мірскаго схода, наряжаются всѣ подворно взрослыя дѣвушки, изъ коихъ одна дѣвица—единствен-

(1) Срави. Такя кляу у старокщенныхъ тараръ. Религіозно-нравственное состояніе крещеныхъ татаръ Казанской губерніи Мамадышскаго уѣзда. М. Машанова. Казань. 1875 г. стр. 24.

ное дѣтище въ семьѣ, выбирается для управленія предназначенной для опахиванія села сохой (ага, сога), а остальныя дѣвицы запрягаются въ эту соху, снявъ съ себя предварительно йимь (штаны) и распустивъ косы. Впрягшіяся въ соху дѣвицы берутъ въ руки жгуты, а управительница—обыкновенный кнутъ. Наряжая дѣвицъ для опахиванія селенія, староста въ тоже время приказываетъ во всѣхъ домахъ тушить огонь, а къ началу процессіи ставитъ у полевыхъ воротъ, при въѣздахъ въ деревню и выѣздахъ изъ нее, караульщиковъ съ строгимъ наказомъ ни изъ деревни никого не выпускать, ни въ нее впускать. Процессія идетъ вокругъ деревни по солнцу. Послѣ опахиванія сохой всего селенія, въ поле выносятся двѣ дубовыя плахи, изъ коихъ одна обдѣлывается на подобіе пилы, а другая кладется плашмя, и затѣмъ двое начинаютъ ихъ одна объ другую тереть для полученія огня. Третій наготовѣ держитъ трутъ. Если огонь долго не добывается,—признакъ, что огонь не во всѣхъ домахъ затушенъ. Добывъ огня, участники процессіи немедленно разводятъ его и варятъ яйца, а затѣмъ разносятъ огонь по домамъ. Обрядъ этотъ обыкновенно совершается ночью. Лѣтъ пять тому назадъ, два татарина (торговцы изъ деревни Карамышевой), наткнувшіеся въ селѣ Тюрлемѣ на опахивающую селеніе процессію, вздумали было, не смотря на предупрежденіе, потѣшиться надъ впрягшимися въ соху дѣвушками, ударяя ихъ кнутами, какъ лошадей, но за это сами были до того чувствительно избиты, что пролежали въ постели по мѣсяцу. Сознавая собственную вину, Татары жалобы на побои ни кому не подавали.

Доказательствомъ повсемѣстнаго существованія во 2 станѣ Чебоксарскаго уѣзда обряда опахиванія у Чувашъ служатъ борозды вокругъ каждой деревни.

Въ деревнѣ Рѣпетниковой (Ватнэр) Чуваши вѣрятъ, что вокругъ ихъ деревни подъ землей проведена желѣзная проволока, и потому у нихъ падежей скота не бываетъ.

Татары деревни Карамышевой, въ предупрежденіе скотскаго падежа, въ случаѣ появленія его, прокапываютъ въ какомъ нибудь слишкомъ выдавшемся бугрѣ полукруглый сквозной проходъ, въ которомъ по срединѣ зарываютъ по шею живую собаку и затѣмъ въ полдень, сквозь вырытый проходъ прогоняютъ весь свой скотъ. Послѣ этого, вернувшись домой, заливаютъ во всѣхъ домахъ огонь и вновь добываютъ его, какъ и Чуваши, треніемъ.—Добытый этимъ способомъ огонь разводится у полевыхъ воротъ, и чрезъ него прогоняется съ поля домой скотъ. Обрядъ этотъ, по разсказамъ Карамышевскихъ Татаръ, былъ выполненъ у нихъ лѣтъ 15-ть тому назадъ, и съ тѣхъ поръ оврагъ, въ которомъ совершалось изложенное, носитъ названіе „сыир кичувэ чогоры".

Одна русская женщина изъ села Алексѣевскаго (Сизинери) разсказывала мнѣ, что у нихъ, въ Алесѣевскомъ, на канунѣ перегона скота черезъ огонь, добытый также треніемъ и разводимый въ нарочно-вырываемомъ за селомъ рвѣ, точется—„обыденна новина" изъ нитокъ, нарочно напряденныхъ, по заказу мірской сходки, дѣвушками или женщинами.

Болѣзни и ихъ лѣченіе.

Для излѣченія болѣзней Чуваши владѣютъ крайне ограниченнымъ запасомъ свѣдѣній о лѣкарственныхъ средствахъ; изъ числа послѣднихъ, сколько мнѣ извѣстно, у нихъ наиболѣе употребительны: деревянное масло, камфара, сахаръ, вино и нѣкоторыя травы,—послѣднія исключительно пережженныя для наружнаго натиранія. Болѣе радикальными средствами для излѣченія служатъ у нихъ нижеслѣдующіе обряды, наговоры и жертвоприношенія духамъ, что, впрочемъ, совершенно согласно съ ихъ возрѣніемъ на недуги, какъ существа одушевленныя произвольно или по напуску недоброжелателей постигающіе и мучащіе человѣка до изнуренія или до смерти.

1) Лѣченіе оспы (чечек).

Отъ оспы въ деревнѣ Масловой поятъ по 12-ти разъ въ сутки разведеннымъ въ водѣ каломъ отъ жеребятъ и наговоренной наговорщикомъ (вирӱссе) водой съ солью.—Жеребячье кало (тига пугэ) считается лѣкарственнымъ потому, что жеребенокъ ѣлъ разныя травы, въ числѣ которыхъ, конечно, находятся и лѣкарственныя. Кало собственно выжимается и сокомъ отъ жеребячьяго кала поятъ, умываютъ младенцевъ, больныхъ оспой.

2) Лѣченіе золотухи (йыт пюзе—собачья голова).

Золотушнымъ намазываютъ голову масломъ и затѣмъ призываютъ собаку облизывать ее. Въ то время, какъ собака облизываетъ голову больнаго, нерѣдко до крови, йомзя, срѣзавъ съ головы собаки клокъ шерсти, сжигаетъ его на лучинѣ, и затѣмъ золой посыпаетъ больное мѣсто, приговаривая:

Йыт посьне сьондарэ, кюлэбэ сабадып. Йыдабэк хыда бол! Пизэ бол! Тьфу, тьфу!

Собачью голову жгу, золой посыпаю. Будь твердъ, какъ собачья голова! Будь гибкій! Тьфу, тьфу!

Или же для излѣченія шишки на головѣ, берутъ кость собачьей головы, касаются костью къ шишкѣ и, отводя руку съ костью въ сторону, начинаютъ считать: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Послѣ чего говорятъ: тухуръ сирелэ саланза кайдыръ, т. е. да разсыплется (болѣзнь) на всѣ девять сторонъ! Потомъ считаютъ до 7, т. е. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, и говорятъ: ситче сирелэ саланза кайдыръ. Потомъ считаютъ до 5, и говорятъ: биликь сирелэ... Считаютъ до 3-хъ виссе сирелэ... Наконецъ лѣкарь шаркнетъ костью около шишки одинъ разъ и скажетъ: перъ перзыръ полдыръ,

тьфу! т. е. пусть будетъ одинъ безъ одного, т. е. пусть не останется вовсе болѣзни! Тьфу! Лѣкарь плюетъ при этомъ и кость забрасываетъ куда либо дальше. Въ другихъ мѣстахъ считаютъ нечетныя числа, начиная сперва съ 9: 9, 7, 5, 3, 1. Потомъ: 7, 5, 3, 1. Еще: 5, 3, 1. Затѣмъ: 3, 1. Наконецъ 1 тьфу и проч. Подобнымъ счетомъ вылѣчиваютъ золотуху на шеѣ, ячмень на глазу, только въ первомъ случаѣ берется въ руку гнилая веревка, а при болѣзни глазъ—ячменное зерно.

3) Лѣченіе боли въ поясницѣ.

Этаго рода больнымъ нарочито отысканная перь азя—ран, ама—ран хырь (единственная дочь у отца съ матерью) топчетъ спину, приговаривая:

Перь азя—ран, амаран хирь таптадып. Саныи (казян) сьорым (¹) тӱрьленьдыр! Тьфу, тьфу, тьфу!

Я, единственная дочь у отца—матери, топчу. Твоя спина да исцѣлится (выправится)! Тьфу, тьфу, тьфу!

4) Лѣченіе ушибовъ.

На то мѣсто, гдѣ упалъ и ушибся ребенокъ, въ деревнѣ Масловой льютъ съ конца ножа соленую воду и плюютъ, приговаривая:

Манын ача ӱкмэн, сьорчик укнэ. . . . . слюна упала.

Мой ребенокъ не упалъ;

Потомъ тѣмъ же ножемъ срѣзываютъ съ коровая хлѣба горбушку, которая называется йомъ сынны сӱкры т. е. хлѣбъ на пользу, или ради больнаго початой хлѣбъ. И, вынесши ее на дворъ, оставляютъ тамъ гдѣ—нибудь на столбѣ забора.

(¹) Словомъ казян въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ означается спина, а въ Ядринскомъ уѣздѣ называется этимъ именемъ женскій половой органъ, а спина сьорым.

5) Ача ишшэ (¹)—собачья старость или дѣтское худосочіе.

Положивъ ребенка на разсученный слой тѣста, разостланый на лопатѣ, окпрываютъ его сверху другимъ такимъ же слоемъ и, защипавъ края въ видѣ пирога, съ отверстіемъ для рта, до 3 разъ просовываютъ младенца въ печь, поверхъ горящихъ въ челѣ углей, причемъ йомзя приговариваетъ:

Ача ишлэдеп! Тох ишшь!—Излѣчиваю ребенка отъ худосочія. Выходи худосочіе.

Затѣмъ призвавъ собаку, сбрасываютъ ребенка съ лопаты сквозь хомутъ къ порогу, гдѣ собака съѣдаетъ покрывавшее ребенка тѣсто. При этомъ йомзя снова читаетъ молитву, которая мнѣ пока неизвѣстна.

Такимъ же способомъ хилыхъ дѣтей лѣчатъ и Русскіе въ Бѣловолжскомъ приходѣ и даже въ г. Чебоксарахъ.

Въ Чебоксарахъ, какъ мнѣ передавалъ содержатель одной въѣзжей квартиры,—отставной солдатъ села Косякова, Свіяжскаго уѣзда, по поводу хилости своего первороженнаго ребенка—для совершенія описаннаго обряда приглашаются двѣ женщины, которыя при запеканіи произносятъ такія же слова, какъ при окуриваніи коровъ.

Въ Бѣловолжскомъ приходѣ, кромѣ того, дѣтей, одержимыхъ собачьей старостью, просовываютъ сквозь разщепленный съ помощью клина дубовый рычагъ и притомъ такъ, чтобы рубашка съ ребенка сорвалась и осталась въ ращелинѣ. Если не ошибаюсь, рубашка впослѣдствіи забивается осиновымъ коломъ въ передній уголъ избы.

Въ рукописи К. Степанова о виновникѣ Ишшчирь говорится слѣдующее:

(¹) Ишшъ персидское слово نیش ужаленіе, уязвленіе жало.

Хирь, хирь позьнах ача туза пыдарза, сява ача ниш полать, теть. Ниш пичикь ача халзыр тувать.

Если дѣвица во время дѣвства родила и скрыла (т. е. извела) младенца, то душа этаго младенца дѣлается, говорятъ, дѣтскою болѣзнію—ниппемъ. Болѣзнь нишъ маленькихъ ребятъ дѣлаетъ хилыми.

По сообщенію священника села Старыхъ Шигалей, Цивильскаго уѣзда, Г. Ф. Филиппова, въ приходахъ селъ: Тюрлемы и Старыхъ Шигалей, а также во многихъ другихъ мѣстахъ, Чуваши вѣрятъ:

1) Если дѣвица умретъ не нарушивъ своего цѣломудрія, то она на томъ свѣтѣ сдѣлается женою Эсреля (ангела смерти) и будетъ она у него, Эсреля, мыть его бѣлье. Въ предупрежденіе такой будущности всякая дѣвица, до выхода замужъ, обязательно должна завести съ кѣмъ нибудь любовную связь и нарушить съ нимъ свою честь. Матери-чувашки, оплакивая дочерей, умершихъ дѣвственницами, приговариваютъ:

Ах, Тор, Тор, хирим Эсрель арыме больче!

О, Господи, Господи, моя дочка сдѣлалась женою Эсреля!

2) Если дѣвица умретъ, нарушивъ цѣломудріе, но не вышедъ замужъ, то на томъ свѣтѣ у нея груди будутъ сосать змѣи до тѣхъ поръ, пока она на томъ свѣтѣ не выйдетъ замужъ и не родитъ ребенка, по этому всякая дѣвица должна выйти замужъ и родить ребенка.

3) Дѣвица на томъ свѣтѣ дѣлается женою того человѣка, съ которымъ она нарушила свое цѣломудріе, по этому всякая дѣвица нарушаетъ свое цѣломудріе съ тѣмъ, за котораго ей хотѣлось бы выйти замужъ и это нарушеніе цѣломудрія дѣвица ухитряется исполнить и тогда, когда ее родители просватываютъ за жениха не по мысли ея, чтобы на томъ свѣтѣ ей не быть женою послѣдняго.

Въ силу такихъ вѣрованій, мужья упрекаютъ своихъ женъ за дѣвственность (¹).

4) Когда жены не родятъ дѣтей отъ своихъ мужьевъ, тогда стараются привлечь къ любовной связи мужчинъ, отличающихся плодовитостью.

5) Когда и родятъ, но мужья живутъ бѣдно, вообще въ несчастіи, тогда жены стараются завести любовную связь съ тѣми мужчинами, которые живутъ въ счастіи.

При распросахъ между прочимъ о „противозаконномъ сожительствѣ“, для составленія Этнографическаго очерка преступленій и проступковъ во 2-мъ станѣ Чебоксарскаго уѣзда, мнѣ ранѣе одинъ черемисинъ Красно-ярскаго прихода сообщилъ, что и у Черемисъ рѣдкая дѣвушка выходитъ замужъ дѣвственной, и что мужья этимъ точно также нисколько не возмущаются. Тогда я, какъ и другіе, такое явленіе объяснилъ себѣ поздней выдачей Чувашами и Черемисами дочерей въ замужство, но истинная причина его и у Черемисъ едва-ли не въ религіозныхъ вѣрованіяхъ.

6) **Ыпкырт**—напрасная обида.

Болѣзнь эта приключается отъ прохода мимо ссорящихся и излѣчивается въ деревнѣ Масловой водой съ обмытыхъ рукъ, ногъ и лица ссорившихся, которую больной пьетъ, какъ лѣкарство.

Въ Ядринскомъ уѣздѣ таже болѣзнь называется хаяр. Въ прдупрежденіе заболѣванія ею слѣдуетъ, проходя мимо ссорящихся, пнуть ихъ ногой или ткнуть рукой. Когда болѣзнь приключилась, то говорятъ:

(¹) Тѣмъ не менѣе однакожъ на сватьбахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ подражаніе Русскимъ, свахи выносятъ въ извѣстный день на показъ гостямъ Signa innocentiae молодой. Отсутствіе ихъ вызываетъ насмѣшки надъ родителями молодой: имъ подается пиво въ ковшичкѣ съ дырочкой, зажатой рукой подносчика. См. Изслѣдованія объ инородцахъ.. В. А. Сбоева, стр. 38. Очеркъ юридическаго быта Чувашъ: Казанскія Губернскія Вѣдомости 1868 г. № 89.

„ынжыртъ укрэ“, или „хаяръ ӳкрэ“,—болѣзнь напала. Признаки этой болѣзни: тошнота и даже рвота,—ломота въ головѣ и лихорадочное состояніе. Лѣчатъ эту болѣзнь, обыкновенно, корнемъ имбиря и корнемъ полыни.

Наговоры.

1) **Сьолъ хаяре чиляи** наговоръ противъ несчастія въ дорогѣ.

Въ предупрежденіе заболѣваній въ пути, Чуваши, отправляясь куда—либо на долго изъ дому, напр. въ работники, солдаты, женихъ съ невѣстою къ вѣнцу,—по выходѣ или выѣздѣ изъ полевыхъ воротъ деревни, вынимаютъ изъ кармана мѣдную копѣйку, обертываютъ ее до 3-хъ разъ вокругъ головы, приговаривая:

Хиресь хаяр сякна изэ йолыр, ман—ба перле анбырыр, сяк оксяба борныр!

На дорогѣ встрѣтившіеся злые духи это возьмите, вмѣстѣ со мною не ходите, съ этими деньгами живите (будьте довольны)!

И затѣмъ, положивъ копѣйку на правую сторону дороги (¹), отправляются далѣе.

Подлежащіе рекрутчинѣ, чтобы не попасть въ солдаты, въ деревнѣ Масловой передъ наборомъ начинаютъ носить съ собой часть дѣтской сорочки (пузыря), вслѣдствіе чего, по мнѣнію Чувашъ, человѣкъ тотъ тӳсрэнь кялять (измѣнится въ лицѣ, т. е. заболѣетъ и сдѣлается непригоднымъ въ солдаты).

Съ тою же цѣлью Чуваши производятъ раны

(¹) Такихъ денегъ сами Чуваши никогда не подбираютъ изъ боязни заболѣваній. См. Преданія Чувашъ...' Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г. № 21.

сѣменами волчьяго лыка, разжеванными съ мышьякомъ (¹).

Въ Мало—Шатминскомъ приходѣ для того—же обертываютъ ноги выбрасываемымъ послѣ покойниковъ бѣльемъ.

Тамъ—же рекруты, проѣзжая мимо своихъ загоновъ, по пути въ городъ, дѣлаютъ загонамъ три земные поклона, а живущіе въ селахъ до 3-хъ разъ объѣзжаютъ приходскую церковь, прощаясь съ селомъ.

Въ Ядринскомъ уѣздѣ въ Богатыревскомъ приходѣ рекруты, отправляясь на службу, заходятъ на гумно и тамъ предъ столбомъ, который стоитъ среди тока, дѣлаютъ три земныхъ поклона и, цѣлуя столбъ, говорятъ:

Эй Тора, сякъ йдемь йобинчень анойэръ.

Боже! не отлучи меня отъ этого столба.

Главная мысль Чувашъ при этомъ та, что они не желаютъ умереть на войнѣ, и вообще на службѣ, а желаютъ опять возвратиться на родину и предаться земледѣльческимъ занятіямъ.

2) Вопкын чильги, т. е. наговоръ противъ Вопкына.

Вопкын чильги наговаривается отъ боли въ животѣ, чѣмъ Чуваши страдаютъ очень часто. Ощупавъ животъ больнаго, йомзя ябъявляетъ:

Сана Вопкын вопны; вирьзэ барзан тӳрлэнеть.

Тебя вопкынъ поймалъ; если (подувши дать) наговорить, болѣзнь излѣчится.

Въ случаѣ согласія больнаго, (а противнаго, конечно, никогда не случается), йомзя выпрашиваетъ се-

(¹) Лѣчебныя травы Чувашъ деревни Масловой Чебоксарскаго уѣзда. Протоколы Каз. Общ. Естествоиспытателей за 1875 г.

бѣ ковшъ воды, кочедыкъ, щепотку соли и, опустивъ соль въ ковшъ, начинаетъ воду кочедыкомъ взбалтывать, приговаривая:

Е бисьмэлле! Перь Тора анбрахъ! Тьфу! Тораранъ сьырлагу кильдэр, патша-ран ырлыхъ кильдер, йомзя-зэнь, вирусседзэнь сыпьлехтивдэр! Тьфу! Тох Вопкын (сяк сьын)! Варне (хырымне) ыраттарза пулгатса ансӱрэ! Тьфу! Ксьанда кусян тинизе, Адыла, вурмана, чола, вот сьолымне, тӱдӱме, ойыга, хвэлэ, сьулдырзэнэ Вопкын вопны, сявын чох (сяк сьынпа) Вопкын воптыр! Тьфу! Патша ларать, тӱрэ ларать, хвэль ларать, ойых тавырнать, кон тавырнать, Вопкын эстэ сявзем бек таврыпза сьурек каска ышнэ кирзе кай! Тьфу!

Во имя Бога! Одинъ Богъ не оставь! Тьфу! Отъ Бога помилованіе да придетъ, отъ царя благость да придетъ, отъ йомзей, отъ наговорщиковъ (которые дуютъ) пользительность да коснется больнаго! Тьфу! Выдь Вопкын изъ этаго человѣка! Животу и желудку не причиняй боли, урчаніемъ! Тьфу! Когда море, Волгу, камни, пламя огня, дымъ, мѣсяцъ, солнце, звѣзды Вопкын испортитъ, тогда пусть этого человѣка Вопкынъ портитъ! Тьфу! Какъ Царь (твердо) сидитъ (на своемъ тронѣ), какъ судья возсѣдаетъ въ судѣ, какъ солнце заходитъ садиться, мѣсяцъ возвращается, день поворотъ дѣлаетъ, такъ и ты, Вопкынъ возвращайся и убирайся въ гнилую колоду! Тьфу!

Окончивъ заговоръ, йомзя обмываетъ наговоренной соленой водой больнаго, приговаривая:

Шыв ба сьуза, тазатса ярадып; тазал. Тох Вопкын (сяк сьын) ыжыньчень, чиккинь чень, пӱве сіенчень, позе-кузинь-

Водою обмываю, очищаю и отпускаю; очистись. Выдь Вопкын изнутри этаго человѣка, изъ всего тѣла, изъ головы,

чень, шумми—шаккишь-чень! Тьфу, тьфу, тьфу!

глазъ, изъ мозга костей! Тьфу, тьфу, тьфу!

3) Ійэ, вубур, шадын чильги.

Наговоръ противъ трехъ духовъ: домоваго (ійэ), вѣдьмы (вубуръ) и шадына (злаго духа)—употребляется для излѣченія ломоты. Страждущему этой болѣзнью йомзя, какъ и въ предшествовавшемъ случаѣ, предварительно объявляетъ:

Ійэ, вубур, шадын сьабьисьнэ сана; вирьзень тӱрледэдын; эпь вирьмэ ӱста.

Ійе, вубур, шадын пристали къ тебѣ; если дуть, то вылѣчу; я дуть мастеръ.

Уговорившись съ больнымъ и приготовивъ нужные при наговорѣ предметы, йомзя кладетъ больнаго на полъ, ногами къ иконѣ, головой къ двери, обкладываетъ его кругомъ соломой и, зажегши ее спичкой, сидя на лавкѣ, произноситъ:

Е бисьмэлле! Перь Тора анбрах! Тьфу! Тораран сьырлагу кильдэр, пӱтшаран ырлых кильдэр, йомысь-вируссень сыпьлех тивдэр! Тьфу! Тох ійэ, тох вубур, тох шадын! Сырэ хуза кларма кильдэм. Тьфу!

Е бисьмэлле! Единъ Богъ, не оставь! Тьфу! Отъ Бога помилованіе да придетъ, отъ Царя добро (благополучіе) да придетъ, отъ йомзи-заклинателеницы польза да получится! Тьфу! Выйди ійе, выйди вубуръ, выйди шадын (1)! Я пришелъ изгнать васъ. Тьфу!

Потомъ начинаетъ хлыстать больнаго пучкомъ связанныхъ шиповыхъ прутьевъ, приговаривая:

---

(1) Слово шадынъ, очевидно, происходитъ отъ Еврейскаго корня шудъ שׁוּד, отсюда шедъ שֵׁד темная сила, злой духъ, бѣсъ; во множ. числѣ шедимъ שֵׁדִים употребляется о богахъ языческихъ, разсматриваемыхъ какъ демоны. Второз. 32, 17; Псал. 106, 37.

Пӱрть ійи, вубуре, шадыне тогыр!
Мунча ійи, вубуре, шадыне тогыр!
Карда ійи, вубуре, шадыне тогыр!
Ой ійи, вубуре, шадыне тогыр!
Вурман ійи, вубуре, шадыне тогыр!
Арман ійи, вубуре, шадыне тогыр!
Сьол ійи, вубуре, шадыне тогыр!
Сьырма ійи, вубуре, шадыне тогыр!
Шыв ійи, вубуре, шадыне тогыр! Тьфу!
Хирих перь тапхыр сябадып, хирих перь тӱсьлэ вотпа сьондарадып! Тьфу!

Домовые: ійе, вубуръ, шадын выходите!
Банные ійе, вубуръ, шадын выходите!
Ійе, вубуръ, шадын скотнаго двора выходите!
Полевые: ійе, вубуръ, шадын выходите!
Лѣсные: ійе, вубуръ, шадынъ выходите!
Ійе, вубуръ, шадын мельницы выходите!
Ійе, вубуръ, шадын дороги выходите!
Ійе, вубуръ, шадын оврага выходите!
Водяные ійе, вубуръ, шадынъ выходите! Тьфу!
(41) Сорокъ одинъ разъ ударяю, сорока однимъ родомъ огней сжигаю! Тьфу!

Послѣ этаго йомзя начинаетъ больнаго обмывать, приговаривая:

Тьфу! Виссе тӱсьлэ озалзэм тогыр! Сырэ хуза кларашшинъ хирих перь тӱсьлэ тинис шыве изэ кильдэм, сявынба сьуза хуза тазатса кларадып. Тьфу!

Тьфу! Трехъ родовъ злые выходите! Чтобы васъ выгнать, сорокъ одинъ родъ морской воды принесъ, этой водой смою и выгоню. Тьфу.

Обмывши больнаго, йомзя начинаетъ крошить хлѣбъ. Раздѣливъ послѣдній на 41 долю, йомзя кусочки эти обертываетъ 41 разъ вокругъ головы больнаго и затѣмъ, вышедши на дворъ, выбрасываетъ ихъ по одному. Тоже самое дѣлаетъ йомзя потомъ и съ наговоренной водой.

Упоминаемые въ этомъ наговорѣ духи ійэ прежде жили на небѣ, Тора ба перьлэ (вмѣстѣ съ Богомъ), и назывались тамъ шойтан. Когда ихъ расплодилось много, Богъ однажды на нихъ за что-то осердился и съ неба столкнулъ; при этомъ тѣ, которые упали на избу, стали пӱрть ійи, на баню—мунча ійи и т. д.

Въ числѣ лѣчебныхъ травъ одно растеніе носитъ совершенно одинаковое съ наговоромъ названіе (ійэ корыкъ, ійэ уды). Травой этой парятъ больнаго, или же варятъ ее, какъ чай, и поятъ и обмываютъ больнаго.

4) Сьумуллых чильги—наговоръ для облегченія боли (отъ сглаза).

Наговаривается этотъ наговоръ по просьбѣ страждущихъ общимъ разслабленіемъ. Для излѣченія отъ этой болѣзни йомзя, взбалтывая кочедыкомъ въ ковшѣ съ водой соль, наговариваетъ:

Е бисьмэлле! Перь Тора апбрах! Тьфу! Тораран сьырлату кильдэр, патшаран ырлых кильдэр, йомзя-ран, вирӱссерэнь сыпьлех полдыр! Тьфу! Епле хумла сьумул, сявынбэк сьумулландыръ (сяк сьын); мамык сильбэ сӱренэ бэк. хой тӱллэнь виссе сӱредыр! Тьфу! Еплэ болиньдэ хуна ху сьумуллатъ! Тьфу! Патша ларать, тӱрэ ларать, хвэль ларать, ойых тавырнать, конъ тавырнать! Тьфу! Сыпь полдыр!

Во имя Бога! Одинъ Богъ не оставь! Тьфу! отъ Бога помилованіе да придетъ, отъ Царя благополучіе да придетъ, отъ йомзи, отъ наговорщика польза да будетъ! Тьфу! Какъ хмѣль легокъ, такъ и этотъ человѣкъ да облегчится (отъ боли); какъ пухъ носится вѣтромъ (подобно тому больной), самъ собою пусть ходитъ! Тьфу! Какъ нибудь самъ себя облегчи! Тьфу! Царь непоколебимо сидитъ на царствѣ, судія судитъ, солнце садится, мѣсяцъ возвращается, день оборотъ дѣлаетъ! Тьфу! Польза да будетъ!

Затѣмъ, кинувъ нотмашь кочедыкъ къ двери или порогу, продолжаетъ:

Епле сяк шӱшлӱ сыксэ кайре, сявынбэк сыксэ выляза сӱрэ! Тьфу! Ойри куян сыксэ сӱренэбэк, сыксэ сӱрэ! Тьфу! Сыпь полдыр!

Какъ этотъ кочедыкъ ускакалъ, подобно ему и ты поскакивай! Тьфу! Какъ полевой заяцъ скачетъ, подобно ему скачи! Тьфу! Польза да будетъ!

По окончаніи наговора, йомзя поитъ больнаго наговоренной водой, и затѣмъ начинаетъ его щекотать, а больной хохотать и прыгать.

5) Сорап чильги—наговоръ противъ ломоты (или раны).

Этотъ наговоръ дѣлается тому, кто страдаетъ отъ тѣлесныхъ поврежденій—порѣза руки, или ноги, разбереженнаго чирья и т. д. Получивши которое—либо изъ перечисленныхъ поврежденій обыкновенно бѣжитъ къ йомзѣ съ просьбой:

Манн сине сыпан тохрэ, чазрах, вирьэ пыхха!

У меня вскочилъ чирей, скорѣе посмотри—ка, поворожи!

Йомзя, взявъ меду или масла, произноситъ надъ нимъ:

Е бисьмэлле! Перь Тора-анбрах! Тьфу! Тораран сыырлагу кильдэр, патша-ран ырдых кильдэр, вирӱссень сыпьлех тивдэр! Тьфу! Тимирь пуган, йись пуган, ылтын пуган кусян да кусян, сяк пуган оризэм хозилза соранда полесь, ся-

Во имя Бога! Боже единый не оставь! Тьфу! Отъ Бога да придетъ помилованіе, отъ царя да придетъ благополучіе, отъ наговорщика исцѣленіе да коснется (больнаго)! Тьфу! Когда у желѣзнаго стула, у мѣднаго стула, у золотаго стула ноги сло-

вын чох (ят) соранла пол! Тьфу!

маются, тогда пусть и у этого человѣка рана будетъ (или пусть явится поврежденіе)! Тьфу!

Затѣмъ йомзя наговореннымъ медомъ или масломъ намазываетъ больное мѣсто, приговаривая:

Сыпь полдыр, тӳпь полдыр, тӳмэ вырын яга болдыр! Тьфу, тьфу, тьфу!

Исцѣленіе пусть будетъ, пусть незамѣтно будетъ болѣзни, пусть будетъ гладко на томъ мѣстѣ, гдѣ была шишка (болѣзнь)! Тьфу, тьфу, тьфу!

Суевѣрные Чуваши, по словамъ А. Егорова, противъ Соран чильги сочинили анти—наговоръ, а именно:

Е бисьмэлле! Перь Тора анбрах, сьырлах! Соран синэ соран полдыр! Шишка синэ шишка болдыр! Кӳпь синэ—кӳпь! Яга вырын—тӳмэ! Пидэ вырын шыдык полдыр!

Во имя Бога! Боже единый не оставь, помилуй! Вмѣсто раны—ранища да будетъ! Вмѣсто шишечки—шишка да будетъ! На опухоль—опухоль! Гдѣ было гладко, тамъ шишка да будетъ! Гдѣ было крѣпко, тамъ пусть будетъ дыра!

Жившая въ селѣ Бѣловолжскомъ въ кухаркахъ старая дѣва изъ деревни Собакиной, Свіяжскаго уѣзда, слывшая въ селѣ за колдунью и мастерицу вылѣчивать дѣвичью беремменность, не задолго до смерти своей открыла мнѣ слѣдующій, употреблявшійся ею, наговоръ отъ порѣзовъ:

„На мори на кіони, на островѣ на Буени; тутъ лежалъ бѣлъ-горючь камень. Изъ камня не высѣкати огня, изъ раба № не бѣтчи руды. Руда запекися, уста затвориса, руки опустися, ноги подсѣкиса“. Проговоривъ этотъ наговоръ надъ порѣзаннымъ мѣстомъ до 3-хъ разъ, она затѣмъ дула на порѣзанное мѣсто.

6) Сьулень чиляги—наговоръ отъ ужалѣнія змѣй.

Для наговора отъ ужалѣнія змѣй употребляется вода съ солью. Размѣшивая ее кочедыкомъ, йомзя наговариваетъ:

Е бисьмэлле! Перь Тора анбрах! Тьфу! Тораран сьырлагу кильдэр, патша-ран ырлых кильдэр, йомызэнь—вирӱзэнь сыпьлех тивдэр! Тьфу! Тох сьулэнь сунны! Сана хуза кларма погындымыр: сьулэнь патши, сьулэнь ашше, амыш, ажа батман карчыге, йомысси, вирӱссе кильне. Виредыш, сорадыш. Тьфу! Тох сьулэнь сьунны: хора сьулень сунны, шора сьулэнь сунны, сара сьулень сунны, чибар сьулэнь сунны, туй сьулэнь сунны, хорын посьла сьулэнь сунны, хумур сьулэнь сунны. Тох! Тьфу! Тинис орла, Адыл орла, ажа батман карчыге кильне, виреть, сорать сан сине. Тох сьулэнь сунны сяк (ят): ӱдень-чепь, тириньчень, шумми-шакиньчень, цӱве сыенчень, позе—козиньчень. Тьфу! Тох, сьулэнь сунны! Патша ларать, тӱре ларать,

Во имя Бога! Единый Боже не оставь! Тьфу! Отъ Бога да придетъ помилованіе, отъ царя благополучіе да придетъ, отъ йомзи, отъ наговорщика исцѣленіе да получится! Тьфу! Выдь змѣиное жало! Тебя выгнать собрались: царь змѣи, отецъ и мать змѣи, яга-баба, йомзя-наговорщикъ. Дую (съ наговорами), плюю! Тьфу! Выходи змѣиное жало: жало черной змѣи, жало бѣлой змѣи, жало желтой змѣи, жало пестрой змѣи, жало змѣи-мѣдницы, жало змѣи бѣлоголовой, жало змѣи дымчатой. Выходи! Тьфу! Черезъ море, черезъ Волгу, пришла Яга-Баба, она дуетъ (съ наговорами) и плюетъ на жало змѣи. Выходи змѣиное жало изъ тѣла этаго человѣка: изъ кожи, изъ мозга костей, изъ туловища, изъ головы, изъ глазъ. Тьфу! Выходи змѣиное жало. Царь царствуетъ, судья

хвэль ларать, ойых лар вырынна! Соранзыр полдыр сяк (ят)! Тьфу, тьфу, тьфу!

судитъ, солнце закатается... Луна садись на мѣсто!.. Больной пусть будетъ здравъ отъ раны. Тьфу, тьфу, тьфу!

Послѣ наговора йомзя поитъ больнаго наговоренной водой.

7) Хирсь вурынны чильги —наговоръ противъ встрѣтившейся внезапно болѣзни.

Наговаривается этотъ наговоръ надъ заболѣвшими въ дорогѣ. Приглашенный къ такимъ больнымъ йомзя крошитъ хлѣбъ на нѣсколько кусочковъ, и затѣмъ, повертывая кусочки вокругъ головы больнаго, приговариваетъ:

Вильлли, чирры пильлэдэр! Мазар позе, мазар тюрй пильлэтчер! Сьол вильли пильледэр! Ой вильли пильлэдер! Вурман вильли сирма вильли пильлэтчер! Сякна исьсэ, сійзэ кайчыр! Капкыне, сьуткуне, сякпа хыпса, сьутса, кайыр!

Мертвые, живые благословите! Кладбищенскій начальникъ, кладбищенскій судья да благословятъ! Дорожная смерть благослови! Полевая смерть благослови! Лѣсная смерть, овражная смерть благословите! Этого напившись, наѣвшись, уходите! (Духи) хапающіе глотающіе, этого отвѣдавши, проглотивши, уходите!

Затѣмъ йомзя беретъ ковшъ съ водой и, вертя его вокругъ головы больнаго, продолжаетъ:

Тӱрӱ шыв бек тӱрӱль за кай! Таза шыв бек тазалза кай (ят)! Сьомыньчэ антурыр! Озал ябалазэм ксьта ирик онда кайыр!

Такой то-освѣжись, подобно свѣжей водѣ! Очистившись, подобно чистой водѣ, уходи! Около него не стойте! Гдѣ худыя вещи, туда охотно ступайте!

8) Лякана сьыпа толлаган чильги —наговоръ противъ порчи лошади, или человѣка.

Этимъ наговоромъ йомзи оберегаютъ самихъ себя отъ вредныхъ встрѣчь въ дорогѣ. Увидавъ въ пути грозящую опасность, йомзя беретъ въ руки камень и надъ нимъ наговариваетъ:

Кусянда кусян сяк икке сьурь путла чол хой тӱллэнь тапранза кайны, сявын чох эс вырындан тапранза кай! Тьфу (¹)!

Въ то время, когда этотъ двух-сотъ пудовой камень самъ собой сдвинется съ мѣста, тогда и ты съ твоего мѣста можешь тронуться! Тьфу!

Затѣмъ, взявъ пукъ соломы, продолжаетъ:

Хирих-дэ перь тӱслэ толлаба толладын. Тьфу! Кусянда кусян шыв хирись йохны, сявын чох эс вырындан тапранза кай! Тьфу! Хирих дэ пэрь тӱслэ чильге-бэ виредеп. Кусянда кусян хвэль хиресь кайны, сявын чох эс вырындан тапранза кай. Кусянда кусян Адылдан алаба шыв кӱрзэ иськсесын, сявын чох тапранза кай. Тьфу, тьфу, тьфу!

Сорока однимъ различнымъ путомъ тебя я спутываю. Тьфу! Когда вода потечетъ вверхъ, тогда и ты можешь тронуться съ мѣста! Тьфу! Сорока однимъ различнымъ наговоромъ я наговариваю. Когда солнце пойдетъ назадъ, тогда и ты можешь тронуться съ мѣста. Когда изъ Волги, принесши рѣшетомъ воды, ты напьешся, тогда ты можешь съ мѣста тронуться. Тьфу, тьфу, тьфу!

(¹) Этотъ наговоръ употребляется особенно когда хотятъ отмстить кому либо за что, напр. вору, успѣвшему скрыться, чтобы онъ, по силѣ того наговора, остановился и стоялъ, какъ спутанный, или связанный.

9) Уштаган сумах.

Для возбужденія и охлажденія супружеской любви въ деревнѣ Масловой, между прочимъ, употребляются наговоры: уштаган и сыведэгэнь сумах (¹). Изъ нихъ уштаган сумах наговаривается надъ репейной шишкой (тигенек), которая, послѣ наговора, приносится домой подъ мышкой (теплая) и дома, растеребленная на части, высыпается надъ головой спящаго супруга или супруги; самый наговоръ уштаган состоитъ въ слѣдующемъ:

Епле хвэль хирельзэ тогать, сявын пэк илемлэ хирельзэ корнам (ят) косьнэ. Епле кумагаран вот сьонза тогать, пӱрдэ уштать, сявын-пэк (ят) ужундыр ман сьома. Епле пыл касмык сьомынче тараган, шына кускалать, сявын пэк ман тавра (ят) кускалаза сӱрэдер! Тьфу!

Какъ солнце зарумянясь всходитъ, такъ и я красива да покажусь глазамъ №. Какъ изъ печи пламя выходитъ, согрѣваетъ избу, такъ да согрѣется № подлѣ меня. Какъ около медовой кадки тараканы, мухи толпятся, такъ около меня да ползаетъ № радостно! Тьфу!

При послѣднемъ словѣ наговорщица дуетъ на тотъ предметъ, на который наговариваетъ, и плюётъ въ сторону; наговоръ повторяется до 3-хъ разъ.

Получившій наговоренный предметъ, прежде, чѣмъ унести его домой, долженъ вокругъ себя до трехъ разъ его обернуть по солнцу, передавъ сзади изъ руки въ руку.

(¹) Уштаганъ, отъ *ужутъ* горѣть; уштаганъ сумахъ приворотный наговоръ. Сыведегень отъ *сиве* холодъ, сиветь охолодить, татарское суумакъ или саумакъ صوومق, ساومق б. холоднымъ صوونمق ساونمق суутмакъ и саутмакъ остудить; отсюда сыведегень сумахъ отворотный наговоръ.

10) Сыведэгэнь сумах.

Епле тинис синьчи пур сывэ сявын пэк сяк сын (ят) сывиндэр. Епле тинис сыньчи пур сывэ, сявын пэк (ят) (ят) ран сывиндэр. Епле кашкырдан, оба-ран хураза сӱреть, сявын бэк хураза сӱредер (ятъ) (ятъ) ран. Епле вурманда, уй-ра сӱлэньдэнь калда хураза сӱрэть сын, сявын пек (ятъ) ран (ят) хураза тарза сявырнза пыхмазыр сӱредэр!

Какъ на морѣ холоденъ ледъ, такъ этотъ человѣкъ да остынетъ. Какъ на морѣ ледъ холоденъ, такъ № отъ Z да остынетъ. Какъ человѣкъ (отъ) волка, медвѣдя боясь ходитъ, такъ да ходитъ № боясь (отъ) Z. Какъ въ лѣсу, въ полѣ (отъ) змѣи, ящерицы боясь человѣкъ ходитъ, такъ № отъ Z да ходитъ, боясь бѣгомъ безъ оглядки.

Кромѣ наговоровъ, для возстановленія супружеской любви въ деревнѣ Масловой употребляются еще слѣдующія средства:

1) Жены мужей поятъ водой, стекшей съ выпачканнаго регулами бѣлья.

2) Кормятъ запеченными въ лепешки волосами, остриженными съ barba inferior.

3) Поятъ потомъ, стекшимъ въ нарочно поставленную подъ полкомъ въ истопленной банѣ посуду. Два послѣдніе средства одинаково употребляются и мужьями относительно женъ.

Дѣвушки въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ прибѣгаютъ къ посредству язар корыге, а парни кромѣ того язар шины (1).

Въ Средне-Тимирсянскомъ приходѣ Симбирскаго уѣзда, для возстановленія семейнаго согласія, йомзи, 1) даютъ обращающимся къ нимъ за помощью „заранѣе приготовленный приворотный корешокъ, насыпаютъ въ узелокъ соли и отдаютъ все это приведшему съ наказомъ:

(1) Лѣчебныя травы чувашъ деревни Масловой, Чебоксарскаго уѣзда въ Проток. Каз. Общ. Естеств. за 1875 г.

корешокъ разтолочь вмѣстѣ съ солью въ порошокъ и тайно посыпать имъ хлѣбъ, который будетъ ѣсть семья, и воду для питья; 2) парнямъ, не встрѣчающимъ расположенія извѣстной дѣвушки, йомзи совѣтуютъ добыть тайно нитку изъ одежды дѣвушки; затѣмъ эту нитку послѣ наговора соединяютъ съ ниткой изъ одежды парня, связываютъ ихъ узломъ и отдаютъ парнямъ съ тѣмъ, чтобы при встрѣчѣ предупредили дѣвушку: если она не согласится выйти за парня за мужъ, то онъ добытую нитку отнесетъ въ киреметь, которая поразитъ дѣвушку болѣзнью, и дѣвушка будетъ сохнуть. Такая угроза приводитъ дѣвушекъ въ страхъ и томительное ожиданіе болѣзни (¹).

Средства удаленія мертвецевъ (духовъ) отъ больныхъ.

По вѣрованіямъ Чувашъ, болѣзни на людей, между прочимъ напускаютъ мертвецы. Чтобы они больнаго не мучили, въ деревнѣ Масловой йомзи.

1) Въ полночь, накаливъ 42 камня, выбрасываютъ ихъ потомъ на дворъ, приговаривая:

Пильлер, изер, сьийер! Сяк чолзамба турантса кайыр! Сяк хозяна хинь азап аппарыр!	Благословите, пейте, ѣшьте! Этими камнями насытившись, уходите! Этому хозяину мученія не причиняйте!

2) Берутъ 42 горошины и, выбрасывая ихъ на дворъ, говорятъ:

Пильлер! Пагиль тувыр! Сяк пурзяба, турантса кайыр!	Благословите! сдѣлайте благословеніе! насытившись этимъ горохомъ, уходите!

3) Поймавъ маленькую рыбку, обратно пускаютъ ее въ воду съ словами:

(¹) Поученія Нечаева. Стр. 73 и 75

Пильле! Пагиль ту! Сяк полла кузянда кузян тытса сіень, сявын чох сяк хозяна хинь азап пар, онзыр сяк хозя батне кизе анкирь! Ильть!

Благослови, благослови! Въ то время когда эту рыбу поймавши съѣшь, тогда этому хозяину можешь причинить мученіе, иначе ты къ этому хозяину и не ходи! Слушай же (¹)!

Затѣмъ трижды плюетъ. Неваренную рыбу мертвецы не кушаютъ и даже боятся ее.

Чтобы узнать, выздоровѣетъ ли больной (въ деревнѣ Масловой), помзя, закуривъ трубку, наблюдаетъ, куда потянется дымъ, если къ больному,—онъ выздоровѣетъ, а если въ другую сторону — то значитъ умретъ.

Вѣра въ силу наговоровъ не менѣе Чувашъ присуща Татарамъ (²) и Русскимъ простолюдинамъ.

Въ селѣ Бѣловолжскомъ, Чебоксарскаго уѣзда, напр. между бывшими барскими крестьянами довольно распространено искусство съ помощью наговоровъ „заламывать" (уничтожать нападающихъ лѣтомъ на раны домашняго скота) „червей". Этимъ искусствомъ въ одно время особенно славился покойный крестьянинъ Никифоръ Кузьминъ Морновъ (по просту—Чесной); онъ вызывалъ удивленіе у всѣхъ и потому, что осуществлялъ свое искусство заочно, не прикасаясь къ заболѣвшему животному, спросивъ лишь обращавшагося къ нему за помощью, какой шерсти животное, а между тѣмъ на другой же день послѣ просьбы черви у животнаго дѣйствительно

(¹) Или же поймавъ маненькую рыбку, пускаютъ ее обратно въ воду съ наказомъ:

Азуна, амуна калаза яръ: сьутмага кайза кильдемеръ, эзеръ дэ кайза корыръ дезе калыръ.

Отцу, матери скажи: мы сходили въ рай, скажите, говоря и вы сходите.

(²) И. Софійскаго. Заговоры и заклинанія крещеныхъ татаръ Казанскаго края. Извѣстія по Казанской Епархіи 1878 г. № 2.

пропадали. Бывши знакомъ съ Морновымъ до пріятельства, я неразъ упрашивалъ его открыть мнѣ его секретъ; но онъ, каждый разъ завѣряя меня, что для уничтоженія червей доподлинно не прикасается къ животному, не удовлетворилъ моего любопытства только потому, что наговоръ его послѣ того не сталъ бы „дѣйствовать". По разсказамъ видѣвшихъ случайно, Морновъ (¹) произносилъ свой наговоръ надъ ростущимъ по оврагамъ мордвинникомъ, для чего онъ выходилъ безъ нижняго бѣлья рано утромъ, а послѣ наговора перевязывалъ сѣмянную головку мордвинника ниткой.

Одновременно съ Морновымъ тѣмъ же искусствомъ занимались крестьянки Шоширина (вдова старуха) и Семенова (молодая женщина).

Въ томъ же селѣ нѣкоторые крестьяне заговариваютъ зубную боль; но ихъ наговоры, по отзывамъ лѣчившихся у нихъ, дѣйствуютъ плохо.

Похороны.

Въ деревнѣ Ишалкиной, Чистопольскаго уѣзда, Чуваши, какъ только завидятъ, что больной умираетъ, перетаскиваютъ его съ того мѣста, на которомъ онъ лежитъ, на конникъ у двери, и кладутъ лицемъ къ стѣнѣ, чтобы онъ передъ собой ничего не видалъ. Въ деревнѣ Масловой Чуваши вѣрятъ, что, если больной умретъ лежа лицемъ къ западу,—то въ домѣ случится несчастіе. Самъ больной—семьянинъ, почувствовавъ приближеніе смерти, собираетъ всѣхъ своихъ семейныхъ и дѣлаетъ передъ ними завѣщаніе относительно своего имущества, а также кто изъ нихъ долженъ обмывать его по смерти, кто первый долженъ начать дѣлать ему гробъ, вырыть для могилы часть земли и т. д. А если умираетъ женщина—въ какую рубаш-

(¹) По просьбѣ бывшаго Секретаря И. Рус. Геогр. Общества г. Майкова краткій біографическій очеркъ Морпова былъ доставленъ мной въ Геогр. Общество.

ку одѣть ее (1). Въ деревнѣ Масловой умирающій йомзя передъ смертью выбираетъ кого-либо изъ своихъ семейныхъ себѣ въ намѣстники; подозвавъ къ себѣ выбраннаго, онъ говоритъ:

Пагиль сана ывылым (хирим) манн вырына!	Благословеніе тебѣ сынъ мой (или дочь моя) на мое мѣсто!

Умирающій колдунъ, по вѣрованіямъ въ селѣ Тюрлемѣ, долженъ безусловно избрать себѣ преемника изъ остающихся жить, иначе ему на томъ свѣтѣ будетъ плохо. Принявшій отъ него наслѣдство обязательно долженъ испортить самъ если не человѣка, то хоть какую нибудь скотину.

Въ Старо—Шигалинскомъ приходѣ Цивильскаго уѣзда, по сообщенію Г. Филиппова, если умирающій долго мучится, то для ускоренія выхода души изъ тѣла починается бочка съ пивомъ. Для почина отыскивается бочка, въ которой пиво было сварено умирающимъ,—хотя бы это было для чужаго семейства.

Какъ только больной умретъ, въ деревнѣ Ишалькиной, кто—либо изъ семейныхъ его беретъ куриное яйцо и бросаетъ его въ сторону, говоря: „на мѣсто души—душа, на мѣсто туловища—туловище“. Затѣмъ трое приглашенныхъ родственниковъ или знакомыхъ идутъ за водой для омовенія покойника, куда одинъ изъ нихъ несетъ ковшъ, другой—ведро, а третій—котелъ и три пасма нитокъ, которыя бросаетъ въ водовмѣстилище. Принесенная вода подогрѣвается и разводится мыломъ. Покойникъ для омовенія кладется на приготовленный въ его ростъ на полу лубокъ, на которомъ, послѣ омовенія, переносится обратно на конникъ. Семейные въ это время приготовляютъ тѣсто, пекутъ изъ него на сковородѣ тоненькій сочешокъ, подъ названіемъ хыймаллу, и затѣмъ начинаютъ поминать

(1) Похороны и поминки у чувашъ язычниковъ деревни Ишалькиной, Чистопольскаго уѣзда, Саврушскаго прихода. Сергѣя Тимрясева. Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г. № 9.

покойника, приговаривая: будь доволенъ, будь сытъ! Благослови насъ! Не гнѣвайся на насъ и не накажи насъ болѣзнью! Спустя нѣсколько времени приготовляется особое жидкое тѣсто, которое уносится въ поле, гдѣ обыкновенно дѣлаются гробы для покойниковъ, и тамъ выливается на землю.

Въ Старо-Шигалинскомъ приходѣ яйцо, прежде выбрасыванія, до трехъ разъ обносится вокругъ головы умершаго. Если умершій младенецъ, то яйцо выбрасывается на дворъ, если же взрослый, то—на улицу. Яйцо предназначается въ даръ злымъ духамъ, чтобы они не приступили къ душѣ умершаго. Съ момента смерти покойника до положенія его въ гробъ не топится печь.

Выбранные умершимъ для обмыванія люди прежде, чѣмъ идти за водой, обертываютъ руки нужнымъ для обмыванія холстомъ. Кромѣ нитокъ они берутъ съ собой къ ключу или колодцу нохратку или копѣйку денегъ. Деньги опускаются въ водовмѣстилище въ знакъ того, что вода для обмыванія берется не даромъ, а покупается, нитки же опускаются для того, чтобы по нимъ текла вода въ ротъ умершаго для утоленія жажды, если за грѣхи умершій будетъ лишенъ ея.

Гробы въ Ишалькиной лѣтомъ дѣлаются въ полѣ за околицей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—на улицѣ, чтобы на дворъ не пришли злые духи, а зимой—на дворѣ.

Въ Абашевскомъ приходѣ Чебоксарскаго уѣзда гробовщикъ предварительно ударяетъ до трехъ разъ въ доски для гроба носкомъ топора, съ пожеланіемъ: изе позе кодыпла болдыр! т. е. начало дѣла будь ничтожнымъ т. е. чтобы предпринимаемаго имъ дѣла ни для кого болѣе совершать не понадобилось. Это пожеланіе гробовщикомъ и могильщиками высказывается, при этомъ всегда, что бы они не начинали дѣлать—укладывать покойника въ гробъ, рыть могилу, зарывать покойника. Въ послѣднемъ случаѣ кромѣ того благожелается покойнику: йивыр тупра сьумул полдыр! Тяжелая земля будь легкой!

Одѣвъ покойника въ новые штаны, рубашку, чул-

ки, лапти и кафтанъ, кладутъ его въ гробъ, и затѣмъ на голову надѣваютъ шапку, въ которой крещеные вносятъ покойниковъ для отпѣванія и въ церковь, изъ зачего у нихъ съ духовенствомъ православнымъ возникаютъ непріятныя столкновенія. Въ деревнѣ Чешламѣ, Чебоксарскаго уѣзда, по словамъ г. Орлова, къ положенному въ гробъ покойнику подходитъ одна изъ женщинъ и кладетъ ему въ уши, ноздри, ротъ и на глаза изъ краснаго шелка нитки, свернутыя въ комокъ, приговаривая: „ыйдесь сана *леш сырдс*“, т. е. ежели тебя спросятъ мертвецы на томъ свѣтѣ, отвѣчай:

Хулгаба илтьмень, косьба корман сумзаба шыршламан, сьуварба ниминьде озал сумах каламан.

Ушами не слыхалъ, глазами не видалъ, ноздрями не обонялъ, устами ничего худаго не говорилъ (1).

Далѣе первенствующія въ этомъ случаѣ старухи, какъ древнія учительницы или знахарки своихъ гнусныхъ обрядовъ, говоритъ г. Орловъ, кладутъ въ гробъ мущинѣ кочедыкъ, ножикъ и деньги. Въ деревнѣ Чувашскихъ Исеняхъ деньги кладутся и женщинамъ въ кошелекъ, въ карманъ верхняго платья, и притомъ по немногу кладутъ всѣ пришедшіе на похороны родственники (2), а въ Ишалькиной—мущинамъ трубку съ табакомъ, восковыя свѣчи и блины (3), приговаривая:

(1) Въ селѣ Тюрлемѣ,—разсказывалъ мнѣ г. Филипповъ,—одинъ Чувашинъ сознался ему, что онъ въ день похоронъ матери, раздумавшись надъ несообразностью обряда затыканія ушей и проч. съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей, до того увлекся своимъ размышленіемъ, что въ ту же ночь тайно отправился на кладбище и, раскопавъ могилу, нитки съ трупа сбросилъ,—и снова зарылъ могилу.

(2) Зная это, Русскіе деревни Барскихъ Исень не оставляютъ не разрытой, для ограбленія денегъ, ни одной могилы съ богатымъ чувашскимъ покойникомъ, о чемъ 1 марта 1877 года возникло у Судебнаго слѣдователя 2 участка Чебоксарскаго уѣзда дѣло.

(3) Всѣ перечисленныя вещи въ гробы покойниковъ кладутъ и Черемисы въ Красно-ярскомъ (Чак-мари) приходѣ, Чебоксарскаго уѣзда.

Эзэ авлан онда! Исьзэрь ан-бол! — Женись тамъ! Безъ дѣла не будь!

Женщинамъ кладутъ кусокъ холста и иголку съ ниткой, наказывая:

Эзэ качча кай онда лайых сыынна! Чиберь борн! — Выходи тамъ замужъ за хорошаго человѣка! Живи хорошо!

Въ деревнѣ Масловой Чуваши, положивъ покойника въ гробъ, ноги его поверхъ одежы закрываютъ кускомъ холста, длиною въ аршинъ, съ приказомъ:

Козӳ кордыр, аллу аниттэр! — Глаза твои пусть видятъ (смотрятъ), но руки твои пусть не касаются!

Иначе покойникъ, чрезъ три дня послѣ своей смерти, когда въ него возвратится душа, будетъ плакать и тосковать о томъ, что онъ померъ, и въ это время онъ можетъ, съ тоски и горя, затащить въ ротъ холстъ, проглотить его; тогда—люди будутъ умирать безпрестанно, одинъ за другимъ, и тогда—погибель всему міру.

Для отвращенія такой бѣды, Чуваши, замѣтивши частые случаи смерти, считаютъ нужнымъ открыть могилу того человѣка, коего они подозрѣваютъ въ затащеніи холста въ ротъ, вынуть у него холстъ изъ рта и зарыть снова могилу.

Въ предупрежденіе этой гибели, въ Шуматовскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда, поперегъ гроба, надъ сгибомъ рукъ въ локтяхъ мертвеца, вставляется деревянная поперечинка. Такъ какъ гробы съ этою поперечинкою дѣлаютъ только въ Шуматовскомъ приходѣ, то мѣстный священникъ никакъ не могъ убѣдиться показаніемъ своихъ прихожанъ, будто поперечинка вставляется для поддержки крышки гроба, наконецъ одинъ изъ прихожанъ объяснилъ, что поперечинка вставляется съ цѣлью лишить покойника возможности, затащивъ руки

въ ротъ, искусать ихъ и тѣмъ причинить погибель міру (1).

Если покойнику, по словамъ г. Орлова, случится дома переночевать, то семейные его созываютъ на ночь сосѣдей и родственниковъ, которые, сидя при свѣтѣ лучины и ни мало не помышляя о загробной участи усопшаго, шумятъ, хохочатъ, играютъ, болтаютъ всякій вздоръ и такимъ образомъ проводятъ ночь до самой зари.

Также поступаютъ въ этомъ случаѣ и старокрещеные Татары въ Мамадышскомъ уѣздѣ, въ предупрежденіе похищенія духами души покойника (2); причемъ, въ нѣкоторыхъ старо-крещеныхъ татарскихъ мѣстностяхъ, какъ мнѣ передавали, молодежъ между прочимъ заводитъ игру „въ лычки“, во время коей дѣвушки съ парнями цѣлуются (3).

Въ Байтеряковскомъ приходѣ и въ деревнѣ Масловой обряженный покойникъ ставится впередъ на нары. Если послѣ покойника остались круглые сироты—дѣти, то въ Масловой ихъ заставляютъ трижды взадъ и впередъ перелѣзть черезъ трупъ (4), тулух пусмандан, т. е. чтобы избѣжать угнетенія сиротства. Извѣстно, что сироты остаются безъ призора, чахнутъ и плохо ростутъ, поэтому ихъ заставляютъ перелѣзать черезъ трупъ въ отвращеніе угнетенія сиротства, съ желаніемъ, чтобы сироты скорѣе сдѣлались семейными.— Тулухъ ача тухуръ хутъ абатъ сизень де, тода болмасть; аишь амышле ача перь сизеньде тода болать. Т. е. Сирота хотя бы 9 разъ поѣлъ, сытъ не бываетъ, а дѣти при родителяхъ, поѣвши одинъ разъ, бываютъ сыты.

---

(1) Обыкновенно гробъ Чуваши дѣлаютъ какъ можно тѣсный, руки умершаго простираютъ вдоль его боковъ, но не слагаютъ ихъ на груди умершаго, какъ русскіе.

(2) Погребальные обычаи и повѣрья старо-крещеныхъ татаръ деревни Никифоровой, Мамадышскаго уѣзда. Б. Гаврилова. Извѣстія по Казанской Епархіи 1874 г. № 9.

(3) Игра эта въ употребленіи и у Чувашъ въ деревнѣ Чешламѣ, но не при покойникахъ, а на обыкновенныхъ вечеркахъ.

(4) Тоже и у татаръ Мамадышскаго уѣзда.

Вынося покойника изъ избы для проводовъ на кладбище въ Ишалькиной заставляютъ его три раза пнуть ногой о косякъ двери, въ знакъ того, что ему въ этомъ домѣ нѣтъ уже дѣла. На кладбище покойника всегда везутъ на саняхъ или телѣгѣ, причемъ правящій лошадью садится поверхъ гроба. Передъ выѣздомъ со двора къ уложенному въ сани или телѣгу покойнику подходитъ какой нибудь старикъ или старуха и начинаетъ пѣть пѣсню: Летитъ вереница дикихъ гусей; голоса ихъ слышимъ, а голоса твоего больше не слышимъ.

Въ деревнѣ Масловой эта пѣсня поется еще до-выноса покойника изъ избы. Вотъ эта пѣсня:

Кукку килэть сассыбе,
Кукушка прилетаетъ съ голосомъ,

Эс сассубэ килэс сьок!
Тебѣ съ голосомъ не придти!

Шыпчик килэть йоррибэ,
Соловей прилетаетъ съ пѣсней,

Эс йорлаза килэс сьок!
Тебѣ распѣваючи не придти!

Чигес килэть чильгибэ,
Ласточка прилетаетъ съ разговоромъ,

Эс чильгубэ килэс сьок!
Тебѣ сразговоромъ не придти!

Шорым бось килэть шоралза,
Заря всходитъ бѣлѣючи,

Эс шоралза килэс сьок!
Тебѣ бѣлѣючи не придти (1)!

Хвэль тогать хирельзэ,
Солнце всходитъ зарумянясь,

Эс хирельзе тогас сьок!
А тебѣ (покойникъ) ужь не выходить разрумянясь!

Шывзам йогать шовлаза,
Воды текутъ съ шумомъ,

Эс шовлаза килэс сьок!
Тебѣ съ шумомъ не придти (2)!

---

(1) Т. е. ты почернѣлъ теперь, тебѣ не побѣлѣть!

(2) М. В. Апаковымъ, авторомъ ст. Святочные игры и т. д. доставлена намъ слѣд. похоронная пѣсня у Татаръ:

Если покойника не проводить съ пѣсней, то онъ, по сообщенію г. Тимрязева, въ обществѣ мертвецевъ будетъ жить безъ голоса.

Одновременно съ покойникомъ изъ избы выносится бѣлье, въ которомъ покойникъ померъ, лубокъ, на которомъ его обмывали, и щепы, если гробъ дѣлался на дворѣ, и все это выбрасывается за околицей. По вѣрованіямъ Чувашъ въ деревнѣ Масловой, выброшенный лубокъ будетъ служить впослѣдствіи покойнику санями и телѣгой при поѣздкахъ его, съ дозволенія кладбищенскихъ начальниковъ, изъ царства мертвецевъ въ царство живыхъ, покормиться у своихъ живыхъ родственниковъ.

Въ Шуматовскомъ приходѣ при встрѣчѣ съ покойникомъ мимопроходящіе произносятъ слова:

Йывыр тупра сьумул полдыр! — Тяжелая земля надъ тобой да будетъ легкой!

Разъ одинъ молодой парень, встрѣтившись съ гробами двухъ утонувшихъ дѣвушекъ, словъ этихъ не проговорилъ,—отъ этаго черезъ двѣ недѣли померъ и самъ.

Опустивъ покойника въ могилу, въ деревнѣ Ишалькиной погребающіе бросаютъ на гробъ по комку земли, а въ Чешламѣ, закопавъ могилу, три раза кругомъ обходятъ ее, приговаривая:

Пиль ду! *Сьутмахра бол* (¹)! — Благослови! Будь въ раю!

Живущіе въ Чешламѣ некрещеные Чуваши покойниковъ хоронятъ на особомъ кладбищѣ, на лѣвомъ берегу р. Бѣлой Воложки, извѣстномъ подъ названіемъ сьиччь кас мазаре—кладбище семи деревень, на кото-

---

Бигрякь менеу кычкыла Кара урманнын кукусы. Убя белься кочa бельмей Матур кызларнын кубесе. Алтын аяклы урындык. Жебяк баулы чыбылтык. Бербез мында беребез (?) Адашкап былбык без былдыбыр.

(¹) Слово Сьутмахъ есть несомнѣнно татарское—اوجماخ уджмагъ рай, небо.

ромъ до сихъ поръ сохраняются два камня съ рисунками и татарскими письменами (1); на западной сторонѣ могилъ ставятъ стоймя извѣстняковыя плиты съ выдолбленными на верхушкахъ ямками, отъ 1—3, на нѣкоторыхъ—же могилахъ воткнуты столбики изъ досокъ съ фигуркой на вершинѣ.

Татарскія надписи съ камней лѣтомъ 1876 года были сняты Н. И. Золотницкимъ и его спутникомъ г. Апаковымъ, авторомъ статьи о святочныхъ играхъ старо-крещеныхъ татаръ.

Черемисы деревни Обшіяръ, Помарскаго приходм, и Яльчикъ,—Алексѣевскаго, на обратномъ пути съ кладбища, по дорогѣ, въ лѣсу, въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ, срубаютъ, смотря по возрасту покойника, соразмѣрной толщины дерево, на аршинъ отъ земли, и затѣмъ на пенькѣ дѣлаютъ насѣчки (ступеньки), по которымъ покойникъ, вздумавъ побывать домой, могъ бы взобраться на пенекъ, посидѣть и отдохнуть. Мѣсто, гдѣ деревья Обшіярскими Черемисами срубаются, какъ разъ находится по срединѣ пути между кладбищемъ и деревней, и выбрано на такомъ разстояніи для того, чтобы покойникъ, увидавъ съ пенька, что до дому еще далеко, вернулся обратно на кладбище.

Факты погребальныхъ обрядовъ Чувашъ и Черемисъ, приведенные въ изслѣдованіи Тэйлора „Первобытная культура“, сомнительны.

Въ южной части Ядринскаго уѣзда, веревки у лаптей на ногахъ покойника завязываются въ направленіи обратномъ тому, въ какомъ онѣ завязываются у живыхъ, что называется вильны сын тӳви (2) т. е. мертвый узелъ.

Въ Аликовскомъ приходѣ, по сообщенію г. Филиппова, могильщики передъ тѣмъ, какъ опускать гробъ

---

(1) Старыя покинутыя кладбища во 2 станѣ Чебоксарскаго уѣзда. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1866 г. № 46.

(2) Похоронные обряды и повѣрья чувашъ и проч. Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г.

въ могилу, разстегиваютъ пуговицы у одежды покойника; дѣлается это для того, чтобы покойникъ не могъ погнаться за могильщиками, когда они поѣдутъ съ кладбища. По пріѣздѣ могильщиковъ въ домъ умершаго, тотчасъ починается бочка пива, сваренпаго въ честь умершаго, затѣмъ зажигается передъ иконой свѣчка и читается слѣдующая коротенькая, изъ уваженія къ утомившимся могильщикамъ, молитва.

Тора, она ыра вырын пар; йивыр тупрыне сьумул ту!

Боже, дай ему хорошее мѣсто; тяжелую землю сдѣлай легкой!

Въ Старо-Шигалинскомъ приходѣ, по сообщенію того же Филипова, мѣсто, на которомъ лежалъ покойникъ до положенія его въ гробъ, и подъ гробомъ, окуривается мукой и сухими грибами, а такъ же гробъ, когда онъ будетъ поставленъ для отвоза на кладбище въ телѣгу или сани. Во время этого окуриванія всѣ семейные умершаго до трехъ разъ по солнцу обходятъ гробъ и каждый разъ дотрогиваются до его угловъ: дѣлается это для того, чтобы впослѣдствіи не бояться покойника. Остатки муки и грибовъ отъ окуриванія одни выбрасываютъ, другіе же изъ нихъ варятъ впослѣдствіи салму. Окуриваніе производится для изгнанія изъ дома и удаленія отъ покойника злыхъ духовъ.

При выносѣ покойника изъ избы гробъ до трехъ разъ раскачивается въ двери изъ стороны въ сторону для того, чтобы съ покойникомъ не ушелъ изъ дому хирт—сорт—домовой. Тоже и съ той же цѣлью повторяется при провозѣ покойника съ двора въ воротахъ.

На кладбищѣ, прежде, чѣмъ начать рыть могилу, на выбранное для нея мѣсто пришедшій съ могильщиками родственникъ умершаго бросаетъ серебряную или мѣдную монету. Это дѣлается для того, чтобы мертвецы не имѣли основанія упрекать покойника, что онъ настолько бѣденъ, что не могъ купить себѣ мѣста для жилья. По зарытіи могилы, могильщики до

3-хъ разъ по солнцу обходятъ ее съ кускомъ хлѣба въ рукахъ. Кусокъ этотъ затѣмъ дѣлится на части, которыя оставляются на могилѣ, въ честь присутствовавшихъ при погребеніи мертвецевъ.

Поминки:

1) Частные семейные.

По возвращеніи могильщиковъ съ кладбища, хозяинъ дома, въ деревняхъ Масловой и Чешламѣ, тотчасъ же начинаетъ топить для могильщиковъ баню, а семейные его варить для поминокъ курицу и приготовлять пиво и вино.

Въ это время въ домѣ усопшаго собираются родственники и сосѣди. По выходѣ могильщиковъ изъ бани (1), имъ дается разрѣзанный мотокъ питокъ, изъ котораго они выдергиваютъ по три нитки. Значеніе этихъ нитокъ то, что питка протягивается, по мнѣнію Чувашъ, чрезъ адъ и служитъ какъ бы мостомъ для души при переходѣ ея въ рай. По этимъ ниткамъ, получившій ихъ, гадаетъ: если нитки окажутся совершенно равномѣрными, то у получившаго въ домѣ будетъ въ скоромъ времени три покойника, а если неравномѣрными, то покойники будутъ не въ скоромъ времени. Или же Чуваши подпаливаютъ эти нитки, и если пепелъ держится, не отрываясь отъ горѣвшей нитки, то это знакъ счастья, въ противномъ случаѣ—если пепелъ сыплется отъ нитки, то это—знакъ несчастія (2).

Самые поминки состоятъ въ слѣдующемъ: собравшіеся отламываютъ и отливаютъ въ честь усопшаго

---

(1) Въ обыкновенное время въ деревнѣ Масловой Чуваши моются въ банѣ разъ въ три недѣли, въ неопредѣленные дни, при чемъ для мытья не дѣлаютъ ни щелока, ни горячей воды, а парятся лишь въ нѣсколько пріемовъ вѣникомъ и обливаются холодной водой.

(2) У крещеныхъ татаръ и у некрещеныхъ во время поминокъ, по приходѣ съ могилы умершаго, также раздаютъ питки, которыя имѣютъ тотъ смыслъ, что ими, какъ веревкой, можно вытаскивать изъ ада душу

часть приготовленныхъ яствъ и питій и складываютъ ихъ въ особо—приготовленную порожнюю посуду, изъ которой впослѣдствіи содержимое выбрасывается на улицѣ собакамъ. Находящіяся при этомъ женщины оплакиваютъ усопшаго, приговаривая:

Миньма боршас санын кильмере, прахса кайрын пире! — Зачѣмъ не захотѣлъ жить, зачѣмъ покинулъ насъ!

Если по умершемъ не будетъ плачевнаго воя, то, по словамъ г. Орлова, „его будто бы будутъ бить (кто?) безпощадно“.

Въ деревнѣ Кугеевой (Чинге-касы), Байгуловскаго прихода, провизію для первыхъ поминокъ приносятъ родственники и сосѣди въ то время, какъ покойника повезутъ въ церковь для отпѣванія. Приносятъ они обыкновенно кто муки, кто крупы, масла, хмѣлю и солоду, изъ чего тотчасъ же заваривается пиво и пекутся упомянутые выше хыймаллу (1), что все называется поминовеніемъ въ 7-й день—сыччишнэ тувас. Въ деревнѣ Ишалкиной обрядъ „ситеше“ совершается на третій день похоронъ, какъ и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Чебоксарскаго уѣзда (напр. въ селѣ Байгуловѣ), при чемъ для выполненія обряда закалается овца. Когда мясо овцы сварится, голова и ноги ея отвозятся на кладбище, гдѣ бросаются на могилу покойника. По возвращеніи съ кладбища тѣхъ лицъ, кои отвозили означенные предметы, собирается въ домъ покойника множество людей, изъ коихъ каждый несетъ съ

умершаго, если бы она туда попала. При этомъ разсказывается, что одинъ богатый купецъ ни когда ни чего не подавалъ и только подалъ однажды длинное перо зеленаго лука. Послѣ смерти онъ попалъ въ адъ и его хотѣли вытащить изъ ада, подавая ему перо лука, но перо это обрывалось. Вотъ, если бы онъ подалъ при жизни нитку, тогда на ниткѣ можно было бы его вытащить изъ ада.

(1) Хыймаллу—это родъ ватрушки. Обыкновенно пѣсное тѣсто разсучивается тонко, какъ сочень, и кладется на сковороду Поверхъ этого сочня кладется смѣсь изъ кислаго молока, пшеничной или полбенной муки и яицъ, такъ что хыймаллу отчасти походитъ на ватрушку.

собой блины или лепешки (1). Самые поминки затѣмъ совершаются такъ: на конникъ, гдѣ лежалъ покойникъ, ставится пустая чашка, а у прорубленнаго въ этой стѣнѣ окна—зажженная восковая свѣча. Наполнивъ чашку кусочками яствъ, какъ въ Чепламѣ, содержимое изъ нея выбрасываютъ на дворѣ въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ.

Русскіе въ Бѣловолжскомъ приходѣ въ домы покойниковъ, до выноса ихъ въ церковь, также приносятъ съѣстные припасы, деньги и восковыя свѣчи, причемъ съѣстное отдаютъ на руки семейнымъ покойника, а деньги и свѣчи оставляютъ подлѣ покойника.

По прошествіи 2 или 3-хъ недѣль, по умершемъ въ Чепламѣ совершаются новые поминки, для которыхъ варится пиво и покупается полведра и болѣе вина (2). Приготовивъ все нужное для поминокъ, хозяинъ дома посылаетъ въ извѣстный день кого-либо изъ домашнихъ верхомъ съ колокольчикомъ приглашать родственниковъ и сосѣдей. Посланный, подъѣзжая къ каждому дому, кричитъ:

Сьорда айне! Подъ свѣчку (собирайтесь)!

На это ему отвѣчаютъ:

Омынче болдыр! Да будетъ передъ нимъ!

Въ сумерки того-же дня всѣ приглашенные начинаютъ сходиться и съѣзжаться въ домъ покойнаго, причемъ несутъ и везутъ съ собой, кому что заблагоразсудится. Между тѣмъ семейные усопшаго начинаютъ

---

(1) Телѣга или сани, на которыхъ отвозился покойникъ на кладбище, по возвращеніи оттуда могильщиковъ, на трое сутокъ оставляются на улицѣ; это—потому, что съ могильщиками пріѣзжаютъ умершіе ранѣе родственники и знакомые. И вотъ, если не принять данной предосторожности, то непрошенные гости со двора войдутъ въ избу и тогда и ихъ надобно поминать, что обходится не дешево; оставленные же безъ вниманія на улицѣ, они, неудостоенные чести приглашенія, уходятъ обратно на кладбище.

(2) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти поминки называются: *сьорда баны кась*, т. е. вечеръ раздаянія свѣчъ.

варить въ большихъ котлахъ конину или говядину и, сваривши въ большихъ чашкахъ ту или другую, ставятъ на столы. По приглашенію хозяина, кушать предоставляется собравшимся кому что нравится—взять-ли цѣлую ляшку или ребро и т. д. и гости кушаютъ всю ночь безъ всякаго стѣсненія. Въ это-же время кто либо изъ близкихъ посылается на кладбище пригласить усопшаго. Посланные отправляются на саняхъ или телѣгѣ съ колокольчиками и, подъѣзжая къ кладбищу, говорятъ:

Айда бичче (атте) пирепь батра! Эбирь поминка туватперь сана! Ларах сьона сине!	Пойдемъ братецъ (или батюшка) къ намъ! Мы поминки дѣлаемъ тебѣ! Садись на сани!

Проговоривъ это приглашеніе и думая, по легкомыслѣнности своей, что усопшій уже сѣлъ, посланные мчатся стремглавъ домой.

По возвращеніи посланцевъ, остававшіеся дома встрѣчаютъ покойника, какъ живаго человѣка,—кто отворяетъ ему дверь избы, кто зоветъ его въ избу, говоря:

Килех, килех, ачам!	Иди, иди, сынокъ!

Другіе, сажая усопшаго на печь, приговариваютъ:

Ой, ачам (бичче), лар, лар кумага сине! — Ой. сыве; шындын поле ээ!	Ой, дитя. (или братецъ), садись, садись на печку! О, холодно; чать ты озябъ!

Убранная на это время, говядина вновь выставляется на столъ вмѣстѣ съ калабашками, къ которымъ добавляются блины и оладьи и починается бочка съ пивомъ, съ произношеніемъ при каждомъ дѣйствіи: пиль ду, т. е. благослови! Затѣмъ начинаются самые поминки, какъ и въ день похоронъ, а именно: каждый изъ присутствовавшихъ подходитъ къ нарочно-поставленной на столъ большой чашкѣ, ставитъ (на край ея?) зажженную восковую свѣчку, потомъ крошитъ въ чашку хлѣба и льетъ въ кадушку пиво, говоря:

Пиль ду! Сьутмахра боль! — Знай! Будь готовъ глотать (все, что для тебя принесено) (*)!

Къ этому времени является приглашенный скрипачъ или гусельщикъ, котораго принимаютъ вѣжливо и угощаютъ пивомъ и виномъ для того болѣе, чтобы онъ веселѣе игралъ и игру свою продолжалъ всю ночь... Вотъ, выходитъ изъ среды толпящихся полупьяныхъ гостей одна ближайшая родственница умершаго и, кланяясь всѣмъ, подходитъ къ столу, цѣлуетъ лежащую на немъ хошпу, оставшуюся послѣ умершей женщины; затѣмъ, надѣвъ ее на себя, пляшетъ до самой усталости, т. е. до другой перемѣны. Скрипачъ же, настраивая, какъ можно лучше, свою скрипку и притопывая ногами подъ ладъ своей музыки, приводитъ всѣхъ въ движеніе, вызывая къ продолженію пляски и пѣнію пѣсенъ, въ чемъ и проходитъ вся ночь. На утренней зарѣ запрягается лошадь въ сани, на которые кладется лошадиная голова или коровья, недоѣденное мясо, и два или три человѣка съколокольчиками отправляются провожать покойнаго на кладбище, гдѣ все взятое изъ дома оставляютъ на съѣденіе собакамъ и воронамъ; кромѣ съѣстнаго въ этотъ разъ оставляются усопшему: поношенная бѣлая рубаха, ведро, блюдо, ковшъ и ложка. Прощаясь съ усопшимъ, провожавшіе его говорятъ:

Пиль ду! пирэ анси-лень! — Благослови! на насъ не сердись!

Между тѣмъ оставшіеся дома выносятъ столъ съ пивомъ и со всей стряпней на улицу, гдѣ скрипачъ начинаетъ играть прощальную пѣсню. Подъ эту пѣсню одинъ изъ толпы гостей начинаетъ плясать и, разно-

(*) Выше (стр. 165) эти слова нами переведены совсѣмъ иначе. Тамъ слово пиль принято за сокращеніе (биль—*пагиль* благословеніе) пагиль, а слово сьутмахра за татарское *уджмахъ* рай. Здѣсь мы принимаемъ слово *пиль* отъ пилесъ знать, а слово *сьутмахра* отъ слова *сьутасъ* глотать (татарское ютмакъ, жутмакъ يوتمق глотать). Но первый переводъ мы считаемъ вѣрнѣе настоящаго.

образно кривляясь, опрокидываетъ ногою столъ со всѣми бывшими на немъ припасами. Поджидавшіе этого собаки тотчасъ же подхватываютъ свою добычу и поднимаютъ лай, вой и драку между собой. „По окончаніи сего гнуснаго и мерзостнаго обряда“, починается новая бочка пива и поминальщики, помянувъ Бога, продолжаютъ пировать, говоря:

Спасибо, чиберь иртерзе ядымыр поминкыне. Хамыра сыхладыр Асла Тора вилесрень! Сывлых падыр пирэ!

Благодаримъ, что хорошо проводили поминки. Да сохранитъ насъ Великій Богъ отъ смерти! Да подастъ намъ здоровья!

Въ деревнѣ Масловой поминки по умершихъ совершаются: на первой недѣлѣ, по смерти покойника, въ четвергъ на пятницу, на 2-й недѣлѣ, на 3 и въ 40-й день, какой будетъ найденъ болѣе удобнымъ. Въ первый разъ для поминокъ пекутся блины и варится курица, причемъ созываются родственники и всѣ, кого покойникъ при жизни любилъ. Начинаются поминки обыкновенно съ того, что, по сборѣ перечисленныхъ лицъ, выставляются на столъ, стоящій впереди, упомянутыя кушанья—хлѣбъ, пиво и вино, а на столъ, поставленный нарочно у двери,—порожняя чашка, а подъ столъ—порожнее ведро. Послѣ этого собравшіеся, по очереди, подходятъ къ стоящему впереди столу и, отламывая частички отъ каждаго выставленнаго кушанья, относятъ и кладутъ ихъ въ чашку на столѣ у двери, приговаривая:

Пиллэ! Пагиль ду! Перь турам перь сьук полдыр!

Знай! Благослови (будь доволенъ, т. е. малое прими за большое)! Одинъ ломоть (или крошка) да будетъ беремемъ хлѣба!

Точно также поступаютъ и съ пойломъ. Когда обрядъ этотъ будетъ выполненъ всѣми, наполненные

кусочками кушаній и пойла чашка и ведро выносятся на дворъ, гдѣ содержимое ихъ выбрасывается собакамъ, причемъ поется приведенная выше пѣсня, а затѣмъ начинается обыкновенная попойка.

На второй недѣлѣ, сверхъ перечисленныхъ яствъ, для поминокъ закалается овца; на третьей, если умеръ старикъ,—жеребенокъ, въ честь старухи—теленокъ, а въ честь младенца—овца. На поминки въ 40-день, родственники, кромѣ пива, вина и оладьевъ, приносятъ съ собой по 1 коп. сер. денегъ, на покупку восковыхъ свѣчъ, которыя прилѣпляются потомъ къ порожней чашкѣ. Свѣчь налѣпляется вокругъ чашки у нѣкоторыхъ штукъ до полутораста. Ставя свѣчки, поминающіе приговариваютъ:

Пиллэ! Пагиль ду! Сана сьорда барадып: сьудара сьурэ!

Знай! Будь доволенъ! Тебѣ свѣчку даю (или ставлю): во свѣтѣ ходи (¹)!

Отламывая кусочки отъ яствъ, говорятъ:

Пиллэ! Пагиль ду! Перь турам перь сьук полдыр! Ху торттарза каймазассын, нӳмя туза кай! Сана тига барадып, лаих пыхса ӳстэрь! Хоп прахрым, ораба, сьона туза сьурэ! ырлых, сывлых, телэй бар! Пире хинь азап анбар!

Знай! Будь доволенъ! Одна крошка да будетъ цѣлымъ беремемъ хлѣба! Если самъ не можешь свезти (взять то, что мы тебѣ дали), то сдѣлай помочь и возвращайся! Тебѣ жеребенка даю, хорошенько его присматривай и вырости! Для тебя бросилъ я лубокъ, сдѣлай себѣ телѣгу и сани! Дай намъ благополучіе, здоровье и счастіе! Не насылай на насъ мучительной болѣзни!

(¹) На томъ свѣтѣ Чуваши признаютъ для умершихъ мѣсто вѣчно темнымъ; по этому ставятся свѣчи въ честь умершаго, чтобы онъ на томъ свѣтѣ освѣтилъ свою жизнь и жилище свѣтомъ отъ свѣчъ.

На эти послѣдніе поминки, кромѣ родственниковъ и знакомыхъ, въ деревнѣ Масловой приглашаются: йомзя и музыкантъ. Лишь только обрядъ поминовенія кончится, тотчасъ начинается музыка, подъ которую поминавшіе заводятъ пляску и пѣсни. Пьянство въ это время продолжается иногда до разсвѣта. Утромъ столъ, съ выставленными на немъ чашкой съ кусочками и ведромъ съ отливками пойла выносится на дворъ, гдѣ йомзя, захлопавъ въ ладоши, и закричавъ: хайт, хайт, хайт! пускается плясать, и въ это время столъ, задѣвъ ногой, опрокидываетъ и начинаетъ „сасъ клярас“ т. е. ревѣть заунывнымъ голосомъ. Вернувшись со двора въ избу, поминавшіе приказываютъ закладывать лошадей ѣхать провожать покойника на кладбище. На кладбищѣ сначала поется кукку килэть... (1), а потомъ начинается пляска. Передъ тѣмъ, какъ уѣзжать съ кладбища, покойнику на могилѣ оставляются: чашка, ложка, ведро, ковшъ, ножъ, кочедыкъ, рубаха, штаны и лапти (2) съ тѣмъ же причитаньемъ: Пилле! Пагиль ду! Эбирь каятпыр! Знай! Будь доволенъ (потому что мы все для тебя вывезли)! Мы уѣзжаемъ! Простившись съ покойникомъ, всѣ ѣдутъ обратно въ домъ, а потомъ уже гости разъѣзжаются каждый по своимъ домамъ.

Въ Байтеряковскомъ приходѣ для поминокъ въ 40 день варится до 100 ведеръ пива и закалается корова или быкъ. По сборѣ родственниковъ домохозяинъ, видя, что съ ними нѣтъ усопшаго, посылаетъ за нимъ сына или брата. Отламывая въ честь усопшаго частички кушаній, поминающій произноситъ:

Сахàръ, пиль ту! ак сана чих кагай, ак сана	Захаръ, знай! Вотъ тебѣ курятина, вотъ тебѣ

(1) Пѣсня эта помѣщена выше, стр. 164.

(2) Тэйлоръ въ своемъ сочиненіи: «Первобытная культура» передаетъ этотъ фактъ не совсѣмъ въ точномъ видѣ.

кагай, ак сана племъ (¹), куймак, ак сана сра, ак эрек-де. Эй, Сахар, леш сьирде сяпла иссе, сьйзе порнн сяккынды бегех!

говядина, вотъ тебѣ племъ, лепешка, вотъ тебѣ пиво, вотъ тебѣ и водки! Эй, Захаръ, какъ здѣсь ты наслаждался, ѣлъ и пилъ, такъ и на томъ свѣтѣ живи!

Въ Аликовскомъ приходѣ Ядринскаго уѣзда, по сообщенію Г. Филиппова, для ѣзды на томъ свѣтѣ, вмѣсто лошади, во время поминокъ въ день погребенія кладется въ чашку съ кусочками грудинная кость (кобылка) съѣденной курицы съ словами:

Сяк лажа-ба сьӳре, позе ярассе!

На этой лошади разъѣзжай, если пустятъ начальники!

Собакъ, пожирающихъ выбрасываемые имъ изъ чашекъ послѣ поминокъ кусочки, Чуваши не трогаютъ, потому что онѣ пожранное относятъ покойникамъ.

Въ Старо—Шигалинскомъ приходѣ, Цивильскаго уѣзда,—по сообщенію того же Филиппова, семейные поминки бываютъ малые и большіе; малыми называются устраиваемые въ первые семь дней послѣ смерти покойника; большими—устрояемые въ день на четной недѣлѣ послѣ смерти покойника.

Въ періодъ малыхъ поминокъ кто желаетъ, можетъ поминать умершихъ каждый день; въ день же погребенія, въ ночь на пятницу и въ седьмой день поминки обязательны.

Для малыхъ поминокъ въ день погребенія варится курица и пекутся оладьи; въ поминки въ ночь на пятницу готовится тоже, но въ этотъ разъ родственники приносятъ съ собой пиво и оладьи; въ седь-

---

(¹) *Племъ* есть родъ ватрушки изъ кислаго тѣста но вмѣсто творога, кладется толченное конопляное сѣмя, немного разведенное водой или молокомъ.

мой день сверхъ обычныхъ кушаній для поминокъ закалается овца. Овца закалается для того, чтобы съ нее покойникъ имѣлъ шерсть для обуви и кафтана на томъ свѣтѣ.

Для большихъ поминокъ, если умершій былъ мужчина, закалается лошадь или жеребенокъ, для пашни и ѣзды на томъ свѣтѣ; въ честь женщины закалается корова или телка, для полученія тамъ масла и молока. У бѣдняковъ для мущины, вмѣсто лошади, закалается менѣе цѣнная корова или телка, коихъ онъ уже самъ долженъ обмѣнять на томъ свѣтѣ на лошадь, для чего въ придачу ему даются, по силѣ возможности, деньги. Рѣзаніе скотины сопровождается плачевнымъ пѣніемъ:

Шурум пусь шуралза килеть,	Заря бѣлая всходитъ, побѣлѣвши,
Санын сассуна ильдес сьук!	Твоего голоса не услыхать!
Хвель хирельзе тогать,	Солнце всходитъ, зарумянѣвшись,
Санын сассуна ильдес сьук!	Твоего голоса не услыхать!
Чигес килеть сассыбе,	Ласточка прилетаетъ съ щебетаньемъ,
Санын сассуна ильдес сьук!	Твоего голоса не услыхать!

Одно бедро съ ногой отъ заколотыхъ животныхъ для большихъ поминокъ отдѣляется для поминокъ въ третью ночь, извѣстную подъ названіемъ „салам сьӯрь“—ночь поклона. Въ эту ночь происходитъ прощаніе съ покойникомъ:

Халь инде тепре азынатчень сыв бол!	Теперь уже до другихъ поминокъ прощай (будь здоровъ)!

Послѣ того, какъ мясо животныхъ сварится и въ нѣсколькихъ чашкахъ будетъ выставлено на столъ, кто либо изъ семейныхъ на лошади отправляется на

кладбище звать на поминки покойника. При этомъ, выставленная на столъ для складыванія кусочковъ, отламываемыхъ отъ приготовленныхъ кушаній, чашка уставляется по краямъ зажженными восковыми свѣчами. Свѣчи для этого домохозяиномъ покупаются въ церкви и раздаются собравшимся на поминки родственникамъ за деньги. Если желающихъ помянуть соберется столько, что мѣста для свѣчь вокругъ чашки будетъ недостаточно, то свѣчи разставляются сверхъ того по угламъ стола.

Обрядность затѣмъ поминокъ и проводовъ покойника—та же, что и въ перечисленныхъ выше мѣстностяхъ, съ тою лишь особенностью, что возвратившіеся съ проводовъ зажигаютъ свѣчку передъ иконой, молятся Богу и потомъ начинаютъ угощаться сами по себѣ. По вычисленію г. Л—а поминки обходятся Чувашамъ въ 35—40 р. (1).

До наступленія большихъ поминокъ вдовцы не могутъ вступать въ новый бракъ, какъ и умершій; а также до этого времени не должно прясть черную шерсть и бѣлить печку, чонна лаих полдыр!—чтобы душѣ было хорошо!

Въ знакъ траура до 7 дня, со дня погребенія, Чуваши не мѣняютъ бѣлья.

Обряды поминовенія усопшихъ, какъ у горныхъ, такъ и у луговыхъ Черемисъ совершенно одинаковы съ чувашскими (2).

2) Общіе годовые поминки.

Кромѣ частныхъ семейныхъ поминокъ, у Чувашъ бываютъ еще общіе годовые поминки. Они совер-

---

(1) Религіозное состояніе Чувашъ въ Цивильскомъ уѣздѣ (Казанской губ.). Л—ъ. Церковно-общественный Вѣстникъ. 1877 г. № 87.

(2) Моляровъ. Бесѣды съ Черемисами Стр. 278—280. Поминки покойниковъ у луговыхъ Черемисъ. Л. И. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1873 г. № 9.—Черемисы Яранскаго уѣзда.—Русскія Вѣдомости 1872 г. № 114 и 117; Красноуфимскаго уѣзда.—Русскія Вѣдомости 1872 г. № 32.

шаются осенью, весной и лѣтомъ, и носятъ свои спеціальныя названія. Такъ, осенніе поминки, во 2-мъ станѣ Чебоксарскаго уѣзда, называются повсемѣстно авдан—сыры, весенніе—сьорда гоне, а лѣтніе—семик.

Авдан сыры.

Поминки Авдан сыры (пѣтушиное пиво) въ Чебоксарскомъ уѣздѣ начинаются въ 1-хъ числахъ Ноября, а оканчиваются въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца,—въ разныхъ домахъ въ разное время, въ деревнѣ Чешламѣ напр. на другой день послѣ моленья „Синь тыр полба"—объ урожаѣ новаго хлѣба. Названіе свое осенніе поминки получили отъ закаланія въ день совершенія ихъ пѣтуха (Авданъ). Обрядъ совершенія осеннихъ поминокъ совершенно схожъ съ частными семейными поминками.

Въ деревнѣ Ишалькиной, Чистопольскаго уѣзда, осенніе поминки называются—йоба (столбъ), отъ чего и мѣсяцъ Ноябрь получилъ названіе йоба ойых мѣсяцъ столба. Для ноябрскихъ поминокъ въ деревнѣ Ишалькиной закалаютъ теленка, жеребенка или лошадь, ягненка и проч., а также варятъ много пива, чтобы его достало для всѣхъ присутствующихъ на поминкахъ.

Когда будетъ все готово, тогда запрягаютъ лошадь, привязываютъ къ дугѣ колокольчикъ и ѣдутъ въ лѣсъ. Туда беруть съ собой полштофъ водки, сваренаго пѣтуха и блиновъ для того, чтобы угостить покойника.

Въ лѣсъ привозится еще кошма или войлокъ. Въ лѣсу срубаютъ липу, не очень тонкую, приблизительно вершка въ два съ половиною или въ три вершка толщины. Съ липы кору соскабливаютъ и ставятъ ее столбомъ (йоба). На верхнюю часть этаго столба надѣваютъ нѣчто въ родѣ фуражки, сдѣланной изъ той же липы и называемой салам, что значитъ съ арабскаго языка поклонъ, привѣтствіе мира. Длина

столба бываетъ около двухъ аршинъ. Этотъ столбъ обвертываютъ войлокомъ и везутъ домой. Привезенныя кушанья всѣ оставляются въ лѣсу, а водку выпиваютъ сами, выливая часть на землю покойнику. Когда пріѣзжаютъ домой, то этотъ столбъ на томъ же войлокѣ, которымъ онъ обернутъ былъ, четыре человѣка несутъ въ избу, какъ покойника, и укладываютъ на конникъ. На конникѣ уже заранѣе бываетъ постлана перина. На эту перину укладываютъ привезенный столбъ и одѣваютъ его чѣмъ-нибудь, какъ бы человѣка. Если поминаютъ дѣвицъ, то на этотъ столбъ надѣваютъ головной уборъ, называемый тохья, который дѣвица носила при жизни. Послѣ этаго начинаютъ играть на скрипкѣ, пляшутъ, а нѣкоторые плачутъ.

Послѣ этого всѣ отправляются на могилу поминать покойника.

На поминки непремѣнно собираются всѣ родные, мущины и женщины, и ѣдутъ на могилу. Если поминаютъ дѣвушку, то ѣдутъ на могилу и дѣвушки. Они берутъ съ собой варепую телятину, баранину и лошадину, пиво, водку, блины и прочіе съѣстные припасы.

На могилу везутъ и столбъ, который привезенъ былъ изъ лѣсу, а одноногую скамью оставляютъ тамъ, гдѣ передъ похоронами покойника брошено было бѣлье, въ которомъ онъ скончался. На эту скамейку, по вѣрованію Чувашъ, покойникъ по временамъ станетъ садиться. Означенный же выше столбъ ставятъ на могилу и говорятъ, будто это домъ покойника. На могилу берутъ скрипача и тамъ играютъ, пляшутъ, поютъ и пьютъ водку.

Вернувшись съ могилы домой, сажаютъ какого-нибудь мальчика верхомъ на лошадь и отправляютъ его по улицамъ извѣстить всѣхъ о наступленіи поминокъ. Когда мальчикъ ѣдетъ по улицѣ, то, называя по имени того хозяина, который совершаетъ поминки, кричитъ: приходите въ домъ такого—то пиво пить!

Такимъ образомъ народу на поминки собирается очень много.

Если въ деревнѣ есть еще другіе поминки, тогда изъ одного семейства одинъ идетъ къ одному, а другой къ другому. Почти изъ каждаго дому приносятъ блиновъ и восковую свѣчку, чтобы зажечь ее во имя покойника. Поминающіе не спятъ всю ночь. По чувашскому обычаю въ это время въ домѣ, гдѣ совершаются поминки, спать нельзя, по крайней мѣрѣ нѣсколькимъ человѣкамъ. Каждый человѣкъ, присутствовавшій на поминкахъ, будетъ ли то молодой, или старый, или дѣвица,—всѣ пляшутъ попеременно. Если присутствующій на поминкахъ не будетъ плясать, то говорятъ, что покойникъ наведетъ на него за это нездоровье. Для поминокъ пекутъ много курниковъ (пироги съ говядиной), которые и ѣдятъ послѣ полуночи. Къ свѣту же готовятся провожать покойника, который, по вѣрованію Чувашъ, присутствовалъ на поминкахъ. Для этого берутъ чашку, ложку и другую посуду, дровъ и огня, и идутъ куда-нибудь саженъ на сорокъ отъ дома и тамъ разводятъ огонь. Не доходя до этаго мѣста, на дорогѣ пляшутъ въ трехъ мѣстахъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ разведенъ огонь, пляшутъ раза три. На этомъ же мѣстѣ послѣ пляски разбиваютъ всѣ посудины и возвращаются домой. На дворѣ или въ сѣняхъ, или около двери каждый умываетъ руки и лице и только тогда уже проходитъ въ переднюю часть дома (не умывшись нельзя входить въ переднюю часть избы), гдѣ пьютъ по одному стакану пива, а послѣ того идутъ въ баню. Банею поминки оканчиваются. Послѣ бани бываетъ угощеніе, но это уже не поминки. Остающееся отъ поминокъ мясо въ пищу уже не употребляется поминавшими, а раздается татарамъ—мухаммеданамъ, или выбрасывается на дворъ (1).

---

(1) Похороны и поминки Тимрязева. Извѣстія по Казанской Епархіи 1876 г. № 9.

Въ Старо-Шигалинскомъ приходѣ осенніе поминки называются Алдан—сыры. Въ день этихъ поминокъ домохозяева, выпарившись въ банѣ, оставляютъ въ ней вѣники для покойниковъ.

Чувашскіе поминки, ради выпивки, усердно посѣщаются русскими крестьянами. Съ наступленіемъ Авдан—сыры, послѣ предшествовавшихъ морозовъ и выпаденія снѣга, нерѣдко начинаютъ идти дожди и Русскіе въ Бѣловолжскомъ приходѣ это явленіе природы въ насмѣшку объясняютъ плачемъ Чувашъ по родителяхъ ихъ, а когда дорога отъ дождей сдѣлается, какъ говорится, ни санная, ни колесная—посылаютъ ихъ родителямъ проклятія.

У Черемисъ луговыхъ осенніе поминки называются—Кишаль (кисель) и справляются въ Октябрѣ, въ Дмитріевскую субботу (1).

Сьорда гоше.

Сьорда гоше—свѣчной день. Такъ называются въ Карачевскомъ и Вишевскомъ приходахъ весенніе поминки. Весенніе поминки совершаются во всѣхъ домахъ въ одинъ день заразъ, но въ разныхъ мѣстностяхъ не въ одинаковые дни; такъ напр. въ Тюрлеминскомъ и Аттиковскомъ приходахъ они справляются въ субботу на Страстной недѣлѣ, въ ночи на первый день Христіанской Пасхи, въ другихъ—на второй день Пасхи. Для весеннихъ поминокъ въ деревнѣ Масловой варится, по словамъ А. Егорова, корчага пива, пекутся блины и красятся яйца. Когда все это будетъ готово, вся деревня выходитъ въ поле, гдѣ раскладывается жарникъ изъ изношенныхъ лаптей, нарочно сберегаемыхъ и просушиваемыхъ въ теченіи недѣли, и затѣмъ черезъ жарникъ пришедшіе начи-

(1) Праздники у Черемисъ. Свящ. А. А. Извѣстія по Казанской Епархіи 1868 г. № 5; Черемисы Яранскаго уѣзда. М—ъ. Русскія Вѣдомости 1872 г. № 114. Ibid. 32.

наютъ, до трехъ разъ, перепрыгивать. Послѣ этаго, уходя домой, приглашаютъ къ себѣ покойниковъ, которые въ это время изъ могилъ отпускаются на волю.

Килэр пабайзэм, эбизэм, ачазэм мун гон корма! Сьиринжин сьымарда, плэм пизерпе.

Приходите дѣдушки, бабушки, дѣтушки участвовать (въ празднованіи) въ великомъ днѣ! Для васъ сварены яйца, напечены блины.

Въ деревнѣ Масловой обувшійся на Пасхѣ въ старые лапти обзывается — тогатмыш наговорщикъ, колдунъ (1). Тамъ же старые лапти кидаются въ догонку уѣзжающему изъ деревни начальству: Волостному Писарю, Становому Приставу и Судебному Слѣдователю. Едвали не съ какою—нибудь особенной цѣлью вѣшаются Чувашами старые лапти на сучья березъ по почтовымъ трактамъ.

Въ деревнѣ Малой Карачевой (Сядырга) одинъ чувашинъ разсказывалъ мнѣ, что сьорда—гонс у нихъ совершается, смотря по времени, въ какое бываетъ Пасха,—или предъ Пасхой или послѣ нея что вмѣсто лаптей сожигается *кожури съ лыкъ*, что огонь разводится или среди улицы, или въ оврагѣ за околицей. Чуваши, зажегши кожуру, приглашаютъ покойниковъ грѣться. Самые же поминки затѣмъ справляются въ избѣ, гдѣ передъ иконами ставятся восковыя свѣчи, почему и самые поминки называются сьорда—гонс.

Въ деревнѣ Кугеевой жарникъ изъ старыхъ лаптей и лычныхъ кожуръ разводится въ полдень на лугахъ подъ деревней, на берегу рѣки Анипа, куда приносится по ведру пива.

---

(1) Чувашское слово тогатмыш производимъ отъ арабскаго دعا *дуга* молитва, и глагола ايتمك *айтмакъ* говорить, отсюда *дуга айтмакъ* молиться, читать, совершать молитву. Есть даже *дугалямакъ* прочитать молитву, заколдовать молитвой. Поэтому *дуга айтмышъ* или *тугатмыш* колдунъ, наговорщикъ.

Въ Бичуринскомъ приходѣ, по сообщенію М. Ѳ. Ѳедорова „Сьорда гоне“ бываетъ въ понедѣльникъ на Пасхѣ; для него съ утра лѣпятся изъ желтаго воска самодѣльныя свѣчи и приготовляются необходимыя для поминокъ купанья. Вечеромъ, по закатѣ солнца, жители со всей деревни собираются для поминокъ въ тотъ домъ, который для этого былъ избранъ дѣдами и прадѣдами; въ этомъ домѣ хранится и нужная при поминкахъ посуда. Поминки начинаются съ того, что каждый собравшійся прилѣпляетъ къ воткнутой въ стѣнѣ у порога лучинѣ столько зажженныхъ свѣчь, сколько лицъ имѣетъ въ виду помянуть, причемъ ставящій свѣчку произноситъ: омынче болдыр! т. е. да будетъ предъ нимъ! Обрядъ отламыванія кусочковъ купаній поминаемому и отливанія пива одинаковъ съ семейными поминками.

Въ Старо—Шигалинскомъ приходѣ, по сообщенію о. Филиппова, весенніе поминки совершаются—въ самомъ селѣ ночью въ страстной четвергъ; въ приходскихъ же деревняхъ—въ понедѣльникъ на Пасхѣ, причемъ пазываются виль тухны кун—день выхода мертвыхъ.

Для поминокъ пекутся лепешки, намазанные сверху картофелемъ, и оладьи и варится каша и курица. Передъ началомъ поминокъ собираются со всего дома старые лапти и сожигаются—одними въ банѣ, другими—на горѣ за рѣчкой. Поминки сопровождаются пляской подъ скрипку и пузырь.

Въ Шуматовскомъ приходѣ Ядринскаго уѣзда, въ дѣтствѣ, во время обхода на Пасхѣ киреметей, для сбора въ нихъ денегъ, мнѣ не разъ доводилось въ оврагахъ при деревняхъ находить одноногіе досчатые столики въ пол-аршина и менѣе длиною, а около нихъ битую деревянную посуду: блюда, ложки, пивныя чашечки и чирясы (кадочки, выдолбленныя изъ липы или осины); посуда эта, передъ уходомъ Чувашъ послѣ моленья домой, ударялась объ землю, и если она отъ этого не разбивалась, то ударять ее вторично не по-

лагалось. Само собою разумѣется, не разбитую посуду я уносилъ съ собой, и изъ пивныхъ чашекъ угощалъ въ послѣдствіи приходившихъ къ отцу во время Пасхи Чувашъ. О сожиганіи лаптей и кожуры въ Шуматовскомъ приходѣ мнѣ слышать ниразу не доводилось, а въ Чебоксарскомъ уѣздѣ не доводилось находить въ оврагахъ описанные столики и битую посуду, не смотря на безпрерывные разъѣзды по нему во всѣхъ направленіяхъ.

Черемисы, Красно-Уфимскаго уѣзда, Пермской губерніи, въ Великую Субботу моются въ баняхъ, надѣваютъ на себя чистое бѣлье и во время торжественной Воскресной заутрени идутъ на молельное мѣсто, въ поле, и преимущественно на гору, гдѣ, ставъ на колѣна, лицемъ къ востоку, кланяются, слушая при этомъ изустное толкованіе молитвъ однимъ изъ стариковъ, особенно твердо-знающихъ ихъ вѣру. Въ молитвахъ этихъ разсказывается, какъ свѣтло на небѣ, какъ тамъ живетъ Богъ, какую онъ имѣетъ силу и въ какой степени святы его угодники Николай и Василій; другихъ же святыхъ они не знаютъ. Помоливщись Богу, они уходятъ домой обѣдать, и такъ продолжаютъ молиться по утрамъ въ теченіе всей пасхальной недѣли; въ домахъ же своихъ они Богу никогда не молятся (1).

Горные Черемисы весенніе поминки справляютъ въ Великую Субботу, на канунѣ Пасхи Христовой.

Семик.

Семик—лѣтніе поминки. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ они совершаются—въ однихъ приходахъ въ четвергъ передъ Троицей, а въ другихъ въ субботу, на приходскихъ кладбищахъ, куда въ нѣкоторыхъ приходахъ является духовенство и служитъ панихиды. Подроб-

(1) Русскія Вѣдомости 1872 г. № 32.

ности совершенія Семика можно читать въ Запискахъ Г-жи Фуксъ. (1).

Въ деревнѣ Масловой по словамъ А. Егорова, въ Семик Чувашами сажаются передъ окнами, какъ у Русскихъ въ Троицу, деревья для того, чтобы ушедшіе съ кладбища души умершихъ могли сидѣть на нихъ и еще—сьынна сябынмандан, т. е. чтобы не прикоснулись къ человѣку и чтобы на нихъ не лаяли собаки; если жъ это случится, мертвые пиллемессэ, т. е. не благословятъ.

Въ честь тѣхъ—же умершихъ ставятся кусты деревъ на телѣгахъ во время свадебнаго поѣзда,—виле дуй сьынна сябынмандан, т. е. чтобы свадебный поѣздъ мертвыхъ не прикоснулся къ живымъ (2). Сѣвши на кусты, души умершихъ ѣдутъ тогда вмѣстѣ съ живыми. Кусты втыкаются на телѣгахъ и для того, чтобы другіе знали, что у жителей свадебнаго поѣзда есть лѣсъ.

Во время общихъ поминокъ каждый умершій, по словамъ А. Егорова, поминается столько лѣтъ, сколько прожилъ на землѣ.

Въ Старо Шигалинскомъ приходѣ, по сообщенію о. Филиппова, въ Семикъ для поминокъ приносится на кладбище, сверхъ обычныхъ кушаніи, яичница и яйца. Одно яйцо передъ отъѣздомъ съ кладбища между прочимъ зарывается въ могилу противъ головы покойника. Во время поминокъ поется приведенная пѣсня: Шурум пусь.

Русскіе—въ Бѣловолжскомъ приходѣ родительскія поминовенія исправляютъ во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, въ субботу передъ Троицей и въ Дмитріевскую субботу, передъ праздникомъ осенней Казанской Божіей Матери. Во всѣ три раза исправленіе родительскихъ состоитъ у нихъ въ томъ, что какъ

(1) См. Записки о Чувашахъ и Черемисахъ. Стр. 12—19.

(2) Чуваши думаютъ, что духи мертвыхъ женятся на живыхъ (въ такомъ случаѣ дѣвицы, или женщины умираютъ). Чуваши разсказываютъ, что съ кладбища иногда мертвые съ огнями выѣзжаютъ и направляются (*огни*, духовъ не видно обыкновенно) къ какому либо дому, гдѣ вскорѣ случается покойникъ.

только начнется благовѣстъ къ обѣднѣ. дѣти, преимущественно дѣвочки, женщины и старухи, отправляются въ церковь съ блинами и яйцами, завязанными въ платкахъ на тарелкахъ и, раздавъ ихъ тамъ собравшимся со всего прихода съ кузовьями и мѣшками нищимъ, возвращаются обратно домой, за исключеніемъ старухъ, которыя подаютъ поминанья, ставятъ свѣчи и заказываютъ послѣ обѣдни панихиды. Мущинъ и представителей семействъ некрестьянъ, хотя послѣднихъ въ приходѣ нѣсколько, въ церкви никого небываетъ; даже нищіе въ эти дни уходятъ изъ церкви до окончанія службы, едва волоча щедрую милостыню. Нѣкоторыя старухи ко дню родительскихъ ставятъ по корчагѣ пива, но угощаются, по выходѣ изъ церкви, только сами.

Сьураськма (Примиреніе).

Въ Тюрлеминскомъ и Аттиковскомъ приходахъ, кромѣ описанныхъ поминокъ, совершаются еще, во время татарской уразы, въ честь умершихъ поминки сьураськма или примиреніе. Обыкновенно эти поминки устрояются среди Чувашъ, когда кто либо изъ живыхъ не успѣлъ помириться съ умершимъ. Для примиренія устрояются поминки, на которые живые просятъ придти умершихъ. Приготовляемыя для Сьураськма въ деревнѣ Масловой кушанья и способъ совершенія этихъ поминокъ тѣже, что и во время частныхъ семейныхъ поминокъ, за исключеніемъ чтенія, во время обряда, нижеслѣдующей молитвы:

Е бисьмелле! Алка казяр! Исмэшкен, сіймэшкен перегеть пар! Вылига — чьирлига сьывлых пар! Хамырада сьывлых пар ачам—пычамба! Сьураськаран сьураськана

Во имя Бога! Пожалуйста не оставь! Пить, ѣсть благодать дай! Домашнему скоту здоровья дай! И самимъ съ дѣтьми здоровья дай! Отъ обряда примиренія до об-

боримашкын сьывлых пар! Хувыра сягын пэк исьмэсіймэ хывра хывмашкын! Сьурасьмаран сьурась на кизэ каир! Выгытран килэр, выгытсыр ангилэр. Хинь азан анбарыр! Перь турам перь сьук полдыр! Пагиль тувыр!

ряда примиренія (т. е. отъ времени поминокъ до другихъ поминокъ) здоровья дай! Вамъ самимъ также чтобы пить, ѣсть, когда мы вамъ накрошимъ хлѣба (¹)! Отъ поминокъ до поминокъ (т. е. въ каждые поминки) приходите! Во время (т. е. въ поминки) приходите, а безъ времени не приходите! Мучительной болѣзни не причиняйте! Одна крошка пусть будетъ возомъ! Благословите (Простите)!

Въ Старо-Шигалинскомъ приходѣ, по сообщенію о. Филиппова поминки Сьурасьма въ однихъ селеніяхъ справляются осенью послѣ Алдан сыры, въ другихъ же—въ рождественскій мясоѣдъ. Особенностью ихъ въ этомъ приходѣ является то, что одна свѣчка прилѣпляется и зажигается на стѣнѣ подлѣ печки въ честь хирт—сорта—домоваго.

Камалзыр виле (²).

Помянувши всѣхъ своихъ родственниковъ по именамъ, Чуваши наконецъ поминаютъ „камалзыръ виле", т. е. такихъ умершихъ, которыхъ не кому помянуть, или же такихъ, которые умерли неизвѣстно гдѣ. Въ память такихъ лицъ отломленный кусокъ, вмѣсто того, чтобы положить его въ чашку (что считается неудоб-

(¹) Обыкновенно при поминкахъ Чуваши отдѣляютъ хлѣба для умершихъ и отливаютъ питья въ особенныя посудины.

(²) *Камалзыръ* можетъ быть объяснено какъ сложное слово: *камъ* кто, *аль* рука, *зыръ* безъ, т. е. кто безъ рукъ, т. е. кто умеръ безъ родственниковъ, безъ дѣтей (какъ бы безъ рукъ). Но вѣрнѣе, кажется,

нымъ—мѣшать его съ своими родными), выбрасываютъ изъ двери на дворъ, говоря: „камалзырсене барадыпъ, изеръ, сійеръ, тода болыръ, т. е. даю безроднымъ. ѣшьте, пейте и будьте сыты!

У Русскихъ, въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, поминкамъ камалзыр вилс соотвѣтствуютъ поминки „заложныхъ": утопленниковъ, удавленниковъ, пропавшихъ безъ вѣсти, сгорѣвшихъ во время пожара, вообще—всѣхъ, недостоившихся отпѣванія.

Загробная жизнь умершихъ.

Душа умершихъ, по вѣрованіямъ въ деревнѣ Масловой, говоритъ А. Егоровъ, „чинрау подать" т. е. впадаетъ въ яму (چونكراو чунграу татар. яма, котловина). Тамъ же одни вѣрятъ, что на кладбищахъ есть „тамык хорань" адскій котелъ—бездна, адъ, въ которомъ души умершихъ по распоряженію кладбищенскихъ начальниковъ, въ теченіи 140 лѣтъ обжигаются, а затѣмъ, по указанію Бога, чрезъ Эрсля переводятся на новое кладбище, на которомъ начальники мертвецовъ должны ихъ сьўть—не шыва кўртме,—т. е. молокомъ обмыть, или въ молокѣ искупать. Послѣ этого умершіе женатыми могутъ отыскивать своихъ женъ, сколько они ихъ имѣли, холостые—жениться, дѣвушки и вдовы—выходить замужъ, богатые—вновь сдѣлаться богатыми, торговцы—торговать, бѣдные должны оставаться бѣдняками, коштаны—коштанами, воры—ворами, йомзи—йомзями, ни разу не бывшіе при жизни на свадьбѣ—ходить на свадьбы мертвыхъ и т. д.; другіе же говорятъ, что ада вовсе нѣтъ.

производятъ это слово отъ арабскаго слова كمال *камалъ* совершенство, полнота, отсюда *камалзыръ* бѣдный, несчастный, безродный, бездомный. Чуваши называютъ икону, не извѣстно кому принадлежащую, напр. найденную въ полѣ, пущенную на воду, «камалзыръ тора». Въ честь такихъ иконъ иногда йомзи заставляетъ молиться Чувашъ, чтобы не изломала такая икона кого нибудь. Чуваши, для исполненія такого наставленія йомзи, ставятъ свѣчи гдѣ либо за деревней къ пеньку, или дереву, или же бросаютъ тамъ кусокъ хлѣба, или калача.

Царствомъ мертвыхъ управляютъ на кладбищахъ: 1) Мазар позе—кладбищенскій начальникъ (1)—тотъ, кто первымъ на кладбищѣ схороненъ; 2) Мазар тӧри—кладбищенскій судья,—служившій при жизни въ какой—нибудь должности; 3) Мазар сыхчи—сторожъ,—служившій при жизни по найму караульщикомъ; 4) Виль туи—умершій въ поѣздку на сватьбу и 5) Мазар тӳр килли,—имѣвшій въ домѣ тӳр килли (мазарская или кладбищенская киреметь).

Въ 2 верстахъ отъ Масловой, на западъ, на границѣ Цивильскаго уѣзда, на правомъ берегу Бувы, на Юмашевской землѣ, находится старинное покинутое кладбище съ нѣсколькими уцѣлѣвшими на немъ камнями съ татарскими надписями; на немъ—то въ Октябрѣ 1875 года Масловцы слышали, какъ мертвые шумѣли, переселяясь съ своимъ тамык хорань т. е. адскимъ котломъ на лѣвый берегъ Бувы, на кладбище некрещеныхъ Чувашъ, Чебоксарскаго уѣзда, подъ деревней Семепчиной. На этомъ послѣднемъ кладбищѣ растетъ осиновый кустъ—киреметь.

Въ Аликовскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда, по словамъ г. Филиппова, Чуваши разсказываютъ, что вселенная состоитъ изъ 7 этажей, изъ коихъ три находятся поверхъ земли, четвертый этажъ составляетъ земная поверхность, остальные три—внизу, подъ землей. Жилище покойниковъ приходится въ седьмомъ этажѣ, подъ землей и называется: сиччь сьирь ними—мозгъ семи земель. Отсюда—бранное выраженіе, употребляемое въ этомъ приходѣ: сьирь сьуттыр—земля проглотила-бы (тебя)!

Въ виду своеобразныхъ воззрѣній на загробную жизнь покойниковъ, неудивительно, если и Чуваши, подобно Татарамъ и Черемисамъ, отнесутся враждебно къ

---

(1) Слово мазаръ отъ арабскаго зара زار посѣщалъ, отсюда зіяратъ, زيارة—посѣщеніе, мазарки مزار мѣсто посѣщенія.

предпринимаемымъ Казанскимъ Обществомъ Естествоиспытателей раскопкамъ старинныхъ кладбищъ (¹).

Помѣщаемъ чувашскую сказку въ русскомъ переводѣ, найденную въ посмертныхъ бумагахъ Н. И. Золотницкаго; она показываетъ, что Чуваши признаютъ и рай.

Жили-были старикъ со старухой. Старикъ пошелъ въ лѣсъ. Съ нимъ встрѣтился Татаринъ. Старикъ его спросилъ: куда идешь Татаръ—бечей? Въ вѣру войти (креститься)! Дай-ка я самъ окрещу тебя. Ну—такъ, пожалуй, окрести, вотъ тебѣ деньги, какіе при мнѣ есть. Старикъ положилъ Татарина на колоду, въ низъ лицемъ, взялъ топоръ да по шеѣ зарубилъ; Татаринъ умеръ. Старикъ деньги его взялъ и сталъ богатѣть, и разбогатѣлъ. Спустя нѣсколько времени, жена его родила сына. Этотъ сынъ, подросши, лошадь запрягъ и поѣхалъ въ лѣсъ той дорогой, гдѣ отецъ татарина зарубилъ. Татаринъ вышелъ ему на встрѣчу: куда, молодецъ, отправляешься ты? Въ лѣсъ! Не ходи туда, а взойди молодецъ, ко мнѣ въ гости. Но гдѣ же твой домъ? Татаринъ ему говоритъ: вотъ здѣсь, только закрой глаза да за мной три шага сдѣлай.—Молодецъ закрылъ глаза, три раза шагнулъ и вдругъ очутился на томъ свѣтѣ. Идетъ молодецъ дорогой, видитъ двѣ женщины сидятъ да молоко изъ горшка въ горшокъ переливаютъ, а молоко больше прибываетъ, такъ что и помѣстить его не куда. Идя дальше видитъ, двѣ женщины молоко разливаютъ, одна говоритъ: тебѣ много, мнѣ мало, другая отвѣчаетъ: тебѣ много, мнѣ мало. Идя еще дальше видитъ: двое лежатъ подъ тулупомъ, одинъ говоритъ: мнѣ тепло, другой говоритъ и мнѣ тепло. Еще дальше: двое лежатъ подъ тулупомъ, одинъ говоритъ: мнѣ холодно: другой говоритъ, и мнѣ холодно. Еще дальше—онъ видитъ мостъ изъ

(¹) Отчетъ о раскопкахъ древнихъ могилъ и кургановъ въ Лаишевскомъ и Спасскомъ уѣздахъ Казанской губерніи. А. П. Стоянова. Приложеніе къ протоколу 23 засѣданія, 21 апрѣля 1871 г. Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Знаніе 1876 г. Замѣтка д-ра Маліева.

людей смоценый; столбы и перекладины изъ людей; какъ на одного наступишь—онъ стонетъ, на другаго наступишь и тотъ стонетъ. Прошедши это, онъ видитъ небольшое строеніе, въ которомъ поютъ всякаго рода птицы, всякая трава зеленѣетъ; чувствуется запахъ отличный. Наконецъ онъ зашелъ въ большой домъ; въ немъ сидитъ старикъ съ сѣдою бородою. Ну, молодецъ, издалека пришелъ ты, сядь-ка, отдохни у меня, куда угодно смотри, а въ эти окна не гляди. Сказавши это, старикъ вышелъ.—Молодецъ подумалъ: зачѣмъ это старикъ не велѣлъ мнѣ смотрѣть туда? Что будетъ? Взглянулъ: въ одномъ мѣстѣ большой котелъ со смолой кипитъ, народу въ немъ и сосчитать нельзя, глѣдѣлъ—глядѣлъ да и увидалъ своего отца, схватилъ его за волосы; волосы выдернулись. Послѣ того онъ началъ плакать. Вскорѣ пришелъ старикъ и говоритъ: что ты надѣлалъ? я тебѣ запретилъ туда смотрѣть. Молодецъ говоритъ: дѣдушка! вѣдь и мой отецъ тамъ кипитъ, какъ его вынуть (избавить)? Старикъ сказалъ: не бойся, молодецъ, отецъ твой теперь дома, а скажи-ка, что ты видѣлъ и слышалъ дорогою? Ахъ, старецъ, многое я видѣлъ: въ одномъ мѣстѣ двѣ женщины молоко разливаютъ, не куда дѣвать— прибываетъ; старикъ сказалъ: онѣ молока ни для кого не жалѣли. Молодецъ говоритъ: а это что такое: двѣ женщины молоко разливаютъ, одна говоритъ: тебѣ много, мнѣ мало, и другая—тоже? А вотъ что: онѣ для людей молока жалѣли. Еще старецъ: двое лежатъ подъ тулупомъ, одинъ говоритъ: мнѣ тепло и другой—тоже. Старикъ отвѣчаетъ: они ни для кого не жалѣли одежды. А еще, дѣдушка, двое лежатъ и говорятъ, что тому и другому холодно. Старикъ сказалъ: они прежде для людей жалѣли одежды, ни кому не давали, вотъ за то-то и страдаютъ.— Ну, теперь, дѣдушка, это что: видѣлъ я мостъ изъ людей смоценный. Старикъ сказалъ: это конокрады и тѣ, которые портили людей, за то они страдаютъ. А это что, дѣдушка: въ небольшомъ строеніи всякія птицы

и всякія травы?—Это приготовлено для людей безгрѣшныхъ.—Ахъ, дѣдушка, мнѣ туда попасть-бы!—Ты взойдешь туда—отвѣтилъ старикъ. Потомъ онъ напоилъ и накормилъ молодца и сказалъ: ну, ступай, молодецъ, домой! Молодецъ возвратился домой; отецъ—мать его состарѣлись; отецъ въ болѣзни третій годъ лежалъ. Что же это, батюшка, я, кажется, только три дня ходилъ. Эхъ, сынокъ, ты, отправившись изъ дому, тридцать лѣтъ пропадалъ. Отецъ спросилъ сына: гдѣ ты шатался? Я, батюшка, пошелъ въ лѣсъ, тамъ меня татаринъ позвалъ въ гости, тамъ я видѣлъ тебя, ты кипишь въ адскомъ котлѣ. Услышавши это отъ своего сына, старикъ началъ плакать, молиться Богу и всѣ какія у него были вещи, деньги и платье роздалъ бѣднымъ людямъ и нищимъ. Послѣ того, спустя довольно времени, старикъ со старухой умерли, а послѣ того умеръ и сынъ ихъ.

Сказка—въ ту сторону, а я—въ эту сторону!

IV.

Родины (1).

При нормальныхъ родахъ, тотчасъ по рожденіи ребенка, баушка въ Масловой беретъ яйцо, горсть хмѣлю и солоду и выбрасываетъ все это на дворъ (а по сообщенію г. Сбоева, йомзя разбиваетъ яйцо надъ головой новорожденнаго). Вернувшись въ избу, она беретъ ребенка на руки и начинаетъ его обмывать, читая молитву:

Висьмэлле! Перь Тора анбрахтыр! Тэтти йолдыр, какки кайдыр!

Во имя Бога! Единый Богъ не оставь! Доброе останься, а худое уйди!

(1) Современные остатки и проч. Свящ. П. Каменскаго. Казань 1879 г. Стр. 24—27.

Родившійся ногами впередъ считается счастливымъ,—такого ребенка съ малыхъ лѣтъ всѣ уважаютъ, а по немъ и его родственниковъ, — впослѣдствіи онъ долженъ быть коштанъ и богачъ.—По мнѣнію Чувашъ, родившаяся въ сорочкѣ дѣвочка азамысь полать—знахаркой (колдуньей) будетъ, а родившійся въ сорочкѣ мальчикъ—ял-бозе полать—главой народа будетъ, или руководителемъ во всемъ.

Послѣ родовъ, матери, какъ только замѣсятъ хлѣбы, каждый разъ подходятъ къ ребенку и, трепля (лаская) его, говорятъ: квас чирезынчи чуста бэк хубар. Тфу! Рости, какъ хлѣбъ въ квашнѣ поднимается. Тьфу!

О плачущихъ дѣтяхъ говорятъ, что дѣти плачемъ выговариваютъ:

Ах кибинэ сотса, шыв изидемче!

Эхъ, продалъ-бы рубашку, да воды напился!

По смерти дитяти, родители его въ Масловой не ѣдятъ до Пасхи яицъ и яблоковъ до Преображенія, иначе-де ни тѣхъ, ни другихъ не будутъ давать ихъ дѣтямъ на томъ свѣтѣ.

Души дѣтей, умершихъ прежде, чѣмъ они успѣли насосаться материнской груди, по вѣрованію Чувашъ въ деревнѣ Масловой, превращаются въ ар—сьори (полумущина, лѣшій).

Паря дѣтей въ банѣ, матери ихъ приговариваютъ:

Е бисьмэлле! Тутла ушшине бар, чона каньлэ ыих пар! Пызык пол, коштан пол! Пыйда вильдэр, ширги шиттэр!

Во имя Бога! Пріятнаго пару дай, душѣ спокойнаго сна! Большимъ будь, коштаномъ будь! Вши перемрите, гниды перелопайтесь!

Чонъ кӳрдэс.

Чувашки родятъ дѣтей далеко не всегда такъ легко (1), какъ разсказываетъ г-жа Фуксъ (2); для родовспоможенія и онѣ ко времени родовъ приглашаютъ баушекъ, но послѣднія, къ сожалѣнію, являются не столько для родовспоможенія, сколько для совершенія различныхъ обрядовъ. Изъ числа послѣднихъ мнѣ извѣстенъ чонъ кӳрдэс—впускать душу—обрядъ впусканія души. Обрядъ этотъ совершается въ случаѣ безжизненности ребенка (при недоноскахъ). Какъ только такое дитя родится, приглашенныя баушки, взявъ въ руки сковороду, желѣзный ковшъ или заслонку, отправляются — одна на подволоку и тамъ, бряча въ сковороду, выкликаетъ:

Тора! Эс ача чоннэ бар!	Боже! Ты дай душу ребенка (ребенку)!

Другая спускается въ подполье и тамъ выкликаетъ:

Шойтан, эс тэ болинь ача-чоннэ бар!	Шайтанъ, хоть ты дай душу ребенку!

Третья, съ заранѣе приготовленнымъ короваемъ хлѣба, выходитъ на дворъ и взываетъ:

Сьирди сьир йиш, сьирди Тора, минь тӳнчи ыраозал, ача чоннэ барыр!	Семейство духовъ земныхъ, земной Богъ, добрые и злые (духи) всего свѣта, дайте душу ребенку!

Внесши затѣмъ коровай въ избу, кладетъ его на столъ и вмѣстѣ съ двумя первыми принимается кушать.

---

(1) Голосъ 1873 г. № 324; Казан. Губ. Вѣд. 1874 г. № 28.

(2) Фуксъ Записки. ... Стр. 59. Чувашскіе разговоры и сказки, составленные Спиридономъ Михайловымъ. Казань. 1853 г. Стр. 4—9.

Покупка новорожденныхъ дѣтей.

Въ предупрежденіе смерти дѣтей, родившихся живыми въ тѣхъ семействахъ, въ которыхъ они умираютъ, въ деревнѣ Масловой совершается обрядъ заклинанія.

Ко дню родовъ въ упомянутомъ случаѣ, кромѣ баушки, приглашается йомзя, который, пока роды совершаются, остается гдѣ нибудь на дворѣ. Лишь только новое существо на свѣтъ явится, баушка немедленно зарертываетъ его въ тряпки и выноситъ на улицу. Поджидавшій этаго, йомзя тотчасъ-же новорожденнаго подбираетъ и вноситъ обратно въ избу съ заявленіемъ:

Ача топрым; содадып; илэр! Сыре кирле болэ сяк ача?

Ребенка нашелъ; продаю; купите! Можетъ быть вамъ нуженъ этотъ ребенокъ?

Штан топрын?
Сьӳпь синьчэ топрым!

Гдѣ нашелъ?
Въ сору нашелъ (1).

Понятно, отказа отъ покупки никогда не бываетъ. Заплативъ йомзѣ копѣекъ пять, баушка беретъ у него изъ рукъ новорожденнаго и, обрѣзавъ ему пуповину(2), начинаетъ его обмывать, а затѣмъ новорожденному дается имя сьӳппи, съ которымъ онъ и остается навсегда. Названнаго такимъ именемъ младенца йомзя вновь беретъ къ себѣ на руки и начинаетъ его окуривать, приговаривая:

Е бисьмэлле! Сяк Сьӳппи рэнь тох кось,—хора

—Во имя Бога! Изъ этаго (младенца) Сюппи выдь

---

(1) Въ другихъ мѣстахъ йомзя отвѣчаетъ: сюлъ козинчэнь топрымъ т. е. въ родникѣ нашелъ. Сравн. Каз Губ. Вѣд. 1874 г. № 28. Чувашскія баушки—повитухи. Замѣчаемъ, что въ Казанскихъ Губ. Вѣд Чувашскія слова этого обряда сильно искажены.

(2) Въ деревнѣ Масловой баушки отрѣзываютъ пуповину мальчикамъ на топорищѣ, а дѣвочкамъ на веретенѣ; причемъ, въ отмщеніе за плохой пріемъ, иногда приговариваютъ первымъ: вуру бол (будь воромъ), а вторымъ: изар бол (распутницей будь).

кось, хумур кось, чагыр кось, квак кось, шора кось, сьымись кось!

глазъ,—черный глазъ, карій (масляный) глазъ, косой глазъ, голубой глазъ, бѣлый глазъ, зеленый глазъ!

При этомъ трижды дунувъ на ребенка и плюнувъ въ сторону, йомзя продолжаетъ:

Тох, кось! Ажа батман карчык кильне Адыл орла, тинис орла, ой орла, вурын орла. Виредэпь, сорадып; тох, кось!

Выдь, глазъ! Переходя черезъ Волгу, черезъ море, черезъ поле, черезъ лѣсъ—неутомимая старуха пришла. Дую, плюю; выдь, глазъ!

Н. И. Золотницкій происхожденіе этаго обряда объясняетъ заимствованіемъ изъ библейскаго сказанія объ обстоятельствахъ дивнаго спасенія отъ неминуемой гибели младенца Моисея, когда Чуваши находились въ подчиненіи Хазаръ, слѣдовавшихъ закону Моисееву(').

Въ Бишевскомъ приходѣ, въ случаѣ вымиранія въ семействѣ дѣтей, совершается моленье пряниками въ честь 8-ми нижеслѣдующихъ духовъ:

1) Кебе.
2) Кебе ашше.
3) Кебе амыже.
4) Кебе умыньче сӳрегень Пӳлӳхси.
5) Кебе хаяр.
6) Кебе иньтеги.
7) Кебе сьынгере.
8) Кебе сьынгерь сӳренэ.

Молитва имъ:

Тора анбрах! Сьоратныне пить аллыбэ бар,

Боже не оставь! Рожденное крѣпкой рукой

(') Ажа батман карчык кильне. V Прилож. къ Слов. стр. 173.

сьоратманныне сьоратса бар! Сьирлах, анбрах! Преник-бэ кильтван сана.

дай, не рожденное родивши дай! Помилуй, не оставь! Съ пряникомъ молитву творю тебѣ.

Истребленіе тройней.

Чувашки, по разсказамъ, считаютъ стыдливымъ рожденіе двойней, а если, сверхъ всякаго ожиданія, случатся тройни, то третій ребенокъ, прежде, чѣмъ объ этомъ кто узнаетъ, баушками немедленно истребляется. Объ этомъ въ первый разъ мнѣ довелось слышать отъ семейныхъ священника въ селѣ Шуматовѣ, Ядринскаго уѣзда, а затѣмъ въ деревнѣ Большой Аккозиной (Тоба Исмель), Чебоксарскаго уѣзда отъ одного писаря. Не сомнѣваясь въ достовѣрности этихъ разсказовъ, я сущность ихъ и помѣстилъ въ статьѣ о чувашскихъ баушкахъ; но, по независѣвшимъ отъ редакціи Каз. Губ. Вѣд. причинамъ, объ этомъ не было напечатано. Прочитавъ заявленіе редакціи, я и самъ смутился за свою рѣшимость огласить фактъ, никѣмъ до сихъ поръ незаявленный; но при новыхъ распросахъ объ немъ одинъ татаринъ деревни Карамышевой заявилъ, что третій ребенокъ истребляется у Чувашъ въ предупрежденіе свѣто-преставленія, а, случившійся при этомъ А. Егоровъ отъ себя добавилъ, что тройни, по убѣжденію Чувашъ, предвѣщаютъ какое-нибудь въ дому несчастіе; такимъ же предвѣстіемъ служатъ у нихъ двойни нѣкоторыхъ животныхъ—напр. лошадей, коровъ. Отрицать достовѣрность сообщаемаго мною факта не слѣдуетъ, кажется, и потому, что случаи убійства младенцевъ чудовищнаго вида по невѣжеству или суевѣрію спеціально предусмотрѣны 1469 ст. Улож. о нак. изд. 1866 г.

Услыхавъ въ ноябрѣ 1876 г. о рожденіи тройней одной чувашкой въ селѣ Тюрлемѣ, я, для полученія интересовавшихъ меня свѣдѣній, обратился съ пись-

момъ къ приходскому священнику, при личномъ свиданіи подтвердившему событіе. Въ данномъ случаѣ не было дѣтоубійства потому, что роды совершались черезъ день и объ нихъ зналъ священникъ, приглашенный послѣ первыхъ родовъ для исповѣди роженицы и внушившій мужу ея беречь ее; тѣмъ не менѣе, по разсказамъ, послѣ рожденія третьяго ребенка священникъ нашелъ роженицу въ холодныхъ сѣняхъ, а въ избѣ—толпу женщинъ. Отъ этого, или отъ другихъ причинъ, роженица и новорожденные, какъ мнѣ передавали, вскорѣ померли.

Накидываніе горшковъ.

Въ супружескомъ состояніи, какъ извѣстно, люди естественно желаютъ имѣть дѣтей. Но иногда у супруговъ не бываетъ дѣтей. Поэтому употребляются средства для возстановленія супружеской способности къ дѣторожденію. Въ деревнѣ Масловой напримѣръ, для возстановленія этой способности совершается слѣдующій обрядъ. Жены, желающія имѣть дѣтей, обращаются за совѣтомъ къ йомзямъ, которыя раздѣваютъ не рождающихъ женщинъ до—нага, ощупываютъ у нихъ животъ, затѣмъ накидываютъ на него горшки и объявляютъ, что у нуждающейся въ дѣтяхъ—женщины негодится мужъ и предлагаютъ временно въ мужья кого-либо изъ молодыхъ людей. Въ случаѣ согласія, заранѣе подкупившій йомзю временный супругъ вступаетъ въ супружескія права до трехъ разъ и за это получаетъ отъ временной супруги подарокъ деньгами или холстомъ, а йомзя отъ той же супруги плату копѣекъ до 30-ти. Обрядъ этотъ совершается всегда въ отсутствіе законныхъ мужей и заканчивается попойкой.

V.

Женитьба.

Дѣвочекъ, по достиженіи ими 9-ти лѣтъ, Чуваши, по выраженію А. Егорова, сильно принуждаютъ ко всякой работѣ; мальчиковъ же въ эти годы посылаютъ только водить на волопой лошадей боронить и т. п. Какъ только мальчику исполнится 18—19 лѣтъ, родители его начинаютъ пріискивать ему невѣсту (1).

Въ день сватовства, если договаривавшіеся согласились, невѣста даритъ жениху *кӳрӳ тотры* — жениховъ платокъ родителямъ его по французской красной рубашкѣ, а родственникамъ ихъ по бѣлой самоткапной рубашкѣ.

Въ назначенный для брака день женихъ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты съ особой свадебной свитой. Послѣдняя, вошедши въ домъ, послѣ обычнаго привѣта о здоровьѣ, спрашиваетъ домохозяевъ, можно-ли ей повеселиться? Получивъ желаемый отвѣтъ, *той бозе*— начальникъ свиты (распорядитель пира) приказываетъ пріѣхавшему со свитой музыканту играть (2).

Невѣста, окруженная подругами, дѣвушками (хӳрь сьомыпьчы хӳрьзем), подъ звуки музыки тотчасъ же начинаетъ привывать:

Аю-ю-ю-ю-ю—юй! Ах, аттезэм, аппэзэм!

Ахъ, батюшка, матушка!

---

(1) См. Очеркъ Юридическаго быта чувашъ Ядринскаго, Козмодемьянскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ. Казанск. Губ. Вѣд. 1868 г. №№ 85—89 и 93. Соврем. остатки и проч. Свящ. И. Каменскаго Казань 1879 г. Стр. 26—29.

(2) Во 2-мъ станѣ Чебоксарскаго уѣзда на сватьбахъ употребляется преимущественно *сурнай*. Это въ сущности тотъ же *шыбыр* — родъ волынки, отличающійся отъ послѣдней тѣмъ, что въ сурнай вмѣсто рога, вставляются двѣ выдолбленныя калиновыя дудки а въ концы ихъ раскалотые стволы гусиныхъ перьевъ, издающіе, при надуваніи пузыря, жужжаніе На нѣкоторыя сватьбы сверхъ того приглашаются скрипачи и гуслисты. Скрипачи у чувашъ, во время игры, упемляютъ скрипку промежъ ногъ; при чемъ, какъ скрипачи, такъ гуслисты и пузырьники, во время игры, притопываютъ въ тактъ ногами.

Ах, Торазэм, пӳлӳхсэм!	Ахъ, Боже, податель (или Вѣстникъ)!
Посры̀ ты̀ра хумгана̀ть,	Полевой хлѣбъ качается,
Пӥрин аттѐ хӥрь барать;	Нашъ батюшка дочь выдаетъ;
Посры тыра шоралать,	Полевой хлѣбъ бѣлѣетъ (зрѣетъ),
Манын позэм шоралать!	Моя головушка бѣлѣетъ (¹)!

Привываетъ невѣста сначала членамъ родной семьи, начиная со старшаго, а потомъ однодеревенцамъ, пришедшимъ поглядѣть на сватьбу. Послѣднихъ — мужчинъ невѣста величаетъ старше себя именемъ *бичѐ*, сверстниковъ—*тандыш*, а младшихъ—*шылым*, женщинъ величаетъ именами: *иньгѐ*, *тандыш* и *йымык* (²); при чемъ этимъ лицамъ невѣста привываетъ:

Ай, бичезэм (³) (имя), биче!	Эхъ, господинъ (имя) господинъ!
Мана корма кильне болзан,	Если меня посмотрѣть пришелъ сюда.
Ман омма кизэ тур!	То (подошедъ) встань предо мной!

Чье имя невѣста упомянетъ, къ тому тотчасъ же подходятъ двѣ дѣвушки и, подавъ ему ковшъ пива, поютъ:

Ай, ӥге бус окся—икь сом мар!	Эхъ, двѣ копѣечки—не два рубля!

Принявшій ковшъ съ пивомъ обязанъ пиво выпить, а дѣвушкамъ заплатитъ копѣйку или двѣ денегъ.

(¹) Этимъ невѣста намекаетъ на то, что скоро она голову свою будетъ повязывать женскимъ, а не дѣвичьимъ, уборомъ (чехломъ—волосникомъ).

(²) См. Словарь Н. Золотницкаго стр. 119 и дал.

(³) Приставка множественнаго числа *зэм* здѣсь ставится въ знакъ уваженія. См. Корневой Чувашско-Русск. Словарь Н. Ив. Золотницкаго, стр. 235.

Когда невѣста переберетъ всѣхъ родныхъ и пришедшихъ смотрѣть сватьбу, свита женихова, захлопавъ въ ладоши, выкликаетъ: хайт, хайт, хайт!

По этому сигналу выступаютъ на средину избы двѣ дѣвушки и пускаются плясать, хлопая въ ладоши и приговаривая:

Сябах парза—ямыбыр; хамырба перьлэ ильзайолыбыр!

(Если хотите) такъ отдать—не пустимъ мы; (захотите) вмѣстѣ съ нами взять—мы останемся!

Чрезъ нѣсколько времени, той бозе, вставъ на ноги, заявляетъ:

Сумзыбэ сывлаган, кочс-бэ шуваган, айдыр дуя!

Гнусари (и) сидни—ползуны, идите (съ нами) на пиръ!

Камын хошпу сьок, кышкар тыгныр; кибе сьокки-ажык тыгныр!

У кого *хошпу* нѣтъ—надѣвайте(*кышкар*) вьюшку (1); а рубахи нѣтъ—надѣвайте рогожу.

На это дѣвушки отвѣчаютъ:

Ай, чиберь аппазем (2) Марья бор!

Эхъ, есть (у насъ) красавица сестра (старшая=сударыня) Марья!

Ай, йысназем лайых Йыван бор!

Эхъ, есть пригожій (старшій сударь) зятюшка Иванъ!

Пирин аппа ай пить чиберь!

Эхъ, очень красива наша (сударыня) сестрица!

Пирин йысна ай чох чиберь!

Эхъ, (ужъ) сколь пригожъ нашъ (сударь) зятюшка!

---

(1) Кышкаръ—вьюшка изъ лубка, употребляется для навивки пряжи.

(2) Приставка зем и названіе жениха и невѣсты старшими употребляется въ знакъ уваженія.

Пропѣвъ эту пѣсню нѣсколько разъ, дѣвушки прощаются съ невѣстой и уходятъ, а невѣста, одѣвшись въ подвѣнечный нарядъ, входитъ въ избу и, подойдя къ печкѣ, говоритъ:

Айда, хирт сорт, хамба перьлэ! — Пойдемъ, кикимора, со мною вмѣстѣ!

При чемъ отламываетъ отъ печки кусочекъ глины.

Затѣмъ, невѣста начинаетъ прощаться съ отцемъ и матерью.

По выходѣ изъ избы, взобравшись въ поѣздную кибитку, невѣста причитаетъ:

Сыв полыр да борныр! — Будьте здоровы, поживайте!

Манын вара ыра корыр! — Послѣ меня (меня проводивши) будьте благополучны!

Поѣздъ тронулся.

Вслѣдъ за невѣстой (хйрь хыссын) отправляются и ея родственники, за исключеніемъ отца съ матерью.

За полевыми воротами, въ полѣ, поѣздъ останавливается и совершаетъ сьол хаяре чильги.

По въѣздѣ невѣсты во дворъ жениха отъ вѣнца, чрезъ повозку ея съ крыльца жениховой избы перебрасывается какая нибудь бросовая деревянная посуда, наполненная мукой, солодомъ и хмѣлемъ съ куринымъ яйцомъ; затѣмъ къ кибиткѣ подходитъ который-либо изъ младшихъ братьевъ жениха и до 3-хъ разъ приподнимаетъ и опускаетъ спущенную изъ кибитки ногу невѣсты, что по чувашски называется *йпран сыклэс*. По разсказамъ, иной шалунъ, на потѣху публики, производитъ эту операцію такъ, что невѣста приходитъ въ конфузъ, а публика хохочетъ.

Если невѣста больна глазами, то ее провозятъ во дворъ жениха съ задовъ, для чего тамъ нарочно разбирается прясло; въ разобранномъ промежуткѣ растилается, поперекъ, *сорбанъ*, ставится корыто съ водой,

кладутся камни и разводится огонь; затѣмъ йомзя читаетъ молитву:

Е бисьмэллэ! Перь Тора анбрах! Карда осьса кӳрдэтпер вурман видерь, шыв видерь, вот орлы. чол орла; сьуза, тазатса, шылза, сьондарза кӳрдэтпер. Сяк кинень козь, шор сорбан-бэк тазалза, тьӳрлэньзэ кайдыр (1)!

Во имя Бога! Единъ Богъ не оставь! Растворивъ ограду, вводимъ мы (молодую) сквозь лѣсъ, сквозь воду, чрезъ огонь и чрезъ камни; умывши, очистивъ, вытерши и выжегши, вводимъ мы (ее). Да очистятся, какъ бѣлое (чистое) полотно, и испѣлятся совершенно глаза этой (пришлой) молодушки!

Въ Абызовскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда, по сообщенію М. Дмитріева, какъ только женихъ съ невѣстой отъ вѣнца подъѣдутъ къ крыльцу женихова дома, младшій жениховъ братъ подводитъ къ нимъ предназначенную отцемъ въ подарокъ лошадь и поводъ отъ надѣтой на нее узды вручаетъ жениху. Этотъ послѣдній беретъ поводъ, обернувъ предварительно руку полой надѣтаго на немъ кафтана, и передаетъ его своей молодой, которая принимаетъ также обернувъ руку полой кафтана. Принявъ поводъ, молодая три раза по солнцу обходитъ съ лошадью вокругъ собравшагося поглядѣть молодыхъ народа и затѣмъ дѣлаетъ три земныхъ поклона (кому?). Обрядъ этотъ называется „таянчик тыттарыс“, т. е. подарокъ давать. Для подарка молодымъ предпочтительно выбираются кобылицы. Отецъ и мать жениховы, въ ожиданіи входа молодыхъ, во время описанныхъ дѣйствій, сидятъ въ избѣ за крегере-свадебнымъ столомъ.

(1) Случай провоза невѣсты съ больными глазами по задамъ, разсказывали мнѣ чуваши, былъ въ дер. Тогаевой, Бичуринскаго прихода, но безъ описанныхъ церемоній, послѣ чего больноглазая осталась все-таки таковой же.

По отъѣздѣ невѣстиныхъ родственниковъ обратно домой, сваха или йомзя ведетъ молодую на ключъ куда съ ними, кромѣ публики, отправляется еще особо выбираемая дѣвочка лѣтъ 10 — 15. Молодая на ключъ идетъ съ коромысломъ, а сваха съ тремя, положенными въ чашку, калабашками и сыромъ. На ключѣ дѣвочка до 3-хъ разъ зачерпываетъ ведро, а молодая столько же разъ это ведро правой ногой опрокидываетъ. Сваха въ это время читаетъ молитву, или какъ выражается А. Егоровъ: „все бормочетъ что-то непонятно". Окончивъ молитву, сваха отламываетъ по кусочку отъ принесенныхъ яствъ и даетъ молодой. Послѣдняя, съѣвъ кусочки, даритъ чѣмъ-нибудь черпавшую ей воду дѣвочку и затѣмъ, поднявъ коромысло съ ведрами воды на плечи, идетъ домой. Въ это время, сопровождающая молодую, публика забѣгаетъ ей на встрѣчу и кричитъ: *Салам пар*! — отдай почтеніе (поклонись!)! Кланяться молодая обязана столько разъ, сколько потребуетъ публика (¹).

Изъ принесенной воды молодая тотчасъ же начинаетъ готовить салму. Когда салма сварится, сваха приказываетъ срубить яблонный кустъ съ 3 сучками, на которые втыкаетъ по одной салминкѣ (катышку изъ тѣста) и вручаетъ кустъ особо выбранному мальчику. Послѣдній съ кустомъ начинаетъ плясать; при чемъ до 3-хъ разъ приближается къ молодой и каждый разъ спрашиваетъ ее:

Инге салма сійэт' не?—	Тётинька, кушаешь ли ты салму?
Эс сійн-дэ, эпь памып!	Ты кушаешь, да я не дамъ!

(¹) Въ деревнѣ Чирш-Туэй (2-я Тоиза) мнѣ довелось лично видѣть, какъ мальчики перегородили молодушкѣ съ ведрами дорогу уздами, связанными и протянутыми поперегъ на самомъ выходѣ молодушки изъ подъ горы и не пропускали ее, требуя за то денегъ, до тѣхъ поръ пока сваха, упершись въ преграду, не вынудила ихъ концы уѣзды выпустить изъ рукъ.

Какъ только молодая салминки съ куста сниметъ и съѣстъ, мальчикъ кустомъ снимаетъ съ нее фату (пӱрыэньчек) и уноситъ послѣднюю въ клѣть, а сваха, подойдя къ молодой, говоритъ:

Халь иньде эз сьине сьын полдын, сыра ись-терь!

Теперь ты стала молодушкой, потчуй же пивомъ!

Насытивъ гостей до пьяна, молодая, въ сопровожденіи свахи, отправляется въ клѣть, гдѣ приготовлена брачная постель.

Въ Абызовскомъ приходѣ, по сообщенію г. Дмитріева, по входѣ со двора въ избу обрученные уже женихъ съ невѣстой становятся подлѣ печки, промежъ двухъ свахъ по бокамъ, при чемъ головы ихъ тотъ часъ же накрываются (кѣмъ?) сорбаномъ и войлокомъ, затѣмъ начинается (кѣмъ?) варка молочной салмы (салма яшки). Пока салма варится, въ избѣ происходитъ пляска. Какъ только салма сварится, младшій братъ жениха поддѣваетъ на заготовленную имъ деревянную вилочку двѣ салминки и, держа ихъ въ рукѣ на вилкѣ, начинаетъ плясать. Во время пляски онъ до трехъ разъ приближается къ жениху съ невѣстой и, поднося имъ ко рту салму на вилкѣ, каждый разъ спрашиваетъ, какъ и въ Масловой: инге, салма сійэт-не? Пичче (братецъ), салма сійэт-не? Послѣ третьяго раза, давъ имъ въ ротъ салму, онъ снимаетъ съ ихъ головъ войлокъ, сорбанъ и (съ невѣсты) пӱргенчик (фата, холщевая простыня), подъ коимъ невѣста находилась во всю сватьбу. Сорбанъ и пургенчик братъ женихов уноситъ въ анбаръ и тамъ зарываетъ въ муку, а изъ анбара приноситъ въ чашкѣ муку, которою обсыпаетъ новобрачныхъ. Весь описанный обрядъ называется: хачмак ильны.

На брачное ложе въ Абызовскомъ приходѣ приводитъ молодыхъ мун крю т. е. старшій дружка, при чемъ беретъ съ собой въ назначенное помѣщеніе пива, коровай хлѣба и сырецъ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, новобрачные молятся Богу, а затѣмъ молодая въ знакъ покорности на-

чинаетъ разувать своего молодаго мужа. Въ знакъ любви молодой въ обувь кладетъ какую-либо серебряную монету—до рубля, которую молодая беретъ себѣ.

По сообщенію М. Ѳ. Ѳедорова, обычай класть въ обувь для молодой деньги существуетъ и на его родинѣ, въ Бичуринскомъ приходѣ Чебоксарскаго уѣзда.

Въ Байтеряковскомъ приходѣ, Тетюшскаго уѣзда, по словамъ Доброхотова, чувашинъ — отецъ, задумавшій женить сына на дочери извѣстнаго ему крестьянина, чтобы узнать, на сколько дѣвица хороша, какъ по наружному виду, такъ по уму и по характеру, начинаетъ слѣдить за ней вмѣстѣ съ своей женой, гдѣ нибудь въ гостяхъ, а самъ женихъ—въ хороводахъ; если дѣвица понравилась,—начинаютъ ее сватать чрезъ особо выбираемое лицо, хорошо знакомое семейству невѣсты. Въ условленный день отецъ жениха съ матерью и сватуномъ отправляются въ жительство невѣсты, гдѣ, остановившись у кого либо изъ знакомыхъ, посылаютъ въ домъ невѣсты сватуна. Послѣдній, по приходѣ къ невѣстѣ, ставъ подъ матицу съ ременнымъ кнутомъ (сала́мат) въ рукѣ, послѣ обычнаго привѣтствія, заявляетъ: у васъ есть дочь—невѣста, а у меня—женихъ, сынъ такого-то крестьянина; если желаете отдать за него вашу дочь, — отдайте. Отвѣтъ на это всегда бываетъ уклончивый, въ родѣ: подумаемъ, да спросимъ свою дочку; если она будетъ согласна—увѣдомимъ. Въ ожиданіи отвѣта, сватунъ уходитъ. Вслѣдъ за его уходомъ родители невѣсты тотчасъ-же начинаютъ совѣщаться, при чемъ, уговорившись сами, призываютъ дочь и спрашиваютъ ея согласіе. Получивъ отъ нее утвердительный отвѣтъ, посылаютъ кого-либо изъ семейныхъ извѣстить сватуна о согласіи. Явившійся вторично сватунъ, повторивъ первое свое предложеніе и удостовѣрившись въ согласіи непосредственнымъ спросомъ, подходитъ къ невѣстѣ и ударяетъ ее по спинѣ кнутомъ для того, чтобы во 1-хъ дѣло не разстроилось, а во 2-хъ, чтобы невѣста, отказавшись, не могла

выйти за другаго жениха. Послѣ этого, приглашаются родители жениха и между ними и родителями невѣсты начинается уговоръ о калымѣ за невѣсту, днѣ сватьбы и другихъ предбрачныхъ условіяхъ.

Ко дню сватьбы въ домахъ жениха и невѣсты приготовляется отъ 100 — 200 ведеръ пива и рѣшается вопросъ, кого пригласить на сватьбу и выбрать въ дружки. Послѣднихъ, съ жениховой стороны, изъ числа родственниковъ его, выбирается отъ 5—6; одинъ изъ нихъ—главнымъ руководителемъ свадебнаго пиршества.

Пиршество начинается съ того, что старшій братъ жениха, по приказанію отца и матери, въ условленный день отправляется, въ сопровожденіи своей жены, съ ведромъ пива по тѣмъ лицамъ, коихъ рѣшено было пригласить на сватьбу и дѣйствительно приглашаетъ ихъ. Послѣ заката солнца, всѣ приглашенные, нарядившись въ свадебные наряды, собираются къ жениху, отъ коего, угостившись, переходятъ къ старшему дружкѣ и т. д.

Въ домѣ невѣсты пиршество начинается точно также, только нѣсколько раньше, потому что невѣсту нужно предварительно выучить причитать подъ покрываломъ. Для этого приглашается какая-либо, хорошо знающая причитанья, женщина, которая, сидя рядомъ съ невѣстой, диктуетъ ей что нужно.

Въ то время, какъ невѣста учится причитать, подруги ея, хлопая въ ладоши, поютъ и пляшутъ.

Послѣ того, какъ невѣста изучитъ причеты, ее кто-нибудь на рукахъ переноситъ въ избу, гдѣ она сажается на перину, занавѣшивается занавѣсомъ изъ ея рукодѣлья и, окруженная подругами, ждетъ пріѣзда женихова поѣзда.

Между тѣмъ родственники жениха, посѣтивъ другъ-друга, начинаютъ собираться въ поѣздъ за невѣстой, что бываетъ обыкновенно къ вечеру. — Прежде всѣхъ пріѣзжаютъ къ жениху верхомъ на осѣдланныхъ лошадяхъ дружки, одѣтые, какъ и женихъ, въ казинето-

вые или суконные кафтаны и кожанные сапоги; въ рукахъ у нихъ у каждаго по ременному кнуту.

Отправившись въ путь, поѣздъ на границѣ своей земли останавливается, распиваетъ тутъ часть взятаго съ собой въ бочкѣ пива и минутъ черезъ 10-ть ѣдетъ далѣе. Въ деревнѣ невѣсты поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ сватуна, откуда, по приглашенію невѣстиныхъ родителей, переѣзжаетъ къ нимъ. Женихъ и дружки, въѣхавъ во дворъ невѣсты, тотчасъ же начинаютъ хлыстать имѣющимися у нихъ въ рукахъ кнутами ворота, заборъ и проч., а вошедши въ избу — приготовленную для ихъ сидѣнья у двери перину; другіе члены поѣзда разсаживаются въ избѣ впереди, вокругъ большаго стола, за которымъ, рядомъ съ ними, располагаются и родители невѣсты. Лишь только всѣ размѣстятся, невѣста съ своего мѣста передъ печкой начинаетъ распѣвать:

Ай-хай, ыра тованзем, атте!

Эй вы, добрые родственники (подруженьки), батюшка!

Ай-хай, ыра тованзем, эпь епле сан-дан ой— рылза каипши!

Эй вы, добрые родственники, какъ я разстанусь съ вами!

Ай-хай, ыра тованзем, атте!

Эй вы, добрые подруженьки, батюшка!

Старшій дружка съ товарищами въ это время подходитъ къ ея отцу и матери и подаетъ имъ по чашкѣ пива, взявъ тоже и себѣ въ руки, дружки встаютъ передъ ними на колѣна, при чемъ старшій говоритъ стишекъ (такмак):

Сяк хозяин вугри бор,

У этаго хозяина есть быкъ,

Вул хапха-ран киреймес,

Онъ въ ворота не можетъ пройти,

Хуме сутсе курдессе.

Изломавши заборъ, его вводятъ (впускаютъ).

Онн перь мыйраги серь чавать,	Однимъ рогомъ онъ землю роетъ,
Тебри пӯлӯт чавать.	А другимъ небо роетъ.
Сяк хозяни перь пички пор,	У этаго хозяина есть одна бочка,
Перь поккинь-чень пыл югать,	Изъ одного ея гвоздя медъ течетъ,
Тебри поккинь-чень сра югать.	Изъ другаго пиво льется.

Произнесши этотъ стишекъ, дружки встаютъ на ноги и, выпивъ чашки съ пивомъ, садятся на мѣсто, а семейные невѣсты начинаютъ угощать гостей. Дружки въ это время заводятъ пѣсни.

1.

Ологорам сюле ту сине,	Поднялся на высокую гору,
Вилердем хора сюлень.	Убилъ чернаго змѣя.
Тиринь-чень шлепке сяптардым,	Изъ кожи его шляпу сшить заказалъ,
Херрипе вон икке ярабай ярдардым.	По краю ея 12 кисточекъ разувѣшать попросилъ.
Вул манн—кон сюды;	Она для меня—дневной свѣтъ;
Сяк тандышсем-бе перле ползан, манн чон сюды.	Въ числѣ этихъ сверстниковъ я краше всѣхъ.

2.

Малдан сюземе вырысла кастардым,	Спереди свои волосы я порусски подстригъ,
Традавра уга костардым,	Вокругъ золотистой ленточкой ихъ обвилъ.
Сяга ялын хирезе,	Здѣшней деревни дѣвицъ
Хам коземран сӧхрым чоптардым.	Моимъ взоромъ я заставилъ ихъ версту бѣжать (за мной).

Сöхрым чопса лартмарым,
Тотыр парзан тинь лартрым.

Пробѣжавши версту, я ихъ не посадилъ,
А давши платокъ едва посадилъ.

3.

Хозяндан ильне хора лажа
Хора сюмўрть сидерзе самытрым,
Мердень видэрь пив иеьтэрдым,
Кось киськи видэрь пыхтардым.
Сяга ялын хирезе хам козем-ран
Пыхтарза торатрым.

Въ Казани купленную воронную лошадь
Я черной смородиной раскормилъ,
Сквозь кораллы водой напоилъ,
Къ зеркалу смотрѣть ее приманилъ.
Взоромъ своимъ этихъ деревенскихъ дѣвушекъ
Предо мною смотрѣть привлекъ.

4.

Хрегень кильдэмер хирь ильме,
При кильче арым ильме,

Насъ сорокъ человѣкъ пріѣхало за дѣвицею,
Одинъ пріѣхалъ за женой.

5.

Пром-пром пусмазэ

Эбирь пусмазыр, кам пузас?
Авалдан килегень сьорта
Эбирь кильмезыр, кам килес?

На извиленную лѣстницу вокругъ столба
Мы не наступимъ, такъ кто наступитъ?
Въ издревле пріѣзжаемый домъ
Мы не пріѣдемъ, такъ кто пріѣдетъ?

Одновременно съ пѣснями начинаются музыка и, подъ звуки скрипки, пляска. Пляшутъ по очередно парами—дружки съ подругами невѣсты, а ждущіе этой

очереди хлопаютъ въ ладоши и притопываютъ ногами.

На другой день жениховъ поѣздъ отправляется въ гости по родныхъ невѣсты. Посѣтивъ ихъ, поѣздъ передъ закатомъ солнца отправляется въ церковь, куда вслѣдъ невѣста, уложивъ свое имущество въ экипажъ свой, ѣдетъ съ своими родственниками, за исключеніемъ отца съ матерью. вообще всѣхъ стариковъ и старухъ, для которыхъ отъ жениха послѣ свадьбы бываетъ особое приглашеніе.

Пріѣхавъ отъ вѣнца во дворъ жениха, невѣста не выходитъ изъ своей кибитки до тѣхъ поръ, пока одна изъ сестеръ жениха не потреплетъ ее за ноги: это дѣлается, по словамъ Доброхотова, для того, чтобы хорошо родились ленъ и конопель (¹). Перенесенная послѣ этаго изъ кибитки въ избу на рукахъ, она сажается, какъ и у роднаго отца, передъ печкой на перину, на которой, вмѣсто подругъ рядомъ съ ней усаживаются сопровождавшіе ее къ вѣнцу родственники, и начинаетъ завывать. Въ самый разгаръ пиршества къ новобрачной внезапно подходитъ съ трехзубчатой палочкой какой-либо молодой человѣкъ и сдергиваетъ съ нее покрывавшее до сихъ поръ ее покрывало, послѣ чего она остается въ одной хошпу на головѣ. Въ это же самое время присутствующая молодежъ, приплясывая и махая руками, высыпаетъ изъ рукавовъ кафтановъ и рубахъ заранѣе насыпанную туда ржаную муку, отчего въ избѣ подымается пыль столбомъ. Какъ только пыль усядется, родители жениха начинаютъ благословлять новобрачныхъ, говоря:

Ывылым, кинем, аван полар! — Сынокъ и невѣстушка, перне-при хизеп- будьте исправны! другъ

(¹) У чувашъ дочери въ первый годъ замужества зимнюю пропорцію льна и конопля получаютъ отъ своихъ родителей изъ общаго семейнаго посѣва. Доля эта выдается имъ снопами, за которыми онѣ отправляются вмѣстѣ съ мужьями по окончаніи жнитва, передъ тѣмъ какъ конопель класть въ мочку. Ко времени ихъ пріѣзда, для угощенія ихъ, родителями молодой варится пиво.

лер! ача-пчала полар, поян-да полар! Пегиль сире!

друга уважайте! имѣйте дѣтей и будьте богаты! Благословеніе вамъ!

На другой день послѣ вѣнца брачный пиръ возобновляется, при чемъ въ этотъ день передъ полднями молодая даритъ родственниковъ молодаго, которые, въ виду этаго, садятся по старшинству за столъ. Подарки молодая раздаетъ въ сопровожденіи той родственницы, которая наканунѣ сидѣла съ ней на перинѣ,—кому красную рубашку, кому сорпанъ и т. д. Послѣ раздачи подарковъ, пріѣхавшіе съ молодой родственники ея отправляются въ гости къ родственникамъ молодаго. Пока они тамъ пируютъ, семейные молодаго къ вечеру устраиваютъ середи двора на чурбанахъ четвероугольникомъ лавки, промежъ коихъ раставляются двѣ кадки съ пивомъ и столы съ яствами (шылык). По возвращеніи ихъ обратно въ домъ молодаго, молодая снова накрывается покрываломъ и, подходя къ каждому изъ своихъ родственниковъ, обнимаетъ ихъ и плачетъ; тоже она дѣлаетъ затѣмъ и съ лошадьми, на которыхъ пріѣхала. Этимъ и оканчивается въ Байтеряковскомъ приходѣ свадебное пиршество.

Здѣсь, кстати, я позволю указать неточность въ объясненіи В. А. Сбоевымъ одного свадебнаго обряда у Чувашъ.

Въ нѣкоторыхъ приходахъ во 2 станѣ Чебоксарскаго уѣзда женихъ съ невѣстой отправляются изъ церкви послѣ вѣнца со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ въ домъ жениха; въ другихъ мѣстностяхъ на оборотъ, обрученные послѣ вѣнца разъѣзжаются по своимъ домамъ. Этотъ-то послѣдній случай г. Сбоевъ описываетъ и объясняетъ такъ. „Въ настоящее время брачный поѣздъ совершается не вездѣ одинаково: индѣ бываютъ поѣзды малый и большой,—дѣленіе, которое прежде было вовсе не извѣстно. Малый поѣздъ есть просто поѣздъ жениха и невѣсты со свидѣтелями въ церковь для бракосочетанія, поѣздъ

тихій, скромный, трезвый, не сопровождающійся никакими особенными церемоніями. По окончаніи бракосочетанія, молодая ѣдетъ въ свой домъ, а женихъ — въ свой. Я думаю, что наше православное духовенство особенно содѣйствовало и благопріятствовало учрежденію этаго малаго поѣзда, замѣтивъ въ большомъ нѣкоторые слѣды язычества и не желая, чтобы таинство христіанское совершалось надъ пьяными и при пьяныхъ свидѣтеляхъ. Это отдѣленіе христіанскаго обряда и таинства отъ шумныхъ оргій дѣлаетъ честь попечительности и заботливости духовенства—о своей паствѣ".

Очень можетъ быть, и дѣйствительно Чуваши установили, такъ называемый г. Сбоевымъ малый поѣздъ подъ вліяніемъ духовенства, но, несомнѣнно, съ цѣлью безпрепятственнѣе совершить неизбѣжный большой поѣздъ для переѣзда молодой въ домъ своего супруга. Жаль только, что и съ учрежденіемъ малаго поѣзда не уничтожился древній обычай оставлять молодую послѣ брака въ родительскомъ домѣ, какъ это дѣлается у единоплеменниковъ Чувашъ—Татаръ.

У Татаръ,—разсказывалъ мнѣ одинъ татаринъ—мухаммеданинъ деревни Янгильдиной (Карамышева), въ день поѣздки его сына за своей молодой супругой,—послѣ того, какъ надъ женихомъ и невѣстой мулла прочитаетъ брачную молитву, съ какого момента бракъ между ними считается заключеннымъ, молодая извѣстное время, недѣль 6, остается въ домѣ своихъ родителей, гдѣ молодой навѣщаетъ ее, какъ супругъ. Переѣздъ молодой изъ дома ея родителей въ домъ молодаго въ условленный день совершается неиначе, какъ въ сопровожденіи родственниковъ молодаго, пріѣзжающихъ на нѣсколькихъ тройкахъ съ колокольцами въ кибиткахъ. Молодая передъ отъѣздомъ, какъ и у Чувашъ, прощается съ остающимися дома родственниками и однодеревенцами. Въ ожиданіи пріѣзда молодой, какъ мнѣ далѣе довелось видѣть лично, во дворъ мухаммеданина собралась любопытная публика, особенно много мужчинъ, коимъ хозяинъ выставилъ, по обычаю,

бочку пива. Въ благодарность за это мущины подъ гармонику завели на дворѣ пляску. Лишь только поѣздъ съ молодой въѣхалъ во дворъ, къ кибиткѣ, въ которой сидѣла молодая, подошла тетка молодаго съ заранѣе приготовленной полной чашкой коровьяго масла. Что она дѣлала съ этой чашкой, вслѣдствіе наступившей темноты и суматохи, произшедшей отъ окружившей молодую толпы,—ни видѣть, ни распросить мнѣ не удалось. Изъ кибитки молодая была переведена родственницами молодаго въ особо-приготовленную для нее комнату, а сопровождавшіе ее родственники мущины отправились въ комнату отца молодаго, гдѣ имъ былъ поданъ самоваръ. Вскорѣ къ нимъ явилась мать молодаго и начала развѣшивать на проволоку, протянутую подъ потолкомъ, поперегъ комнаты близь средины ея, привезенное молодой нижнее мужское бѣлье, а по стѣнамъ на протянутыя бичевки—красно-клѣтчатыя салфетки, вдоль косяковъ оконъ—бѣлыя холщевыя съ красными концами полотенца. Салфетки и полотенца у богатыхъ татаръ висятъ въ комнатахъ на упомянутыхъ мѣстахъ и въ обыкновенное время. Такъ дѣлается между прочимъ и у Ижорянъ подъ Петербургомъ (1). Вслѣдъ за матерью вбѣжали младшіе братья молодаго и начали показывать отцу только что полученные ими отъ молодой подарки.

На другой день пріѣзда молодая водится у бѣдныхъ, какъ и у Чувашъ, съ ведрами на ключь за водой, изъ которой затѣмъ приготовляетъ салму.

По магометанскому закону свекоръ не долженъ видѣть лица своей невѣстки во всю свою жизнь, но этотъ законъ, по словамъ разскащика, соблюдается съ грѣхомъ—по поламъ только у богатыхъ, имѣющихъ по два жилыхъ покоя; у бѣдняковъ же невѣстки начинаютъ показываться свекрамъ очень скоро, у нѣкоторыхъ—черезъ мѣсяцъ, черезъ два и даже не только показываться, но и ругаться съ ними. Въ обычаѣ закры-

(1) Еженедѣльникъ. 1874 г. № 51.

вать лице отъ свекра Г. Жиро Тёленъ видитъ остатокъ реакціи противъ существовавшаго въ первобытныя времена коммунизма половъ и кровосмѣшенія (1). А. Ѳ. Риттихъ съ обычаемъ татарокъ закрывать лице передъ мужчинами сопоставляетъ обычай чувашекъ не показываться передъ мужчинами съ босыми ногами (2); но въ Чебоксарскомъ уѣздѣ замужнія чувашки считаютъ не менѣе неприличнымъ показываться передъ ними и съ голой головой—безъ чалмы (головной повязки).

Въ заключеніе свадебныхъ обрядовъ, приведу нижеслѣдующую пѣсню, сложенную, по народнымъ сказаніямъ, одной чувашской дѣвушкой, выданной братьями противъ ея согласія въ замужество за Черемисина. Пѣла-де она ее, сидя на берегу Волги и, какъ только кончила, бросилась съ лодки въ воду и потонула.

Ай, аттезэм, аннезэм!
Аттем, аннем пулмаре де,
Мана да ыра кунзэм пулмаре.
Алгах ядым,—потмаре,
Мерчень ядым,—йохмаре,
Хурын—сьырлы письнэ чух,
Хурындаш зенчэнь уйрчесь;
Сьир—сьырлы письнэ чух,

Эхъ, батюшка, матушка!
Не стало моего батюшки, моей матушки,
Не стало у меня и добрыхъ дней.
Жемчугъ (въ воду) опустила,—не потонулъ,
Кораловыя бусы опустила,—не потекли (не посыпались).
Земляника когда поспѣла,
Отъ родственниковъ отдѣлили;
Клубника когда поспѣла,

(1) Происхожденіе семьи. О состояніи общества до патріархальнаго періода. Прилож. къ Журн. Знаніе за 1876 годъ. Стр. 53.

(2) Матеріалы для Этнографіи Россіи. Казанская губернія. Казань. 1870 г. Ч. 2-я стр. 59.

Сьирьдэнь, шыв ран уйрчесь;
Танды — кӳпси ӳсьнэ чух,
Тандыш эенчэнь уйрчесь.
Ай, хай, чунзэм, сямрык чун!
Кандыр пегех ӳсьремер.
Пуза бегех уйрчесь.

Ай, аттезэм, аннезэм!

Ай, пиччезэм, йиныезем!
Эзыр мана курас сьук,
Эпь-те сире курас сьук.
Манын пусьри нухрадым
Адыл тӳпне сарылдыр!

Манын ӳмри кӳмуль тенге
Адыл тӳпне сьудылдыр!

От земли, отъ воды отдѣлили;
Бѣлоголовики (дягили) когда послѣли,
Отъ сверстниковъ отдѣлили.
Ай, хай, душенька, молодая душа!
Какъ конопель, мы росли (вмѣстѣ),
Какъ посконь (отъ конопля насъ) отдѣлили.
Эхъ, батюшка, матушка!
Эхъ, братецъ, невѣстушка!
Вы меня не увидите,
И я васъ не увижу.
Мои головные нохратушки
По дну Волги разсыпьтесь!
Мои нагрудные серебряные рублевики
На днѣ Волги свѣтитесь! (1).

Шарагатъ (Разводъ).

Когда женѣ не нравится мужъ, то она не послушаніемъ своимъ и капризами вынуждаетъ его къ разводу. У Чувашъ въ Белебеевскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, разводъ дѣлается такъ: мужъ и жена приглашаютъ, каждый съ своей стороны, въ посредники

(1) Пѣсня эта записана и доставлена мнѣ учителемъ — чувашиномъ села Тюрлемы, Чебоксарскаго уѣзда, Максимомъ Петровымъ Арзамасовымъ.

стариковъ для разбора обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ разводу, что называется шарагатъ. Шарагатчики до приступленія къ дѣлу, рядятъ себѣ за хлопоты вина съ виновной стороны. Сдѣлавъ подобныя условія, они первоначально раздѣляютъ между недовольными супругами дѣтей, если они есть, и имѣніе, потомъ выводятъ супруговъ на средину улицы, ставятъ другъ къ другу спинами и связываютъ ихъ кушакомъ. Затѣмъ шарагатчики со стороны мужа становятся въ линію по правую сторону, а со стороны жены — по лѣвую и дѣлается условіе, чтобъ не жить вмѣстѣ. Одинъ изъ шарагатчиковъ острымъ ножемъ перерѣзываетъ поясъ, связывавшій мужа съ женою и недовольные супруги, въ знакъ презрѣнія, въ то самое время, стараются пятами ногъ пнуть другъ друга въ задъ и бѣгутъ на рѣчку умыться, приговаривая: „какъ берега рѣки никогда не сходятся, такъ бы и мы не сходились". Послѣ того шарагатчики принимаются за попойку и тѣмъ разводъ не ужившихся супруговъ оканчивается и всѣ супружескія ихъ отношенія прекращаются (1).

Убѣжденіе въ возможности супружескаго развода, съ соблюденіемъ подобнаго приведенному обряда, по преданію, сохраняется и у Чувашъ Казанской губерніи. Такъ, между прочимъ, въ деревнѣ Масловой А. Егорова одна женщина увѣряла, что развестись съ мужемъ можно, только-де на судѣ нужно въ одинъ махъ разорвать сорбан (полотенце) сперва поперегъ, а потомъ каждую половинку—вдоль.

VI.

Христіанскія святыни, чтимыя Чувашами.

Изъ предшествовавшаго изложенія видно, что Чуваши, вопреки увѣренію г. Сбоева, далеко не забыли

(1) Мельшовъ. Этнограф. очеркъ быта и обычаевъ чувашъ.

своихъ „языческихъ боговъ“, а изъ послѣдующаго изложенія мы увидимъ, что они чисто по шамански обращаются и съ христіанскими святынями (1). Самымъ сильнымъ побужденіемъ къ перемѣнѣ шаманскаго міросозерцанія на христіанское для Чувашъ должны были служить организація изъ чувашскихъ селеній церковныхъ приходовъ, постройка въ послѣднихъ церквей и назначеніе притовъ. Но все это во 1) совершилось еще не особенно давно и окончено не повсемѣстно, во 2) русское духовенство до сихъ поръ слишкомъ еще поверхностно знакомо съ міросозерцаніемъ Чувашъ и ихъ говоромъ, и потому вниманіе духовенства обращалось на первыхъ порахъ особенно на соблюденіе Чувашами внѣшнихъ христіанскихъ обрядовъ. Отъ этаго, когда въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія Святѣйшій Сунодъ въ виду безуспѣшности принимавшихся до того мѣръ для просвѣщенія инородцевъ христіанствомъ, предписалъ Епархіальнымъ Архіереямъ озаботиться переводомъ священныхъ и вѣроучительныхъ книгъ на инородческія нарѣчія, вслѣдствіе чего и были выбраны священники—знатоки инородческихъ нарѣчій, то знатоки эти, какъ оказалось, чуждыя инородцамъ христіанскія понятія перевели (2) словами, заимствованными изъ ихъ же миѳологіи. Такъ, напр. слово пророкъ было переведено словомъ пигамбар, въ честь коего Чуваши и сейчасъ совершаютъ Кард' йыш путты; слово ангелъ—пӳлӳхсь (3) и т. д., а В. А. Сбоеву показалось, будто сами Чуваши Пигамбара передѣлали въ Георгія Побѣдоносца (4).

---

(1) Религіозное состояніе Чувашъ въ Цивильскомъ уѣздѣ (Казан. губ.). Л—ъ. Церковно-общественный Вѣстникъ 1877 г. № 87.

(2) Перечень переводовъ см. въ Запискахъ Г-жи Фуксъ. Стр 133—136.

(3) Замѣтки для ознакомленія съ чувашскимъ нарѣчіемъ. И. Золотницкаго.—Нѣсколько словъ о языкѣ, которымъ сообщаются истины Христіанской вѣры черемисамъ — Ф. Земляницкаго Изв по Казан. Епарх. 1871 г. № 12.—Практическія замѣчанія о переводахъ и сочиненіяхъ на инородческихъ языкахъ И. Ильминскаго. Прав. Собесѣд. 1871 г. Мартъ.

(4) Изслѣдованіе объ инородцахъ В. А. Сбоева. Стр. 58.

На основаніи 14 § Уст. Дух. Консист. Причты обязаны заботиться объ открытіи въ приходахъ школъ. Къ сожалѣнію, до послѣдняго времени духовенство обязывали трудиться въ школахъ безмездно, отчего усердіе духовенства слабѣло. Въ чувашскихъ селеніяхъ въ настоящее время довольно школъ, содержимыхъ или на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, или на средства Земства, въ которыхъ чувашскіе дѣти, раціонально обучаемые, по большей части учатся успѣшнѣе (имѣю въ виду смѣшанныя школы) русскихъ. Въ деревнѣ Чешлямѣ потомки жившаго въ ней некрещеная служилаго Чувашина Ишута, умершаго въ прошломъ столѣтіи, до послѣдняго времени учились грамотѣ самоучкой, другъ отъ друга. Такихъ же единичныхъ фактовъ мнѣ извѣстно и еще нѣсколько. На эти факты я желалъ-бы обратить особенное вниманіе въ виду мнѣнія Коммисіи Казанской Губернской Земской Управы по вопросу о введеніи обязательнаго обученія грамотѣ, инородцевъ отъ обязательности освободить, изъ опасенія въ противномъ случаѣ бунта?!...

Вторымъ побужденіемъ для Чувашъ къ перемѣнѣ ихъ шаманскаго міросозерцанія должны были-бы служить ихъ сношенія съ поселившимися въ ихъ средѣ Русскими, но Русскіе, поселившіеся среди Чувашъ въ самомъ незначительномъ количествѣ, какъ видно изъ сопоставленія ихъ обрядовъ съ чувашскими, явились на новое мѣстожительство съ такимъ міросозерцаніемъ, которое въ сущности ничѣмъ не отличается отъ чувашскаго, и потому не только не могли ничѣмъ повліять на міросозерцаніе Чувашъ, но даже по нѣкоторымъ вопросамъ сами до сихъ поръ подчиняются авторитету чувашскихъ йомзей (1). Въ деревнѣ Барскихъ Иссяхъ, Кармалинскаго прихода, напр., Русскіе, не имѣя ровно никакихъ понятій о христіанскомъ

(1) Сибирскіе шаманы и Чувашскіе йомзи IV прилож. къ Словарю И. И. Золотницкаго, стр. 166—172.

вѣроученіи, въ тоже время отлично знаютъ всѣ чувашскіе религіозные обряды, неопустительно присутствуя при ихъ совершеніи для даровой вышивки, и даже избы свои устроили на чувашскій ладъ — съ нарами вдоль передней стѣны, вмѣсто лавокъ. Чтобы не подвергнуться упреку въ преувеличеніи, я приведу слѣдующій фактъ, извѣстный мнѣ изъ оффиціальнаго источника. Въ 1865 году, по дѣлу о самовольной лѣсной порубкѣ, одному изъ Чебоксарскихъ Судебныхъ Слѣдователей понадобилось допросить въ качествѣ свидѣтелей 5 человѣкъ русскихъ крестьянъ изъ села Купникова. И вотъ, на обычные въ то время вопросы—бывалъ-ли допрашиваемый на исповѣди и у Св. Причастія, одинъ изъ допрашиваемыхъ, 45 лѣтній мужчина, отвѣчаетъ Слѣдователю, что онъ былъ не болѣе 5-ти разъ въ жизни, другой, столькихъ же лѣтъ,—2 раза, третій, 22 лѣтній парень, — только разъ передъ женитьбой, четвертый, 25 лѣтній холостякъ, — не былъ „отродясь“. Эти показанія Слѣдователь занесъ въ протоколъ допроса, а Чебоксарскій Уѣздный Судъ, по поступленіи туда дѣла, показанія крестьянъ передалъ, на основ. 17 ст. Уст. Дух. Конс., на разсмотрѣніе въ Казанскую Духовную Консисторію. Нѣсколько ранѣе тому же Слѣдователю на тотъ же вопросъ одинъ русскій крестьянинъ деревни Водолѣевки, Кушниковскаго же прихода, отвѣтилъ—не былъ на исповѣди и у причастія 14 лѣтъ сряду.

Кругъ знакомства крещеныхъ Чувашъ съ христіанскимъ вѣроученіемъ едва-ли не ограничивается только: 1) умѣньемъ изображать на себѣ крестное знаменіе; 2) знаніемъ, что по русской вѣрѣ праздничный день—Воскресеніе и 3) что въ среду и пятницу по русской вѣрѣ грѣхъ ѣсть скоромное, что однакожъ нигдѣ не соблюдается (1). Но если (разсказывали

(1) Матеріалы для географіи и статистики Казанской губерніи. М. Лаптева. Стр. 238—239.

мнѣ) въ татарскую уразу татаринъ застанетъ Чувашъ днемъ за пищей, то они (въ Ковалинскомъ приходѣ, Цивильскаго уѣзда) приходятъ въ сильное смущеніе отъ сознанія нарушенія ими татарскаго поста.

Вотъ напр. чувашскія названія важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ:

1) Пасха Мун гон—т. е. большой день (1). Въ селѣ Малой Шатьмѣ наканунѣ Мун гон Чувашки прячутъ до будущаго года свои прялки и обязательно вынимаютъ изъ сьупсей (кадушка съ крышкой и запоромъ) весь свой праздничный нарядъ для слѣдующаго дня.

2) Троица Сьӳльче прасникь т. е. праздникъ листьевъ.

3) Преображеніе Мун Оспажын—главные Госпожинки; въ Ядринскомъ уѣздѣ—Олма прасникь т. е. яблочный праздникъ.

4) Успеніе Удэ кине гон т. е. разговѣнье.

5) Воздвиженіе Сьулэнь эрни (змѣиная недѣля); въ Ядринскомъ уѣздѣ—Мар прасникь т. е. Маровскій праздникъ: это второе названіе отъ названія ярмарки въ селѣ Марахъ, Нижегородской губерніи, куда Чуваши Чебоксарскаго уѣзда возятъ для продажи хмѣль (2).

6) Рождество Раштав ойыхъ т. е. рождественскій мѣсяцъ; въ Ядринскомъ уѣздѣ Соргоры т. е. овечья нога.

7) Богоявленіе, Крещеніе Кыжарни кон—день зимней недѣли (3).

8) Благовѣщеніе Сьона брагас прасникь—праздникъ бросанія саней.

9) Вербное Воскресеніе Кычка прасникь—праздникъ почекъ древесныхъ.

---

(1) Сьолдалык книги (Календарь). Казань. 1874 г.

(2) Рус. Вѣд. 1868 г. № 9.

(3) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Крещеніе называется Тура шива кине купъ т. е. день вхожденія Бога (Іисуса Христа) въ воду.

Для остальныхъ двенадесятыхъ праздниковъ, если не ошибаюсь, нѣтъ у Чувашъ никакихъ названій. Въ этомъ отношеніи не безупречны и Русскіе. Въ селѣ Бѣловолжскомъ, напр. крестьяне не празднуютъ Срѣтеніе Господне; когда случается этотъ праздникъ въ субботу, то крестьяне, не смотря на праздникъ, топятъ бани, какъ въ обыкновенную субботу, что для другихъ праздниковъ считается большимъ грѣхомъ.

По словамъ А. Егорова, въ деревнѣ Масловой Чуваши хорошо знаютъ Семеновъ день (1 сентября), но кто это знаніе обнаружитъ передъ другими, тотъ—тогатмыш. Въ Семеновъ день Чуваши въ деревнѣ Масловой: 1) пекутъ пироги, чтобы зимой не голодать; 2) не пьютъ во весь день воды, чтобы зимой не зябнуть; 3) затыкаютъ мохомъ дыры въ избахъ и заваливаютъ завалины; 4) во весь день ходятъ въ шубахъ или кафтанахъ, хотя бы день былъ и теплый, для того, чтобы зимой жарко было (¹) и 5) хоронятъ мухъ, приговаривая:

Сырэ вилермэ сымень ятлы мор кильны; вилередыш сырэ, тигедыш; сяк тӳнченэ анйолыр; питтэр!	—Чтобы васъ умертвить пришелъ моръ, по имени Семенъ (т. е. Семеновъ день); васъ убиваю, хороню; не оставайтеть на этомъ свѣтѣ; пропадайте!

Семеновъ день—тулух т. е. сирота (²)

Ильинъ день въ этой же деревнѣ называютъ Чуваши по татарски—индзиль гоне, и по своему—паранга прасникь — картофельный праздникъ. Кто въ этотъ день начнетъ кушать картофель, у того онъ уродится крупный—и на оборотъ.

(¹) Въ др. мѣстахъ все это исполняется на Покровъ Пресвятыя Богородицы.

(²) О. Каменскимъ въ описаніи этого дня приведена чувашская пѣсня, намъ кажется, неумѣстно. См. Современные остатки..... Стр. 20.

Не смотря на то, что нѣкоторыя сельскія церкви въ чувашскихъ приходахъ построены, по преданію, изъ деревъ, вырубленныхъ въ киреметяхъ (въ селѣ Тогасвѣ, напр. изъ киремети Кардулàй), а въ нѣкоторыхъ на мѣстѣ даже самыхъ киреметей (въ селѣ Кучкеяхъ, Малые Тимирчи). Чуваши до сихъ поръ слишкомъ не охотно посѣщаютъ свои приходскіе храмы, предпочитая имъ часовни, нерѣдко удаленныя отъ ихъ жительства на нѣсколько десятковъ верстъ. Странность послѣдняго явленія, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ, что часовни большею частію стоятъ въ уединеніи, а это, какъ нельзя болѣе, благопріятствуетъ избѣжанію разныхъ неблагопріятныхъ встрѣчъ, — существенное условіе благопріятности молитвы при посѣщеніи киреметей; поэтому, временемъ выхода на поклоненіе христіанской ли святынѣ, или киремети Чувашами всегда выбирается полночь. Въ доказательство этого я приведу слѣдующій случай. Въ декабрѣ 1866 года въ деревнѣ Еметкиной (Кунэрь), Бишевскаго прихода, вслѣдствіе кражи въ ночи лошади, были задержаны ѣхавшіе не въ урочное время татаринъ деревни Янгильдиной (Карамышева) и чувашинъ деревни Малой Карачевой (Сядырга). Заподозрѣнные въ кражѣ лошади, и задержанные, оправдываясь, они показали, что, когда они подъѣзжали къ деревнѣ, то видѣли, какъ по оврагу подозрительно пробирался однодеревенецъ обокраденнаго. Этотъ послѣдній оправдываясь показалъ, что онъ, по случаю болѣзни дѣтей, пробирался по оврагу для совершенія чука въ киремети. Судебный Слѣдователь, не довѣряя показанію киреметника, произвелъ объ немъ и задержанномъ чувашинѣ съ татариномъ повальный обыскъ, на которомъ однодеревенцы запозрѣнныхъ единогласно показали, что у нихъ, Чувашъ, для жертвоприношенія киреметямъ дѣйствительно ходятъ ночью.

Прежде, чѣмъ отправиться на богомолье, Чуваши заготовляютъ деньги, нужныя какъ на покупку свѣчь, такъ и для приношенія духамъ. Деньги Чуваши укладываютъ на дворѣ въ разныхъ мѣстахъ, откуда передъ

самымъ уже выѣздомъ въ киремети и собираютъ ихъ, чтобы съ такими деньгами въ свою избу болѣе уже не возвращаться. Чуваши Бичуринскаго прихода, обмывъ въ холодной водѣ приготовленную для богомолья монету, завертываютъ въ тряпичку и затѣмъ наблюдаютъ, если доска, на которой лежитъ монета, затрещитъ, то, значитъ, духъ, которому обѣщано поклониться, требуетъ этаго; въ противномъ случаѣ поѣздка откладывается. Въ такомъ случаѣ иногда монеты подбрасываются другимъ. Нашедшій монету совѣщается съ йомзей, и если йомзя скажетъ, что она подброшена съ злонамѣренной цѣлью, долженъ ѣхать на богомолье обязательно. По разсказамъ, находка мѣдныхъ монетъ, каждый разъ сильно тревожитъ Чувашъ (1). Мѣсто и цѣль путешествія, кромѣ семейныхъ, хранится всегда въ глубокомъ секретѣ; но о цѣли путешествія въ дорогѣ всегда можно догадаться по уклончивому отвѣту путниковъ на вопросы встрѣчныхъ: куда идешь—каядыпске иду-ста... Въ Ядринскомъ уѣздѣ мнѣ извѣстно семейство одного священника, состоящее въ близкомъ родствѣ съ семействомъ священника села Ишакъ; изъ нихъ первое, зная, что приходскіе Чуваши часто ѣздятъ для богомолья въ Ишаки, постоянно проситъ ихъ извѣщать о времени поѣздки, но услужливые Чуваши всегда извѣщаютъ своего приходскаго батюшку и до сихъ поръ послѣ того, какъ вернутся изъ Ишакъ; при чемъ нерѣдко привозятъ оттуда своему пастырю поклоны отъ его Ишаковскаго родственника.

На обратномъ пути изъ Ишакъ или съ другаго богомолья Чуваши заѣзжаютъ всегда въ придорожныя часовни и киремети; такъ, напр., живущіе въ Яльчиковскомъ и Кучкѣевскомъ приходахъ, по рѣчкѣ Киперкѣ, на пути изъ Ишакъ заѣзжаютъ въ село Вагильдино (Йигыръ вар овраги близнецы), близъ Свіяжско-

(1) Преданія Чувашъ Бичуринскаго прихода и способы леченія у нихъ болѣзней. М. Ѳ. Изв. по Казан. епар. 1876 г. № 21.

Цивильскаго Почтоваго тракта, и затѣмъ въ киреметь въ лѣсу, извѣстномъ подъ названіемъ Кунàр (¹), между деревнями—Чирш-Тузя. Багильдинскаго прихода, и Акташ,—Кошкинскаго. Чтимая Чувашами Багильдинская святыня (икона св. Николая), по разсказамъ, находилась ранѣе въ лѣсу Кунар, гдѣ прежде стояла деревянная часовня (столбикъ), сгорѣвшая отъ зажженной свѣчи; это мѣсто Чувашами богомольцами и посѣщается въ настоящее время. Осенью 1867 года въ лѣсу Кунар случилось такое событіе. Чувашинъ деревни Акчуриной, Бичуринскаго прихода, на обратномъ пути съ богомолья изъ Цивильска, совершалъ заключительный чукъ у дуба, а однодеревенецъ его, ходившій въ это время по лѣсу съ ружьемъ за зайцами, заподозривъ въ одѣтомъ въ сѣрый кафтанъ богомольцѣ сѣраго волка, сдѣлалъ по нему выстрѣлъ и ранилъ. Раненный, опасаясь, какъ бы его не привлекли къ отвѣтственности за то, что онъ молился дубу—кириметн, даже никому самъ не заявлялъ о случившемся съ нимъ, а дѣло возникло лишь по заявленію сельскихъ властей. На обратномъ пути съ богомолья Чуваши наблюдаютъ новыя примѣты. Въ августѣ мѣсяцѣ (1874 г.), пишетъ А. Егоровъ, ѣхалъ я по своимъ дѣламъ въ Цивильскъ. Не далеко отъ города, мнѣ встрѣтился Чувашинъ. Лишь только я объѣхалъ его, какъ онъ началъ сбрасывать съ телѣги солому, приговаривая: посьнэ ботдыр! — будь на его голову! Вскорѣ попался и еще Чувашинъ, и я, не зная, что означало сбрасываніе съ телѣги вещей, слѣзъ съ телѣги и, остановивъ встрѣчнаго, спросилъ его объ этомъ. Онъ сказалъ:

Эзыр киль-килемэ каядыр, сявынба сыре хирьс ползан чирь легэть, ябала брахсан, — лекмэсть.

Если вы молиться ѣздите и вамъ на встрѣчу кто попадется, то можетъ приключиться болѣзнь, а

(¹) Мѣстность съ небольшимъ лѣсомъ, или кустарникомъ называется *Кунарь*.

Эпь перь сыннa илик тӳль полдым-ла. ача вильзэ кайре.

если бросить какую либо вещь, — не приключится. Я встрѣтилъ одного человѣка однажды, и у меня ребенокъ умеръ.

Отправляясь на поклоненіе христіанской святынѣ, въ село Ишаки, напр.. Чуваши отнюдь не имѣютъ въ виду отслужить, подобно Русскимъ, Черемисамъ нѣкоторыхъ мѣстностей (1), молебенъ, а поставить только свѣчку и высказать Богу свою просьбу нерѣдко въ формѣ угрозы (2); въ этихъ же видахъ Чуваши изрѣдка заглядываютъ и въ приходскіе храмы, при чемъ свѣчи непремѣнно ставятъ самолично, чтобы, при этомъ, самому предъ Богомъ высказать свои просьбы. — При этомъ нужно замѣтить, что Чуваши, ужь если ѣдутъ на богомолье, то имѣютъ въ виду поставить сразу свѣчей 10, 15, 20 (3). Ишаковскій храмъ посѣщаютъ даже и некрещеные Чуваши и Черемисы. По выходѣ изъ храма, Чуваши въ селѣ Ишакахъ ставятъ свѣчи и кладутъ деньги и куски хлѣба: у кирпичной часовни на оградѣ, у рѣзнаго Распятія (4), у наружной стѣны храма, на двери при входѣ подъ колокольню, у деревянной часовни на ключѣ, гдѣ, по преданію, былъ найденъ чудотворный образъ св. Николая (5) и т. д. и т. д. По словамъ приходскаго священника рѣзное Распятіе разъ было спрятано, но вслѣдствіе безпрерывныхъ спросовъ, куда оно дѣвалось, вновь выставлено; на дверь подъ колокольней Чуваши продолжаютъ ставить свѣчи и класть деньги только — потому, что въ этомъ мѣстѣ подъ старой колокольней стояла икона; вслѣдствіе еже-

(1) Будущее село Исменцы. Каз. Губ. Вѣд. 1874 г. № 73.

(2) См. Словарь Н. Ив. Золотницкаго, стр. 162—173.

(3) Рус. Вѣд. 1869 г. № 141.

(4) Такое же изображеніе находится въ Мариинскомъ Посадѣ и называется истиннымъ Іисусомъ. См. Словарь П. И. Золотницкаго, стр. 152.

(5) Рукописное описаніе этого обрѣтенія было взято одной барыней для прочтенія, какъ предполагаютъ г-жой Фуксъ, и не возвращено.

дневнаго громаднаго стеченія Чувашъ — богомольцевъ даже изъ Самарской и Оренбургской губерній въ иные дни нищіе Чуваши однихъ кусочковъ хлѣба успѣваютъ насбирывать цѣлые мѣшки, и затѣмъ насушиваютъ пудами сухарей для продажи.

Кромѣ села Ишакъ, въ Чебоксарскомъ уѣздѣ Чуваши посѣщаютъ для богомолья часовни:

1) Оползино — на правомъ берегу Волги, между выселками Чекурами и Кріушами, на землѣ Цивильскаго Тихвинскаго монастыря съ иконой Тихвинской Божіей Матери; у Чувашъ и Черемисъ она извѣстна подъ названіемъ Шырлан (т. е. крутой обрывъ берега). Часовню эту усердно посѣщаютъ Чуваши и Черемисы, какъ живущіе въ Чебоксарскомъ, такъ и сосѣднихъ Цивильскомъ и Царевококшайскомъ уѣздахъ. Зимой, какъ только пойдутъ по Волгѣ обозы, подлѣ дороги на ледъ ставится передвижная часовня изъ листоваго желѣза съ той же иконой и кружкой. Для наблюденія за приношеніями богомольцевъ живутъ понедѣльно на берегу въ деревянной крестьянской избѣ двѣ монахини и нанятой работникъ. Осенью монахини кромѣ того собираютъ съ богомольцевъ въ мѣстахъ ихъ жительства хлѣбъ.

2) Ильинскую — въ одной верстѣ отъ села Бѣловолжскаго на западъ, въ такъ называемыхъ, стрѣлкахъ, близь дороги въ село Бѣловолжское и въ Чувашскую деревню Тохташи (Шагыш). Посѣщаютъ часовню одни Чуваши и Русскіе. Въ часовнѣ замѣчателенъ огромный деревянный восьми-конечный крестъ, съ надписью сзади вязью подъ титлами: „Лѣта ЅСГ (1695 г.) году при державѣ благочестиваго государя царя і великаго князя Петра Алексѣевича всея Россіи при Преосвященномъ Тихонѣ, Митрополитѣ Казанскомъ, а поставилъ сей животворящей крестъ сего года по обѣщанію своему прикащикъ Даніилъ Гавриловъ въ вѣчное поминовеніе родителей своихъ мѣсяца мая а". Въ Ильинъ день изъ Бѣловолжской церкви въ часовню бываетъ крестный ходъ.

3) При Троицкомъ монастырѣ и Введенскомъ соборѣ въ Чебоксарахъ; изъ нихъ въ первой чтится Чувашами рѣзное изъ дерева изображеніе Николая Чудотворца, въ ростъ человѣка, извѣстное у Русскихъ подъ названіемъ Никола, пилёны ноги. Такія изображенія, въ предупрежденіе кощунства, воспрещается употреблять 123 ст. уст. о пред. и пресѣч. прест. (т. XIV), изд. 1857 г., но описываемое въ Чебоксарахъ стоитъ открыто и даже въ извѣстные дни носится въ числѣ иконъ по подгородным деревнямъ. Изображеніе это чтится и жителями Чебоксаръ. Въ дѣтствѣ, отъ квартирныхъ хозяевъ—мѣщанъ, мнѣ не разъ доводилось слышать разсказы, будто изображеніе это высѣчено изъ камня и приплыло въ Чебоксары неизвѣстно откуда по Волгѣ противъ теченія воды. По словамъ Чебоксарскаго корреспондента Голоса (1), къ этому изображенію Чуваши приходятъ судиться (?!).

Въ деревнѣ Масловой о Николаѣ Чудотворцѣ Чуваши говорятъ, что онъ во время распутицы (весной или въ концѣ осени), чтобы дорога черезъ Волгу укрѣпилась, Волгу колотитъ колотушкой; гдѣ еще не крѣпко,—ледяныя колья заколачиваетъ; и еще:

Никола Тора кизэ ситьсэнь, Адыл ларзан, обос кильзэнь, тыр хаге полеха.

Когда наступитъ праздникъ Николы—Бога (Святителя Николая), Волга встанетъ, пойдутъ обозы,—тогда цѣна на хлѣбъ установится.

4) Фоминъ ключь (2)—деревянная часовня въ кустарникѣ близъ деревни Пятиной, верстахъ въ 3 отъ Чебоксаръ. Въ истокъ ключа, надъ которымъ и устроена часовня, Чуваши бросаютъ деньги и яйца.

---

(1) Голосъ. 1872 г. № 143.

(2) Фуксъ. Записки о Чувашахъ... Стр. 42.

Наконецъ, въ деревнѣ Масловой Чуваши ходятъ молиться въ чужіе дома чужимъ иконамъ; такъ. напр. скажетъ йомзя больному, что у него, положимъ, глаза или уши заболѣли отъ того, что его Эндрей Торры тытны—Андреевъ Богъ заломалъ (схватилъ, поймалъ)—я не скрою, что здѣсь стоитъ имя А. Егорова, — и больной дѣйствительно отправляется къ хозяину иконы (Тора). Извинившись первоначально предъ послѣднимъ:

Эзыр мана кильнежѣнь ансиленэр, мана сирэнь Тора тытны, йомзя каларе кильдума!

Извините, что я пришелъ, меня вашъ богъ забралъ, йомзя велѣлъ помолиться!

и получивъ позволеніе, больной начинаетъ свою молитву:

Е бисьмелле! Йот Тора сьырлах, анбрах, казяр! Сан мана тытма ись сьок, ман хамын тора бор: эс мана андыт! Сьырлах, ажа казяр!

Во имя Бога! Чужой богъ помилуй, не оставь, пожалуйста прости! Тебѣ меня ломать дѣла нѣтъ (не твое дѣло), у меня свой богъ есть: ты меня не ломай! Помилуй, прости!

VII.

Хильеги иськe—Зимній пиръ.

Окончивъ благодарственныя моленья въ честь духовъ, способствовавшихъ урожаю хлѣбовъ, Чуваши начинаютъ затѣмъ угощать самихъ себя, для чего устраиваются у нихъ такъ называемыя иськe—попойка. Для попоекъ, по словамъ А. Егорова, кромѣ кушаній заготовляется ведеръ до 60-ти пива (¹) и вина, кто сколь-

(¹) Если нужно сварить густое пиво, то изъ одного пуда солода выгоняется густаго—12 ведеръ, а жидкаго 16-ть. Это послѣднее извѣстно у Чувашъ подъ названіемъ каяшъ сра послѣднее пиво, или жидкое и

ко можетъ. Въ самый день попойки для закуски на столъ ставятся: обыкновенный хлѣбъ, ячменныя или пшеничныя калабашки и япкà (супъ) въ деревнѣ Масловой съ „кобылятиной“ (кониной). Эти яства у Чувашъ не снимаются со стола во все время пира (1). На попойки, какъ и на религіозные праздники, созываются родственники и сосѣди, при чемъ первые всегда пріѣзжаютъ съ гостинцами: мужчины — съ боченкомъ пива, а женщины съ пирогами, картофельными ватрушками, лепешками, кислой капустой, огурцами и т. д. (2). Какъ только родственники сойдутся и съѣдутся, дѣти разсылаются по деревнѣ созывать сосѣдей и пріятелей. Посланные, придя въ домъ, говорятъ:

Сра исьмэ быр! Иди пиво пить!

На это имъ отвѣчаютъ:

Тавах ыра сумага! Спасибо на добромъ словѣ!

Зовущіе, возразивъ: „Тав мар—ыырза изэр“! уходятъ звать другихъ. Не спасибо, а идите—пейте!

шыв сры, а у духовенства подъ названіемъ пшатка, вѣроятно отъ йыват тихой.... Въ Ядринскомъ уѣздѣ пиво варится на дворахъ въ чанахъ, а въ Чебоксарскомъ—въ избахъ въ корчагахъ.

(1) По поводу этаго обычая А. Егоровымъ разсказанъ слѣдующій случай. Въ январѣ 1876 года приходскій причтъ, пріѣхавъ въ деревню Семенчину славить, засталъ въ одномъ домѣ моленье пивомъ; въ числѣ гостей былъ извѣстнѣйшій тамъ молла соккыр Эргип (слѣпой Архипъ). Увидавъ столъ полный яствами, священникъ просилъ очистить столъ, но выполнить его желаніе никто не рѣшался, изъ боязни нарушить обычай. Священникъ настаивалъ. Тогда Архипъ не вытерпѣлъ и заявилъ: Батюшка, какое тебѣ до насъ дѣло! Когда мы къ тебѣ приходимъ въ церковь, то не мѣшаемъ тебѣ: зачѣмъ же ты хочешь мѣшать намъ. Священникъ, обратясь къ нему, спросилъ: ты кто такой? Я Чувашинъ,—отвѣтилъ Архипъ.... Случай этотъ значительно возвысилъ Архипа въ глазахъ Чувашъ. Такъ какъ священникъ въ дальнѣйшія пререканія съ нимъ не вступилъ, то свидѣтели этаго столкновенія пришли къ тому заключенію, что еслибъ не было законнаго дозволенія совершать моленіе, извѣстное подъ именемъ сра чуклема, то священникъ давно бы слѣпаго Архипа сослалъ въ Сибирь.

(2) Чувашское житье-бытье. Рус. Вѣд. 1871 г. № 55.

Когда соберутся сосѣди, хозяинъ приноситъ ведро пива, — до этаго пиръ не начинается,—и ставитъ его на столъ. Въ приходѣ села Малой Шатьмы гости привѣтствуютъ хозяина, несущаго пиво, такими словами:

Креге перегетлэ болдыр! — Да будетъ столъ обиленъ!

Хози полн болдыр! — Хозяинъ да будетъ богатъ!

Мари йивыр болдыр! — Хозяйка да будетъ беременна!

Наливъ три ковша пива, хозяинъ беретъ одинъ себѣ, другой подаетъ гостю—родственнику изъ числа болѣе достопочтенныхъ, третій сосѣду; принявшіе, встав на ноги, подходятъ къ двери и, обратившись къ послѣдней лицемъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ читаютъ (въ Масловой) молитву, держа ковши съ пивомъ въ правой рукѣ, а подъ лѣвой мышкой шапку:

Е бисьмелле! Перь Тора анбрах, сьирлах! Пичькэ посьларымыр, тав туватпыр, сана посьсябтпыр: сьирлах пире! Эбир, сана азынэа, исьмэ сыра тупы хуназанэ, ял йыш валли. Перь Тора анбрах! Амин. Чук сьирлах! Сана шербэть, пире юсси.

Во имя Бога! Боже единый не оставь, помилуй! Бочку почали, поздравленіе дѣлаемъ, тебѣ покланяемся: помилуй насъ! Мы, чтобы тебя поминая, пить, для гостей и для деревенскихъ пиво сварили. Боже единый не оставь! Аминь. Чукъ (духъ жертвы) помилуй! Тебѣ шербеть (сладкое),—намъ—горькое.

По прочтеніи молитвы, чтецы ея садятся по мѣстамъ и выпиваютъ по три ковша пива подъ-рядъ, послѣ чего уже хозяинъ начинаетъ подносить пиво остальнымъ.

Изъ подвыпившихъ гостей кто разговариваетъ, а кто плачетъ, кто скачетъ, кто пѣсни поетъ съ присвис-

тываніемъ, притопываніемъ, хлопаньемъ въ ладоши подъ риѳму:

Хайт, хайт, темэзэнь,
Хайги тымар тапранмас,
Вадылмастып—вильмэстеп,
Ӱзӱрлмэстып, — ӱкмэстеп!

Хайтъ, хайтъ, не сказавши,
Этотъ корень... не встанетъ.
Не состарѣюсь, не умру,
Не опьянѣю—не упаду!

Попойки продолжаются сряду дня по три въ одномъ и томъ-же домѣ.

На прощаньи гости благожелательствуютъ хозяину:

Сыв полыр, пырза корыр, пирь-дэнь вара лаих изэр!

Будьте здоровы (прощайте), насъ посѣтите, послѣ насъ (т. е. по уходѣ нашемъ) пейте хорошенько!

Иные при этомъ затягиваютъ пѣсню:

Олыхрым сӱлэ тув синэ,
Андым Ярослав шыв синэ.
Ярослав шыве,—шербэть шыве.
Упьнэ вырtса шыв исьремь.
Эбирь шыв исьсэ тураначэнь,
Йобах тигазам ут полэсь.
Эбирь ыра сьинзэнэ йоратчэнь,

Поднялся я на высокую гору.
Спустился я на Ярославль—рѣку.
Ярославская вода—сладкая вода.
Легши внизъ лицомъ, я воду пилъ.
Пока мы воду пьемъ,
Сосуны жеребята (двухъ лѣтъ) будутъ лошадьми.
Еще прежде, чѣмъ заслужимъ чѣмъ либо добрымъ людямъ,

Ал'ры ачазэм да ар полесь.

Ручные дѣти будутъ большими.

Кильдем, кидем сяк килэ.

Пришелъ, взошелъ я въ этотъ домъ.

Тохса каймазыр узўрь полдым.

Не вышелъ — пьянъ сталъ.

Ай хай, тваным, тав сана!

Ай, хай, родной, спасибо тебѣ,

Пить йорададып эпь сана!

Я очень люблю тебя![1].

За эту пѣсню хозяинъ подноситъ гостю ковшь пива. Гость, выпивъ пиво, собственноручно наливаетъ ковшь и, подавъ хозяину, кланяется ему въ ноги. Хозяинъ въ это время развязываетъ свою мошну и, вынувъ изъ нее копѣйку, подаетъ ее гостю, говоря:

Перь бузў пинь сом полдыр. Сыв' бол, поян пол. ыра кор! Иккень вырtса, виссень турыр!

Твоя одна копѣика да превратится въ тысячу рублей. Будь здоровъ, будь богатъ, дай (Богъ) тебѣ видѣть добро! Ложившись вдвоемъ, вставайте втроемъ!

Гость прощается и ѣдетъ домой, продолжая дорогой распѣвать пѣсни. Послѣднія, какъ мнѣ не разъ доводилось слышать, распѣваются иногда на два голоса мужемъ съ женой, крайне мелодично. Возвращающіеся съ попойки привѣтствуютъ каждаго знакомаго, встрѣчнаго и семейныхъ, по входѣ въ избу, словами: Тав сана! на что имъ обыкновенно отвѣчаютъ: тавах[2]!

---

[1]) Сравн. Ознакомленіе съ фонетикой и формами Чувашскаго языка посредствомъ разбора и перевода оригинальныхъ Чувашскихъ статей. Воспитанника Казанскаго Частнаго Миссіонерскаго Пріюта Александра Ив. Добролюбова. Подъ редакціей Н. И. Золотницкаго. Казань. 1879 г. Стр. 46—47.

[2]) Тав—сана см. Словарь Н Ив. Золотницкаго стр. 215—216. Иногда при отвѣтѣ добавляется: тавахъ—ыра сумахне, или: тавах ыра сумагá, т. е. спасибо на добромъ словѣ.

Умолчаніе считается невѣжествомъ. Въ невѣжествѣ этомъ всего чаще изобличаются молодыя застѣнчивыя снохи — жены, которыя за то со стороны пьяныхъ свекровь и мужей подвергаются иногда побоямъ (1).

Хӳрь-сыры.

Хӳрь-сыры — дѣвичье пиво, дѣвичій пиръ. Въ Ядринскомъ уѣздѣ хирь сыры устраивается въ понедѣльникъ послѣ Масляницы ночью (2); въ Тетюшскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ дѣвичьи пиры начинаются въ декабрѣ до Рождества и продолжаются въ разныхъ селеніяхъ до самой Масляницы (3); въ Козмодемьянскомъ — на Масляницѣ (4). Устраиваютъ хирь сыры въ Ядринскомъ уѣздѣ всѣ дѣвушки и парни, достигшіе брачнаго совершеннолѣтія, для чего они собираются въ одну избу, куда приносятъ съ собой пива, которое въ сборной избѣ предварительно подсластиваютъ медомъ. Прежде, чѣмъ начинать пиръ, молятся (чуклессе) (какому духу?):

Сыырлах! Ялда хирих хӳрь полдардар! Алла арзин полдыр!

Помилуй! Въ деревнѣ да родится сорокъ дѣвушекъ! Пятьдесятъ мущинъ да будетъ!

---

(1) Сравн. Чувашскіе разговоры и сказки, составленные Спиридономъ Михайловымъ. Казань. 1853 г. Стр. 17—19.

(2) Свѣдѣнія о справленіи хирь сыры въ Ядринскомъ уѣздѣ—нами заимствованы изъ рукописи на чувашскомъ языкѣ ученика Аликовскаго двух класснаго училища Константина Степанова, доставленной намъ Г. Филипповымъ.

(3) См. XIII приложеніе чувашско-русскаго Словаря, И. И. Золотницкаго. Казань. 1875 г. Стр. 227—235.

(4) Чувашски разговоры и сказки, составленные Спиридономъ Михайловымъ. Казань. 1853 г. Стр. 15.

Послѣ молитвы тотчасъ же начинается угощеніе пивомъ; когда пирующіе, подвыпивъ, спьянятся, заводятъ пляску и расходятся по домамъ на разсвѣтѣ (тол сьудылны чохне).

Олах (1).

По отъѣздѣ отцевъ и матерей куда-либо на попойку, въ домахъ ихъ, если есть взрослыя дѣвушки, въ зимнее время устраивается, такъ называемый у Чувашъ, олах—посидѣнки, на которыя собираются однодеревенскія дѣвушки и парни. Дѣвушки обыкновенно являются на олахъ съ своими канчалами (прялками), а парни — съ музыкальными инструментами. Кромѣ игръ и плясокъ на олах-ахъ поются пѣсни, сказываются сказки, загадки и прибаутки, по большей части эротическаго свойства; здѣсь же чаще всего возникаютъ между парнями и дѣвушками тѣ отношенія, послѣдствіемъ коихъ бываютъ внѣбрачные роды и дѣтоубійства. Любопытно, что дѣвушки, выступивъ на средину избы для пляски, предварительно молятся на иконы, а послѣ пляски дѣлаютъ низкій поклонъ музыканту. Мотивами для музыкантовъ нерѣдко служатъ русскія святочныя пѣсни,—напр. всѣмъ извѣстный „Чижикъ—Чижикъ“, и татарскіе напѣвы. Замѣчательно, что Чуваши, не отличаясь пѣвучестью, обладаютъ богатыми музыкальными способностями: дѣти лѣтъ 12—14 съ искуствомъ вторятъ на балалайкѣ гуслямъ, а на послѣднихъ—скрипкѣ(2).—Въ нѣкоторыхъ деревняхъ 2 стана Чебоксарскаго уѣзда олахи, начинаясь съ осени и въ продолженіи всей

---

(1) Олах собственно значитъ уединеніе; подъ этимъ именемъ у Чувашъ извѣстны сборища молодежи въ тихомолку, во время отсутствія родителей.

(2) Въ послѣднее время Чуваши (взрослые парни съ мальчиками лѣтъ 15-ти) стали появляться съ гуслями и скрипкой на улицахъ г. Казани.

зимы, собираются въ тѣ дни, когда у кого либо были топлены бани (а бани у Чувашъ топятся не по субботамъ, какъ у Русскихъ, а въ каждый день недѣли, смотря по надобности). Въ этихъ случаяхъ дѣвушки, кромѣ кончалы, несутъ съ собою въ баню лучину, а парни—лыки—плести лапти. Словомъ олах называется у Чувашъ и обыкновенное сборище дѣвушекъ—сосѣдокъ другъ къ другу, что чаще всего бываетъ во время отъѣзда старшихъ мужчинъ на какую-либо работу (1).

---

(1) Срав. Чувашскіе разговоры и сказки, составленные Спиридономъ Михайловымъ, переводчикомъ чувашскаго языка. Казань. 1853 г. Стр. 12—13. Этотъ трудъ С. Михайлова (Оттискъ изъ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1853 г.). Академикъ А. Куникъ ставитъ въ своемъ розысканіи: «О родствѣ Хагано-Болгаръ съ Чувашами по славяно-болгарскому Шенніку» (Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ. — Приложеніе къ XXXII-му тому Записокъ И. Академіи Наукъ. Спб. 1878 г. Стр. 160) во главѣ работъ при изученіи быта Чувашъ, при чемъ ошибочно считаетъ его, какъ и другіе, по неточному заглавію, сводна произведеніемъ природнаго Чувашина. Въ дѣйствительности Сп. М. Михайлову принадлежитъ только первая половина имѣющейся у меня подъ руками его книжки, озаглавленная: «Краткое этнографическое описаніе Чувашъ» (40 страницъ) и подписанная: «Козмодемьянскаго Земскаго Суда переводчикъ Чувашскаго языка Спиридонъ Михайловъ»; вторая же, на 63 страницахъ, безъ подписи автора, содержащая: «Чувашскіе разговоры, сказки, загадки и прибаутки» составлена проживавшимъ въ г. Козмодемьянскѣ русскимъ заштатнымъ священникомъ села Ишакъ Василіемъ Петровичемъ Громовымъ, какъ онъ мнѣ лично передавалъ объ этомъ. (См. мою ст. Дополнительныя свѣдѣнія о Спиридонѣ Михайловичѣ Михайловѣ. Каз. Губ. Вѣд. 1869 г.). Въ свое время В. П. Громовымъ былъ составленъ чувашско-русскій словарь и представленъ въ рукописи, если не ошибаюсь, въ Академію Наукъ. Списки съ этаго словаря до послѣдняго времени были распространены между духовенствомъ въ чувашскихъ селахъ, — родственниками В. П. Громова; однимъ изъ этихъ списковъ пользовался покойный авторъ Корневаго Чувашско-русскаго словаря, П. П. Золотницкій, ошибочно названный г. Куникомъ въ упомянутомъ розысканіи природнымъ чувашиномъ; П. П. Золотницкій былъ сынъ русскаго священника села Кошекъ, Чебоксарскаго уѣзда. Въ библіотекѣ Казанскаго Миссіонерскаго Пріюта хранится переплетенный рукописный сборникъ 60-ти катихизическихъ бесѣдъ В. П. Громова на чувашскомъ языкѣ, произнесенныхъ имъ въ церкви села Ишакъ въ 1850, 51 и 52-хъ годахъ. Въ

Въ посмертныхъ бумагахъ Н. И. Золотницкаго найдены мной слѣдующія пѣсни, распѣваемыя на Олахахъ:

1.

Айдыр, вуїя! Каяры?
Пойдемъ-те на игру! Идете-ли?

Вуїи кӳвинэ калари!
Давайте споемъ игровую пѣсню!

Вуїи кӳви—перь сомлых,
Игровая пѣсня — на одинъ рубль,

Ширин вуїи—сьӳрь сомлых.
Наша игра — на сто рублей.

виду этого замѣчу, что желаніе автора цитированной нами статьи: Религіозное состояніе Чувашъ въ Цивильскомъ уѣздѣ, г. Л-ва, чтобы въ селѣ Ишакахъ говорились Чувашамъ поученія на чувашскомъ языкѣ, выполнялось въ селѣ Ишакахъ еще въ 50-хъ годахъ. Къ сожалѣнію, о существованіи сборника бесѣдъ В. П. Громова, содержащаго, судя по оглавленію нѣкоторыхъ бесѣдъ, не мало этнографическаго матеріала, мы узнали поздно. По званію члена сотрудника И. Рус. Географ. Общества, В. П. Громовъ за многолѣтнія метеорологическія наблюденія въ Козмодемьянскѣ былъ удостоенъ Обществомъ серебряной медали.

Относительно чувашскаго текста въ книжкѣ С. М. Михайлова замѣчу, что 1), кромѣ неточнаго воспроизведенія гласныхъ звуковъ, во многихъ мѣстахъ текстъ искаженъ типографскими опечатками, а вольный русскій переводъ его, съ пропусками цѣлыхъ фразъ, лишаетъ возможности возстановить оный; 2) нѣкоторыя чувашскія фразы въ «Разговорахъ» сочинены по русски, напр., на стр. 5 .. хамырынъ кусялъ *ни* конуста, *ни* хыяръ полманъ (у самихъ (пропущено: нынѣшній годъ) *ни* капусты, *ни* огурцовъ не было); 16.. алзыне и сюзине иза (рукавицы *и* ножикъ взявши;.. *но* хуза ситьмѣ полыманъ, деть (*но* догнать не могли, говорятъ; 20... *и* холая онындан сюлмакшынъ (*и* городъ отъ него избавить) и т. д. Точно такіе же не чувашскіе обороты рѣчи замѣчены нами и въ упомянутыхъ бесѣдахъ В. П. Громова.

На стр. 23 и 24—25 С. М. Михайловъ и В. П. Громовъ между прочимъ производятъ слово вирь ялъ отъ вирь дуть на дудкѣ, наговаривать, колдовать, и въ подкрѣпленіе такого объясненія ссылаются на увѣреніе старожиловъ, будто: 1) верховые Чуваши (вирь ялъ) славились

2.

Эй, ыраш сьок, ыраш сьок,
Аксасын да, болас сьок!

Пирин ялда язар сьок,
Шьыразан да тобас сьок!

Эй, хлѣба(1) нѣтъ, хлѣба нѣтъ,
Хоть посѣешь,—не будетъ!

Въ нашей деревнѣ распутницъ нѣтъ,
Хоть ищи, — не найдешь!

3.

Ту айкки шугалах!
Шумастыр-ы, аппазем?
Йингезэнэ минь кирлинэ,
Бильместыр-и, аппазем?

Край горы трогайся!
Тронитесь-ли сестрицы?
Что нужно сестрицамъ,
Знаете-ли сестрицы?

въ старину волшебствомъ (?!); 2) низовые Чуваши (анатры) боятся верховыхъ, какъ опасныхъ чародѣевъ (?!); сами же они, напротивъ, считаются мирными людьми. По мнѣнію Е. А. Малова:

1) Вирь ялъ правильнѣе производить отъ татарскаго ورا (вара)—позади, за, внѣ,—вирьялъ будетъ означать: задняя деревня.

2) Анат-ры отъ татар انا, انه (ана)—тотъ, вотъ тамъ=та деревня; сравн. انا چاق (ана чакъ)—та сторона). Такимъ образомъ, быть можетъ, въ древнія времена одни Чуваши называли другихъ анатры, разумѣя подъ этимъ названіемъ не себя, а тѣхъ = вонъ тѣ, та деревня, не опредѣляя мѣста (въ отношеніи рѣки) — низовые или верховые, или въ отношеніи горъ и плоскостей.

3) Тарь. оставленное С. М. Михайловымъ, безъ объясненія, по «незнанію» его значенія (стр. 27)—или персидское تره (тарь)—свѣжій, влажный или инд., تار пальма — растетъ какъ финикъ и издаетъ изъ себя сокъ, употребляемый какъ хмѣльный напитокъ, называемый تار тарь. Чувашское тарь употребляется въ сказкахъ.

(1) Переводъ, кажется, не вѣренъ. Слово ыраш едва-ли здѣсь значитъ хлѣбъ. Намъ думается, это—страсть, любовь. Есть татарскій глаголъ ايراشمق (ирашмакъ) возбуждаться страстью. Отсюда ايراش (ирашъ) страсть. Не лучше-ли принять въ этомъ послѣднемъ значеніи это слово.

4.

Хора вурманда йор бор, дэть,
Йор аинчэ пор бор, дэть.
Анколяцыр, йигетсэм,
Хирих сьолги хирь бор, дэть!

Въ черномъ лѣсу снѣгъ есть, говорятъ,
Подъ снѣгомъ ледъ есть, говорятъ.
Не тужите, молодцы,
Сорокалѣтняя дѣвушка есть, говорятъ!

5.

Кадык пузык тимир' рэнь (2)
Шакка, шакка порда турымыр (2).
Отмыл сьолги карчыга (2)
Сава, сава хирь турымыр (2).
Тарын варын позиньчэ (1),
Хорама тымар аинчэ (1),

Хирь вурлаза выртрымыр (2)
Оба касьман вурмана (2)

Эбирь касьса кильдэмэр (2),
Сьӱрь хирь орлы кильдэмэр (2)
Хирле битьлэ хирь корма (2)
Мамык-ран миндер турымыр (2)
Питьнэ хымачь тытрымыр,

Изъ большаго куска желѣза
Стукъ — стукъ! топоръ сдѣлали.
Шестидесяти - лѣтнюю старуху
Любезничая, любезничая дѣвушкой сдѣлали.
Въ вершинѣ глубокаго оврага,
Подъ вязовымъ корнемъ,
Дѣвушку укравши, спали.
Въ непроходимый медвѣдемъ лѣсъ
Мы прошедши прибыли.

Черезъ сто полей прибыли
Красивую лицемъ дѣвушку смотрѣть.
Изъ пуху подушку сдѣлали,
Наволочку лентой зашили,

Хирле битьлэ хирь лартма (2).
Хире язар больче де (2).

Красивую лицемъ дѣвушку посадить (¹).
Дѣвушка оказалась распутной.

Осраза сын,—ял колать,
Вилерзэсын,—шар болать.

Сберечь (ее),—деревня (будетъ) смѣяться.
Убить (ее),—бѣда будетъ (²).

6.

Хозя хирьнэ хозялатса эпь кирем-и?
Анкир, йигеть, атте хаяр корзан ятле!

Къ купеческой дочкѣ хозяйничая, дай взойду я!
Не входи, молодецъ, сердитый отецъ увидитъ, бранить будетъ!

Сан азюна пызык падак тыттарам-и!
Хозан сьольнэ хам ктартса хам ярам-и?

Отцу твоему большой палкой пригрожу я!
Казанскую дорогу самъ показавши, спроважу (его)!....

Хозя хирьне хозялатса эпь кирем-и?
Анкир, йигеть, анне хаяр корзан ятле.

. . . . . .
. . . . . .
Не входи, молодецъ, сердитая мать увидитъ, бранить будетъ.

Сан аннӳнэ кадык чашка тыттарам-и!
Сьирла сьолнэ хам ктартса хам ярам-и!

Твоей матери разбитую чашку вручу я!
Самъ дорогу показавши, я пошлю (ее) за ягодами самъ!

Хозя хирьне хозялатса эпь кирем-и!

. . . . . .
. . . . . .

(¹) У Чувашъ, какъ и у Татаръ, гостямъ подъ сидѣнье стелются или продолговатыя подголовныя подушки, или войлока

(²) Пѣсня эта найдена въ бумагахъ И. И. Золотницкаго въ двухъ экземплярахъ. Одинъ изъ нихъ неполный. Нами выбранъ экземпляръ, записанный для И. И Золотницкаго учителемъ-чувашиномъ Васильемъ Васильевымъ.

Ангир, йигеть, пичче хаяр корзан ятле.

Сан пиччӯнэ кадык порда тыттарам-и!
Вурман сьолнэ хам ктартса хам ярам-и!
Хозя хирьнэ хозялатса эпь кирем-и?
Ангир, йигеть, йинге хаяр корзан ятле.

Сан йингӯнэ шылык чирес тыттарам-и!
Нӯхрэпь сьольнэ хам ктартса хам ярам-и!
Хозя хирьнэ хозялатса эпь кирэм-и!
Ангирь, йигеть, аппа хаяр корзан ятле.

Сан аппуна сьидик тоттыр тыттарам-и!
Чих видинэ хам лэсьсэ хам хобам-и!

Не входи, молодецъ, братъ (старшій) сердитый увидитъ, бранить будетъ.
Твоему брату тупой топоръ вручу я!
Лѣсную дорогу самъ показавши, я пошлю его!
. . . . . .
. . . . . .
Не входи, молодецъ, невѣстка сердитая увидитъ, бранить будетъ.
Твоей невѣсткѣ дырявый чирясъ вручу я!
Дорогу въ погребъ самъ показавши, пошлю (ее)!
. . . . . .
. . . . . .
Не входи, молодецъ, сестра (старшая) сердитая увидитъ, бранить будетъ.
Твоей сестрѣ худую тряпку вручу я!
Въ куриный хлѣвъ самъ проводивши, запру (ее)(¹)!

Село Бѣловолжское.
25 апрѣля, 1877 г.

(¹) Къ сожалѣнію конецъ этой пѣсни оторванъ.

ОЧЕРКЪ

РЕЛИГІОЗНЫХЪ ВѢРОВАНІЙ ЧУВАШЪ (1).

Въ чувашскихъ вѣрованіяхъ, вслѣдствіе столкновенія съ мухаммеданствомъ, а затѣмъ и христіанствомъ, произошла крайняя путаница. Въ настоящее время очень мало можно найти вѣрованій и обычаевъ, къ которымъ бы такъ или иначе не примѣшалось чего-нибудь изъ вѣрованій татарскихъ и русскихъ „отреченныхъ“. И тому, кто бы вздумалъ реставрировать чувашскую вѣру, трудно избѣжать ошибокъ, неправильныхъ обобщеній. Трудность эта отчасти увеличивается отъ того, что многое уже перезабылось самими чувашскими знахарями, и отчасти отъ того, что молодое поколѣніе, особенно грамотное, какъ справедливо замѣчаетъ Н. И. Золотницкій, „относясь къ языческимъ заблужденіямъ своихъ единоплеменниковъ съ понятнымъ пренебреженіемъ, всегда склонно собственными соображеніями восполнять пробѣлы миѳологическихъ фактовъ и самонадѣянно выдавать свои объясненія за непреложную истину“ (2).

---

(1) Настоящая статья священника села Кошекъ Чебоксарскаго уѣзда В. Я. Смѣлова, подъ заглавіемъ: «Нѣчто о чувашскихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ», была напечатана въ 20 № Извѣстій по Казанской Епархіи за 1880 г. Въ виду особеннаго ея интереса, съ согласія автора, она перепечатывается въ нашихъ «Матеріалахъ» съ поправками и дополненіями, сдѣланными самимъ авторомъ.

(2) Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ. Казань. 1877 г., стр. 6. Приведенныя изъ этой брошюры слова Н. И. Золотницкаго крайне не лишне имѣть въ виду при чтеніи составленной Законоучи-

Желая сколько-нибудь послужить дѣлу реставрированія чувашской вѣры, я рѣшился предать печати нѣсколько вѣрованій и легендъ, доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, еще не напечатанныхъ. При передачѣ этихъ вѣрованій я не буду вдаваться ни въ какія соображенія о происхожденіи и связи ихъ съ общимъ культомъ чувашской вѣры; ограничусь одними указаніями на мѣстность, въ которой слышанъ былъ разсказъ, или въ которой держится извѣстное вѣрованіе, или извѣстный обычай. Это указаніе мѣстности считаю необходимымъ для лицъ, желающихъ реставрировать чувашскую вѣру; оно поможетъ имъ ориентироваться въ матеріалѣ и безошибочно отнести одно къ Чувашамъ, другое къ совмѣстной съ Чувашами народности, имѣвшей относительное вліяніе на развитіе Чувашъ (1).

телемъ Казанской Учительской Семинаріи, свящ. Никифоромъ Каменскимъ по рукописямъ его учениковъ, безъ указанія селеній, изъ которыхъ они были,—книжки: Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чувашъ. Казань. 1879. В. М.

(1) Въ доказательство вліянія совмѣстной народности на вѣрованія Чувашъ можно привести много фактовъ. Ограничимся нѣсколькими. Такъ въ статьѣ свящ. Никифора Каменскаго: Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чувашъ», помѣщенной въ Извѣстіяхъ по Казанской Епархіи за 1869 годъ (изданы въ томъ же году отдѣльной книжкой), легенда о зломъ домовомъ—«Ахѣ» русскаго происхожденія. Различіе между русскимъ и чувашскимъ текстами легенды только въ томъ, что у Русскихъ вмѣсто Аха фигурируетъ нужда, а вмѣсто Ивана—Григорій. Здѣсь кстати замѣчу, что у Русскихъ въ сказкахъ счастливцы всегда называются Иваномъ, а горемыки—Григорьями. Есть и пословица: «Горе, когда мужъ Григорій, лучше хоть дуракъ да Иванъ». Но созвучію ли имени Григорій съ горемъ составилась такая пословица, или почему другому,—рѣшить не берусь. У Чувашъ же, сколько мнѣ извѣстно, счастливые носятъ имя Василія, а горемыки—Ивана. У о же Каменскаго говорится, что надъ могилой покойника Чуваши ставятъ срубъ. Но это дѣлается только у Чувашъ, склонныхъ къ магометанству—въ уѣздахъ Тетюшскомъ и Буинскомъ, и, очевидно, заимствовано у магометанъ. Въ другихъ мѣстахъ надъ головой умершаго вбивается одинъ только колъ; во время поминовенія умершаго около этого кола льется пиво и вино, бросаются кусочки яицъ и хлѣба. Въ Цивильскомъ уѣздѣ некрещеные Чуваши, а въ Кошелеевскомъ приходѣ многіе и изъ крещеныхъ не ѣдятъ свинины. Въ Цивильскомъ и Чебоксарскомъ уѣздахъ при мо-

По вѣрованію Чувашъ на землѣ 77 народовъ, 77 языковъ и 77 вѣръ. Каждому народу вѣра дана верховнымъ Богомъ. Какъ верховный Богъ раздавалъ вѣры другимъ народамъ,—разсказовъ не слыхалъ. Рус-

---

леньи «Карда путты» призываютъ Хурбана. Въ Ядринскомъ уѣздѣ Хурбана не знаютъ (стр. 94, 95, 116). Въ Кошкинскомъ приходѣ (Чебоксарскаго уѣзда) въ деревняхъ, ведущихъ знакомство съ Луговыми Черемисами, при чукляньѣ новаго хлѣба упоминаютъ Йолаш-амыш и Ой урташи. Первое имя непонятно (стр. 86), а второе составлено изъ чувашскаго ой—поле и черемисскаго урташ—оберегатель, что вмѣстѣ—хранитель поля. Въ Можаровскомъ приходѣ (Цивильскаго уѣзда), въ деревнѣ Быхтіяровой—Карымковѣ, склонной къ расколу, мнѣ привелось слышать слѣдующій разсказъ объ аллилуіа. Аллилуіа, говорилъ раскащикъ, была женщина. Когда Жиды ловили Христа, то онъ убѣжалъ въ домъ Аллилуіи. Аллилуіа въ это время сидѣла съ своимъ ребенкомъ и топила печку. Христосъ велѣлъ Аллилуіѣ ребенка бросить въ печь, а его самого взять на руки. Аллилуіа такъ и сдѣлала. Прибѣжали Жиды, спрашиваютъ, не видала-ли Христа? Аллилуіа указала на своего ребенка въ печи и сказала: вотъ Христосъ! Жиды посмотрѣли, повѣрили и ушли. По уходѣ Жидовъ Христосъ велѣлъ Аллилуіѣ вынуть ребенка изъ печи и воскресилъ его. Вотъ за это-то въ церкви и поминаютъ Аллилуію весьма часто. Въ деревнѣ Водаяль, Цивильскаго уѣзда, Ново-Чурашевскаго прихода отъ некрещенаго Чувашина слышалъ слѣдующій разсказъ о томъ: отъ чего зимой деревья, кромѣ ели и сосны, безъ листьевъ? Это по словамъ разскащика, произошло отъ того, что Христосъ, скрываясь отъ богатыхъ людей, хотѣвшихъ его убить за любовь къ бѣднымъ, прибѣжалъ въ лѣсъ и просилъ деревья спрятать его; всѣ деревья, кромѣ ели и сосны, спрятать Христа отказались. Вотъ за это-то лиственныя деревья и лишены на зиму покрововъ. Некрещеные Чуваши о Христѣ говорятъ, что Онъ, живя на землѣ работалъ безплатно на людей бѣдныхъ и жилъ у каждаго бѣдняка до его справы. Богатые, видя, что бѣдняки по милости Христа богатѣютъ и ускользаютъ отъ ихъ кабалы, рѣшились убить Христа и убили.

Въ Кошелеевскомъ приходѣ, состоящемъ изъ Чувашъ и Русскихъ, Чувашами исполняется не мало игръ заимствованныхъ у Русскихъ. Такъ, наприм., въ хороводахъ поютъ и играютъ:

Эбэрь вирьнэ акрымыр, акрымыр! — Ужъ мы просо сѣяли, сѣяли!.....

Въ селѣ Ядринѣ, Ядринскаго уѣзда, въ 50-хъ годахъ Чувашской молодежью была переложена по чувашски русская пѣсня и пѣлась съ приплясываніемъ:

Посѣяли дѣвки ленъ.....

скимъ же. Татарамъ и Чувашамъ вѣра была дана такъ.—Разъ Русскій, Татаринъ и Чувашинъ ночевали вмѣстѣ въ одной избѣ, и вотъ рано утромъ услыхали голосъ, совсѣ говорящій: идите, берите книгу и вѣру! Татаринъ, тотчасъ же надѣвъ калоши (пошмакзанэ), выскочилъ изъ избы первый, за что и получилъ книгу и три жены. За Татариномъ, надѣвъ сапоги, вышелъ Русскій и такъ же получилъ книгу и вѣру, но, какъ вышедшій вторымъ, получилъ одну жену. Чувашинъ-же, обуваясь въ онучи и лапти, замѣшкался. Богъ, подождавъ немного, бросилъ книгу и ушелъ. Вышелъ Чувашинъ, а книгу-то давнымъ-давно ѣдятъ корова и овца, и остался Чувашинъ безъ книги и закона, въ воли киремети и мірскихъ (тӳнчи) боговъ. У коровы же и овцы внутри выросла книга сьӳрь хот (сто листовъ (1). Впрочемъ, Чуваши отъ этого, какъ имъ кажется, не въ проигрышѣ. По смерти, говорятъ они, за неимѣніемъ у нихъ закона, верховный Богъ судить ихъ не станетъ; не почему, скажетъ.

Міромъ земнымъ, по вѣрованію Чувашъ, управляютъ мірской богъ (тӳнчи тора) и другіе меньшіе боги, завѣдывающіе извѣстною частію въ мірѣ. Верховный Богъ, раздавъ людямъ вѣры, удалился отъ дѣлъ. Развѣ когда—когда верховный Богъ пройдетъ по землѣ, или прямо съ неба поглядитъ на житье людей. Извѣстный метеоръ, въ видѣ раскрытія неба на мигъ (Квак Хопши), по вѣрованію Чувашъ, и есть тотъ моментъ, когда Богъ смотритъ на землю. Увидѣвшій этотъ метеоръ чего-бы ни попросилъ въ это время у Бога—получитъ. Такъ, говорятъ, одинъ Чувашинъ просилъ у Бога беремя телячьихъ лямокъ (пру пыявзэм перь сӳклэм), и у него развелось громадное стадо рогатаго скота (Срав. стр. 63). Верховный Богъ не всегда зна-

---

(1) Русскіе тоже называютъ желудокъ книгой, псалтирью. Разсказъ о раздачѣ вѣръ слышалъ въ Цивильскомъ уѣздѣ и въ сѣверной части Тетюшскаго уѣзда

етъ, что дѣлается на землѣ; такъ, если лѣшему удастся доконать человѣка въ четыре дня, то Богъ объ этомъ и не узнаетъ. За такое невниманіе верховнаго Бога и Чуваши ему платятъ той же монетой. Верховному Богу жертвы приносятся только во время бездождія и другихъ общественныхъ бѣдствій.

Изъ низшихъ боговъ, въ настоящее время, сравнительно съ другими богами, большимъ уваженіемъ пользуются слѣдующіе боги.

1) Повсемѣстно:

а) Ар сьоры—лѣшій. Лѣшій живетъ въ лѣсу и въ полевыхъ оврагахъ; онъ принимаетъ на себя образъ человѣка и животныхъ; больше всего его видятъ въ красной рубахѣ. Если кто захвораетъ на пути, или вскорѣ по возвращеніи съ дороги, то это лѣшій заломалъ. Въ умилостивленіе лѣшаго бросаютъ лепешки, дѣлаютъ изъ тѣста куклы, изображающія мущину или женщину, смотря по тому, кто боленъ. Чуваши, посадивъ куклы эти, въ лапоть, съ кашей бросаютъ на то мѣсто, гдѣ, по догадкамъ больнаго, приключилось нездоровье. До принесенія жертвы лѣшему негодится напутствовать больнаго, какъ-бы ни былъ онъ плохъ. Иначе больной умретъ (Срав. стр. 194).

б) Ирихъ. Йирихъ—большею частію какое-нибудь дерево, рѣдко старый анбаръ. Йирихъ посылаетъ наружныя болѣзни, особенно чирьи (¹). Въ жертву приносятся куски холста, серебряная монета, а для избавленія отъ чирьевъ — кружечки изъ олова. Кружечки эти предварительно накладываются на чирей (Срав. стр. 81. 82).

в) Вопкынъ. Вопкыну приписываются всѣ болѣзни скота и повальный моръ, на скотъ въ особенности. Въ случаѣ единичной болѣзни скота Вопкыну бросаются

(¹) Нѣкоторые говорятъ, что чирьи бываютъ отъ того, что человѣкъ помочился на золу. Русскіе опухоль паховыхъ желѣзъ (бобоны) приписываютъ тому, что человѣкъ переступилъ чрезъ шестъ.

сырыя яйца, а во время повальной болѣзни варятся пиво и каша, но непремѣнно такъ называемымъ „живымъ огнемъ“, добываемымъ чрезъ треніе кусковъ дерева другъ объ друга. Часть каши и пива ставится на столбахъ полевыхъ воротъ, остальное же съѣдается и выпивается участниками въ жертвоприношеніи (1). Во время варенія каши женщины и дѣвицы, надѣвъ чистое бѣлье, „городятъ вокругъ деревни желѣзную городьбу“ — опахиваютъ деревни (2). Тѣхъ безобразій, какія совершаются Русскими при подобномъ же обычаѣ, у Чувашъ нѣтъ (см. стр. 136). Они и опахиваютъ-то или рано утромъ, или къ вечеру до заката солнца. Нѣкоторыми приносится жертва Вопкыну и при первомъ выгонѣ скота въ стадо. При этомъ случаѣ скотина прогоняется еще чрезъ кочергу и помело затѣмъ чтобы скотина не бѣгала изъ стада и сама возвращалась домой. (Сравн. стр. 134, 135, 144, 145 и 146).

2) По мѣстамъ:

Тӳр-килли. Тур-килли по русски — домъ судьи. Это обыкновенно бываетъ анбаръ или конюшня, куда кладутся серебряныя деньги или прямо въ щели бревенъ, или въ кузовъ или въ кошелекъ. Деньги обыкновенно кладутся ночью и въ то время, когда неслышно никакого звука. Иначе пользы не будетъ. Въ нѣкоторыхъ

(1) Впрочемъ я недавно узналъ, что въ деревняхъ, склонныхъ болѣе къ христіанству, во время падежа скота жертвы приносятся великому Богу, міркому богу и матери боговъ (Тор Амышна). Въ этихъ деревняхъ приносить жертву Вопкыну считается грѣхомъ. Кровь жертвенныхъ животныхъ выливается на огонь для того, чтобы запахъ крови достигъ до боговъ. Во время совершенія жертвы отправляются въ село Ишаки служить молебенъ, на возвратномъ пути не забываютъ и своей церкви. Желѣзная городьба тоже городится.

(2) Въ Тетюшскомъ уѣздѣ кромѣ этого еще прогоняютъ скотину подъ землей; для этого гдѣ нибудь на берегу оврага вырывается подземный ходъ и сквозь его прогоняется скотина. При выходѣ изъ подземелья по обѣимъ сторонамъ его разводится огонь, разведенный «живымъ огнемъ». Срав. Краткое извѣстіе объ идолопоклонническомъ заблужденіи Чувашъ, обитающихъ въ Каз., Симбир. и Оренбургской губерніяхъ. Казан. Вѣстникъ. 1827 г. Ч. XX. Кн. V, стр. 46—54.

мѣстахъ Тетюшскаго и Цивильскаго уѣздовъ, по истеченіи года, жертвенныя деньги собираются хозяиномъ строенія и, смотря по суммѣ, на нихъ покупается какое нибудь животное, солодъ, хмѣль, варятся пиво и каша и все это поѣдается и выпивается цѣлымъ околодкомъ, среди котораго находится тӳр-килли. Въ домѣ, гдѣ находится тӳр-килли, въ случаѣ женитьбы сына, женятъ и тӳр-килли: дѣлаютъ женскую куклу, сӳпсэ (липовую кадку, замѣняющую сундукъ) съ бѣльемъ и кусочками холста, а въ случаѣ отдачи дочери въ замужество куклу отправляютъ вмѣстѣ съ дочерью особымъ свадебнымъ поѣздомъ. Такъ разъ въ Тогаевскомъ приходѣ, Чебоксарскаго уѣзда, изъ села Тогаева отправили куклу въ деревню Собачкино сосѣдняго Кушниковскаго прихода. Почитающіе тур-килли приносятъ ему жертву и у себя въ дому (*); жертва состоитъ изъ

(*) Чувашинъ не каждый молится всѣмъ богамъ, а только тѣмъ, которымъ пріучили отцы и дѣды. Такъ, напр. если у кого отецъ и дѣды ходили только въ Ишаки, но не были въ селѣ Багильдинѣ и городѣ Цивильскѣ, то и сынъ или внукъ пойдетъ только въ Ишаки и столько разъ и съ такими деньгами (случается, что вмѣсто денегъ даютъ кухратки), сколько и съ какими ходили дѣдъ и отецъ. Далѣе, если отецъ, вмѣсто того, чтобы идти въ Ишаки, обѣщанныя деньги клалъ въ часовнѣ или бросалъ въ извѣстное мѣсто въ полѣ, то тоже самое дѣлаютъ и сынъ и внукъ. А то дѣлаютъ и такъ: обѣщавъ помолиться въ Ишакахъ или другомъ уважаемомъ мѣстѣ, деньги назначенныя на это, бросаютъ тайно къ сосѣдямъ или къ своимъ недругамъ По вѣрованію Чувашъ съ этими деньгами непремѣнно переходитъ и самая болѣзнь или извѣстное несчастіе; а хозяинъ дома, въ который брошены деньги, не избавится отъ болѣзни или несчастія до тѣхъ поръ, пока не найдетъ эти деньги и не отнесетъ ихъ туда, куда онѣ были обѣщаны бросившимъ ихъ. Въ Цивильскомъ уѣздѣ къ этимъ деньгамъ нашедшій прибавляетъ отъ себя тоже количество и именно той же монетой, какой найдены и снова бросаетъ въ другой домъ, или несетъ въ то мѣсто, куда, по догадкамъ йомзи, онѣ были обѣщаны первымъ бросившимъ. Случается, что эти деньги обходятъ всю деревню, нарастая въ количествѣ, и достигаютъ рублей 10 ти. Нашедшій послѣднимъ, если находитъ для себя выгоднымъ, приложивъ еще 10-ть руб., броситъ къ сосѣдямъ или въ другую деревню, — бросаетъ, а не то самъ отправляется съ этими деньгами на богомолье; въ послѣднемъ случаѣ сумму удваивать не нужно. Это какъ-бы замѣняетъ потеря времени и подво-

гуся, или утки, въ бульонѣ которыхъ варится каша. Жертвоприношеніе совершается со всѣми предосторожностями относительно тишины. (Сравн. стр. 78, 79, 81, 82).

Другихъ боговъ Чуваши чествуютъ только при моленьи новаго хлѣба и моленіи о дождѣ, но и то уже не всѣхъ. Въ настоящее время самый доточный совершитель чуковъ упоминаетъ имена только 35 боговъ, а въ прежнее, старое время упоминали 77 боговъ (1). Ну, отъ того-то и въ народѣ всего стало меньше, со вздохомъ говорятъ старики.

О происхожденіи боговъ обстоятельныхъ разсказовъ слышать не приводилось. Сколько ни спрашивалъ объ этомъ стариковъ, всѣ отзывались незнаніемъ. Одинъ старикъ въ Кошкинскомъ приходѣ говорилъ мнѣ со

да. Впрочемъ, нынѣ Чуваши говорятъ, что ишакинскій богъ строже наблюдаетъ свой интересъ—чаще хватаетъ (а подбрасываніе денегъ не всегда достигаетъ своей цѣли) незнай отъ того, что устарѣлъ, незнай отъ того, что разбогатѣлъ.... Какой богъ хватилъ—опредѣляютъ йомзи.

(1) Съ водвореніемъ среди Чувашъ христіанства, Чуваши и св. иконы, и домашнія и церковныя, стали считать за боговъ. Домашней иконой Чувашинъ дорожитъ, и, придерживающійся язычества, ни за что не рѣшится обмѣнять икону, хотя бы она вовсе полиняла. Незнай каковъ будетъ новый богъ, можетъ быть злой, говорятъ они. Года три назадъ въ Кошкинскомъ приходѣ былъ вотъ какой случай.—Приходитъ ко мнѣ Чувашинъ и проситъ позволенія поставить икону на колокольню. На мой вопросъ—что икона постарѣла? Чувашинъ отвѣтилъ, что нѣтъ. Такъ зачѣмъ же, спросилъ я? Ко мнѣ пришла сноха вдова, говоритъ онъ, и принесла съ собою свою икону, и вотъ теперь боги живутъ между собою не въ ладу, захватили мою жену, глаза у ней заболѣли, но который изъ нихъ захватилъ мою жену—не знаю. Незнай свой осердился на чужаго, незнай сношининъ хаярдарах—позлѣе, вѣдь солдатскій онъ (мужъ снохи былъ солдатъ и жилъ по христіански). Ставилъ свѣчи обоимъ, — не помогаетъ. И, не смотря на сдѣланныя мною разъясненія о св. иконахъ, онъ заставилъ сноху продать икону, иначе, говорилъ онъ, я тебя и держать у себя не буду. Предъ иконами жертвъ не приносятъ, ставятъ только свѣчи, впрочемъ предъ иконами въ часовняхъ, а также предъ церквами бросаютъ кусочки хлѣба и льютъ вино. Когда ставятъ свѣчи, то непремѣнно упоминаютъ свое имя, отчество и деревню. Иной разъ напоминаютъ и о томъ, какія свѣчи они постоянно ставятъ.

словъ своего дѣда, что шестиногая пчела — богъ произошла изъ пупка великаго бога (1), а остальные боги отъ дочери великаго Бога, бывшей въ замужествѣ. Но за кѣмъ была дочь великаго Бога въ замужествѣ, также на комъ боги переженились и откуда взялись у нихъ прислужники—отвѣта не далъ (2). Равнымъ образомъ и о происхожденіи міра и человѣка полныхъ разсказовъ слышать не приводилось. Только о сотвореніи птицъ мнѣ привелось слышать слѣдующій разсказъ. Илья — богъ былъ сиднемъ до 30 лѣтъ. Разъ отецъ его съ помочанами ушелъ корчевать лѣсъ; Илья, какъ сидень, остался дома. Предъ обѣдомъ приходитъ въ избу великій Богъ съ „Херле сьиремъ“ и проситъ напиться. Илья сказалъ, что у отца есть пиво, да некому принести. Богъ велѣлъ принести ему самому. Илья, какъ молодой ребенокъ, пошелъ и принесъ ведро пива. Богъ велѣлъ Ильѣ выпить самому, и Илья выпилъ ведро безъ отдыха. Богъ велѣлъ принести еще ведро и выпить. Илья опять выпилъ все ведро; принесъ третье ведро и выпилъ только половину. Богъ спросилъ Илью: чуетъ-ли онъ въ себѣ силу? Илья сказалъ: какъ бы у земли была скобка, то онъ приподнялъ-бы ее. Ну, довольно съ тебя сказалъ Богъ и ушелъ. Когда приспѣло время обѣда, Илья взялъ подъ мышку 40-ведерную бочку съ пивомъ, котелъ каши, хлѣба и пошелъ къ помочанамъ. Отецъ, мать и помочане всѣ диву дались. Послѣ обѣда, когда всѣ рабочіе легли отдыхать, Илья сталъ корчевать лѣсъ: возьметъ дубъ за вершину, выдернетъ и броситъ въ рѣчку; пока помочане спали, Илья побросалъ въ рѣчку столько дубьевъ, что вода въ рѣкѣ вышла изъ береговъ и стала заливать помочанъ. Послѣ этого Илья пошелъ отыскивать

---

(1) У Русскихъ тоже толкуютъ, что пчелы вышли изъ пупка истиннаго Христа во время Его страданій на крестѣ.

(2) Одна старуха говорила мнѣ, жалуясь на свою бѣдность, что родимый мой богъ видно плохой; онъ никого не побѣждаетъ, и я никого не побѣждаю.

себѣ лошадь, но долго не находилъ: лишь положитъ руку на лошадь, а лошадь и спотыкнется. Узналъ Илья, что у одного Чувашина есть хорошій жеребенокъ, пошелъ осмотрѣть жеребенка; хорошъ; но въ цѣнѣ не сошлись. На другой день Илья послалъ отца дать Чувашину просимую имъ цѣну; но жеребенокъ за ночь выросъ съ самую большую лошадь, и хозяинъ запросилъ новую цѣну. Черезъ недѣлю въ цѣнѣ сошлись, и Илья, сдѣлавъ себѣ желѣзную—шапку въ 40 пудовъ и палку въ 10 пудовъ, поѣхалъ по всему свѣту. Вотъ на пути онъ увидалъ слѣпаго старичка, разговорился съ нимъ про силу. И говоритъ старичекъ: а ну-ка, дай мнѣ свою руку. Илья вмѣсто руки далъ ему свою палку. Старикъ пожалъ палку, и палка затрещала и сплюснулась. А ну-ка, дай я тебя обниму, говоритъ старикъ. Илья подошелъ и преподнесъ старику свою шапку; старикъ обнялъ шапку—не поддается; ну, ничего, говоритъ, кость у тебя здоровая, будешь паттыр (богатырь). Послѣ этого Илья поѣхалъ дальше и наѣхалъ на гнѣздо соловья. Соловей этотъ былъ большой—пребольшой: гнѣздо у него было на семи вѣтлахъ и свистъ его слышенъ былъ за семь верстъ. Илья бросилъ въ соловья палку и отшибъ ему крыло; бросилъ шапку и придавилъ; затѣмъ разсѣкъ его на части, и изъ каждой части мяса выросли птицы; изъ большихъ частей—большія птицы, изъ малыхъ—малыя, а изъ кусочковъ сала выросли: шингорсъ, сара кайык и другія желтыя птицы (1). Послѣ этого Илья недолго жилъ на землѣ, уѣхалъ на небо, и теперь гоняетъ и

---

(1) Что за птица шингорсъ—не знаю. По описанію Чувашъ, птица эта желтая, съ красной пояской, величиной съ воробья.—Сара кайык—желтянка. Чувашскіе дѣти, провожая въ Ѳоминно Воскресенье Пасху, поютъ:

Сар' кайык, сар' кайык!
Пирин Мун-гона пырза изэ кай!
Улум сьӧла пирин Оргаза пырза изэ киль!

Желтянка, желтянка!
Придя и унеси нашу Пасху!
На будущій годъ приди въ нашъ Оргасъ (село Кошки) и (опять) принеси!

бьетъ шайтана. Но какъ и когда Илья уѣхалъ на небо,—объ этомъ узнать не могъ: позабыли, говорятъ.

Всѣ несчастія, по вѣрованію Чувашъ происходятъ отъ того, что люди плохо уважаютъ боговъ, мало даютъ имъ жертвъ, обманываютъ ихъ, давая имъ вмѣсто животныхъ пряники съ изображеніемъ животныхъ (оргамак), вмѣсто серебра—нухратки. Случается, говорятъ, что несчастія посылаются богами вслѣдствіе клеветы, ябедничества людей. Въ посланіи бѣдъ боги, какъ кажется, не всегда придерживаются справедливости; часто караютъ совсѣмъ невиннаго—иной разъ безъ всякой цѣли, а иной разъ отъ того только, что не нападутъ сразу на настоящаго виновника. Вотъ объ этомъ два разсказа. Разъ великій Богъ ходилъ по землѣ съ богомъ Николой (по другому разсказу съ Херле Сьиремъ) и заплутался. Увидавъ дымокъ, разстилавшійся надъ оврагомъ, Богъ великій предположилъ, что въ оврагѣ есть какое нибудь жилье, и послалъ туда бога Николу справиться о дорогѣ. Никола пошелъ и увидѣлъ въ оврагѣ баню; изъ бани слышались голоса; тамъ была роженица съ бабкой. Никола, считая баню за избу, вздумалъ прямо войти въ баню; но лишь только отворилъ дверь, какъ бабка налетѣла на него съ крикомъ и вѣникомъ. „Куда, куда Русскій идешь!“ закричала бабка и ударила Николу вѣникомъ. Богъ Никола возвратился къ великому Богу въ сердцахъ и упросилъ великаго Бога, за оскорбленіе, нанесенное ему бабкой, не давать счастія новорожденному. И вотъ, вслѣдствіе этой-то просьбы, у новорожденнаго тотчасъ померли родители, скотъ, а затѣмъ сгорѣлъ домъ со всѣмъ добромъ, а хлѣбъ въ полѣ выбило градомъ. И новорожденный изъ богатаго мальчика сталъ бѣднякомъ и началъ кормиться милостыней. Подросши, онъ сталъ наниматься въ работники, но и здѣсь, не смотря на его прилежаніе, не было ему счастья. Въ домъ, въ который онъ нанимался, тотчасъ же съ его приходомъ

шло несчастіе за несчастіемъ, и хозяева его прогоняли. Припечалился молодецъ. Разъ ему явился старичекъ (по словамъ однихъ старичекъ этотъ Херле Сьирь, а по словамъ другихъ — самъ великій Богъ) и велѣлъ ему наняться въ пастухи къ одному богатому Чувашину; за пастьбу брать не деньгами, а приплодомъ— и въ первый годъ выговорить черныхъ ягнятъ и телятъ, а во второй—бѣлыхъ. Молодецъ такъ и сдѣлалъ. И въ первый же годъ его пастьбы у Чувашина, его хозяина, весь приплодъ былъ черный, хотя до этой поры у него черной скотины вовсе не было. Во второй годъ приплодъ былъ весь бѣлый. Хозяинъ, продержавъ два года, прогналъ его отъ себя; приплодъ отдалъ. Давъ подрости скоту, молодецъ погналъ его на продажу. Разъ, когда онъ со скотомъ отдыхалъ у рѣчки, случилось великому Богу съ богомъ Николой снова быть на землѣ и заплутаться. Никола, увидавъ стадо, пошелъ къ нему спросить о дорогѣ; полюбовался и подивился на скотину, и, прійдя къ великому Богу, спросилъ его—чей это скотъ; такого хорошаго скота я доселѣ ни разу не видалъ, говорилъ Никола. Великій Богъ сказалъ, что скотъ того самого ребенка, при рожденіи котораго его, Николу, бабка обидѣла. Нѣтъ, Господи! сказалъ Никола, я просилъ тебя не давать ему счастія, отними же у него скотину. Богъ согласился и послалъ моръ на скотъ, и къ вечеру изъ всего стада не осталось ни шерстинки. Взвылъ молодецъ. Въ утѣшеніе ему опять явился старичекъ и велѣлъ идти въ извѣстную деревню, выпросить у жителей заброшенный кусокъ земли и посѣять на немъ рожь. Молодецъ послушался и сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему старичекъ. Рожь уродилась на славу. Но..... предъ самой жатвой увидѣлъ рожь Никола, и, узнавъ, чья она, снова упросилъ Бога лишить молодца счастія. Богъ исполнилъ просьбу Николы, послалъ градъ и отъ всей ржи осталась самая малость. Пуще прежняго взвылъ молодецъ. Въ утѣшеніе ему опять явился старичекъ и говоритъ: сожни оставшуюся рожь, обмолоти,

сдѣлай солоду, крупы, свари пиво и кашу, сдѣлай „чуклемэ“ (моленье новаго хлѣба), позови сельчанъ и всѣхъ прохожихъ и подчуй всѣхъ. Молодецъ такъ и сдѣлалъ. И вотъ въ самый разгаръ попойки невдалекѣ шли великій Богъ съ Николой и сбились съ дороги. Никола пришелъ на попойку спросить о дорогѣ. Молодецъ принялъ его со всѣмъ радушіемъ и угостилъ, какъ слѣдуетъ. Никола, довольный угощеніемъ, упросилъ Бога дать молодцу всѣ свои милости. Но кто этотъ молодецъ, спросилъ Никола. А тотъ самый, говоритъ Богъ, при рожденіи котораго тебя оскорбили. Ну, нечего дѣлать, все-таки дай ему всѣ милости, ужъ черезъ чуръ хорошъ человѣкъ-то, сказалъ Никола. И съ этой поры молодецъ разжился такъ, что равнаго ему по богатству не было никого (1).

Въ Кошелеевскомъ приходѣ, Цивильскаго уѣзда, въ деревнѣ Мундыръ (Шептахова), на границѣ уѣзда, есть киреметь. Въ старину киреметь эта была весьма зла; бывало, если проѣзжій не скажетъ ей привѣтствія, то заломаетъ его. Теперь же устарѣла, не все видитъ и слышитъ, теперь можно и жертвой обмануть; не догадается. И не будь у ней зятя въ Буинскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, — житье Чувашамъ было-бы съ пола-горя. Зять, пріѣзжая въ гости на тройкѣ рыжихъ лошадей (2), распрашиваетъ ее о житьѣ, велитъ показать получаемыя жертвы. Жертвы оказываются большею частію обманными, о чемъ зять и докладываетъ. Киреметь въ сердцахъ кидается то на того, то на дру-

---

(1) Разсказъ слышалъ въ Цивильскомъ и Тетюшскомъ уѣздахъ. У Чувашъ и теперь есть обычай угощать всякаго, и вовсе незнакомаго. Не предложить хлѣба, а во время попойки — пива считается великимъ грѣхомъ.

(2) Сормпнская киреметь, Ядринскаго уѣзда, говорятъ, ѣздитъ на бѣлыхъ коняхъ; колокольчики, бубенцы и телѣга золотая. — См. объ этомъ въ ст. Замѣтка о Пугачевскомъ бунтѣ — В. К Магнитскаго. Казанск. Губерн. Вѣд. 1866 г. № 17.

таго. И, говорятъ, бѣда попасть въ это время на умъ киремети,—раззорить жертвами.

Чуваши весь міръ считаютъ обиталищемъ таинственныхъ силъ, болѣе имъ враждебныхъ, чѣмъ благожелательныхъ, они вездѣ и вовсемъ видятъ для себя бѣду, а потому постоянно ходятъ подъ страхомъ и во всеоружіи разныхъ, по ихъ мнѣнію, специфическихъ средствъ. Средства эти подъ часъ бываютъ весьма дики.—Такъ, если роженица долго не разрѣшается отъ бремени, то присутствующія при этомъ старухи садятся на печь, свѣсивъ ноги на сторону устья печи. Одна изъ нихъ беретъ лапотную колодку и кочедыкъ, а другая веретено и канчалу (палка, утвержденная въ донцѣ, замѣняющая русскій прядильный гребень) и начинаютъ этими орудіями стучать, приговаривая: если ты мальчикъ, то выходи скорѣе лапти плести, а если дѣвочка, то—прясть. И стучатъ и кричатъ или до рожденія младенца, или до тѣхъ поръ, пока подвѣшенная подъ мышки роженица придетъ въ безпамятство; ну, тогда гонятъ за попомъ. Если младенецъ родится плохъ, съ едва замѣтными признаками жизни, то, разложивъ на полу огонь, жгутъ мѣстечко, не отрѣзывая пуповины.

Если у кого-нибудь не живутъ дѣти, то перемѣняютъ имена. Дѣло это происходитъ или порядкомъ, описаннымъ Н. И. Золотницкимъ (Корневой Чувашско-Русскій Словарь. Стр. 173), или гораздо проще. Кумъ, или кума, уговорившись съ родителями на счетъ имени младенца, отправляются крестить. Послѣ крещенія, при входѣ въ домъ съ новокрещеннымъ, отецъ и мать спрашиваютъ кумовьевъ, какъ имя? Кумъ, или кума (у Чувашъ бываютъ по одному воспріемнику) называютъ имя, уговоренное, а не данное при крещеніи. Любимыми и какъ-бы магическими именами при этомъ считаются: Хорась, Пизѵкъ, Олай и т. д. послѣднимъ именемъ называютъ и пестрыхъ собакъ. Подъ этими именами новорожденные живутъ въ семьѣ, слывутъ

на деревнѣ, а имя, данное при крещеніи, остается въ однихъ оффиціальныхъ актахъ.

Въ случаѣ кражи, и если подозрѣніе падаетъ на кого-нибудь изъ сосѣдей, для отысканія вора прибѣгаютъ къ слѣдующему средству. — Берутъ отъ семи киреметей воды, и на этой водѣ приготовляютъ ржаной кислый хлѣбъ, созываютъ сосѣдей, а иногда и цѣлый околодокъ деревни, и заставляютъ каждаго ѣсть этотъ хлѣбъ. По вѣрованію Чувашъ, воръ хлѣбъ этотъ ѣсть не рѣшится, а если и съѣсть, то его заломаетъ такъ, что онъ отъ смерти не отдѣлается ничѣмъ. Впрочемъ, объ этомъ средствѣ мнѣ привелось слышать только разъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, а употребляютъ-ли его въ другихъ мѣстахъ—не знаю.

Умершихъ запахиваютъ (одѣваютъ) лѣвой полой (по верхъ правой). Въ Тетюшскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ при выносѣ покойника изъ избы всѣ, кромѣ носильщиковъ, выходятъ изъ избы и останавливаются на дворѣ. По выносѣ покойника изъ избы, одна изъ женщинъ осыпаетъ его мукой, а другая, вбѣжавъ въ избу, вынимаетъ изъ очага до—красна накаленный камень, кладетъ его на то мѣсто, гдѣ приходились ноги покойника, а потомъ, выйдя на дворъ, бросаетъ въ воротахъ въ слѣдъ уносимому покойнику и въ лице умершихъ родственниковъ, припедшихъ съ кладбища для встрѣчи своего сородича. Если не бросить камень, то, говорятъ, который-нибудь изъ умершихъ родственниковъ заберется въ домъ, и снова кто-нибудь умретъ.

Возвратясь съ кладбища Чуваши поминаютъ умершаго; неотъемлемая принадлежность поминальнаго стола вареная курица. Во время поминокъ кто-нибудь изъ родственниковъ относитъ на мазарки (мѣсто, куда бросаютъ щепы отъ гроба, бѣлье, въ которомъ умеръ умершій), чиряъ (кадочку) съ пивомъ, часть куринаго мяса, каши, блиновъ. Это дѣлается потому, что умершій вмѣстѣ съ родственниками приходитъ съ кладбища уго-

щаться. Если этого не сдѣлать, то какъ умершему, такъ и живымъ семейнымъ шибко достанется отъ умершихъ за напрасный путь. Такъ мнѣ недавно въ приходѣ разсказывали слѣдующее. У одного Чувашина померла жена; возвратясь съ клалбища, онъ, какъ живущій по христіански, жену по чувашски не поминалъ, и на мазарки ничего не выносилъ. И что же, говорятъ, пришли умершіе родственники на мазарки, и, не найдя ничего, принялись бить умершую и Вѣрукъ (Вѣра—имя умершей) макра, макра кайны—ушла, заливаясь слезами.

Въ продолженіи шести недѣль, каждый вечеръ четверга или пятницы, поминаютъ умершаго. Поминки эти дѣлаются такъ: въ домъ умершаго собираются родственники и знакомые, каждый ставитъ свѣчу или предъ иконами, или къ стѣнѣ около избной двери, потомъ отламываетъ кусочекъ каждаго кушанья, бросаетъ въ чашку, а въ чирясь отливаетъ пива и вина, и при этомъ говоритъ (въ Чебоксарскомъ уѣздѣ), упомянувши имя умершаго: омынчэ болдыр, т. е. предъ N да будетъ! въ Цивильскомъ и Тетюшскомъ уѣздахъ—N пильту—благослови! (т. е. принявъ приношеніе, не оставь насъ своимъ благословеніемъ). Отложенные куски и пиво или отдаются собакамъ, или относятся на мазарки. Затѣмъ поминки совершаются въ семикъ на могилахъ, въ теченіи трехъ лѣтъ и на Пасхѣ и осенью—дома, до тѣхъ поръ, пока родъ существуетъ.

Умереть взрослому холостымъ, или дѣвицею, считается большимъ несчастіемъ. По вѣрованію Чувашъ, умершіе холостыми должны будутъ жениться на дочеряхъ Эсрелэ, а дѣвицы должны будутъ выйти за мужъ за самого Эсрелэ (Срав. стр. 141,142).

По вѣрованію Чувашъ, жизнь людей со смертію не прекращается, умершіе и по смерти живутъ тѣмъ же обычаемъ и порядкомъ, какимъ жили и здѣсь. Богатый и по смерти богатъ, коштанъ (ходокъ по дѣламъ, кляузникъ) и по смерти коштанъ. Худая доля выпадаетъ только бѣднякамъ и ворамъ. Воры, по мнѣ-

нію Чувашъ, должны будутъ возвратить хозяевамъ все уворованное, до уплаты же будутъ находиться у нихъ въ услуженіи. Бѣдняки и на томъ свѣтѣ будутъ нуждаться. Вслѣдствіе такого взгляда на загробную жизнь, Чувашинъ о ней мало и заботится; изъ нихъ есть такіе резонеры, которые говорятъ, что только здѣсь было-бы житье, а тамъ хоть санные полозья изъ насъ дѣлай, въ полномъ убѣжденіи того, что оставшіеся родственники, поминая ихъ богато, снабдятъ ихъ всѣмъ нужнымъ (Чуваши вѣрятъ, что все приносимое покойникамъ поступаетъ въ распоряженіе покойниковъ). Вся забота Чувашина въ здѣшней жизни не о приготовленіи къ жизни будущей, а о возвышеніи и упроченіи своего рода: тӳттӳм ансивиндыр—чтобы избной дымъ не похолодѣлъ (не прекратился). Для этой цѣли онъ и работаетъ и копитъ деньги, отказывая себѣ даже въ улучшенной пищѣ. Въ случаѣ, если доводится умирать бездѣтнымъ, Чувашинъ передаетъ свое имущество или постороннимъ, или родственникамъ, но не всѣмъ въ равной части, а кому-нибудь изъ нихъ больше. Получившій большую долю, по смерти завѣщателя, переноситъ къ себѣ въ домъ его икону и тѣмъ самымъ какъ-бы замѣщаетъ умершаго и принимаетъ на себя обязанности умершаго къ избному богу и предкамъ.

Было-ли и есть какое-нибудь болѣе конкретное представленіе о загробной жизни у Чувашъ—язычниковъ—не знаю. Всѣ легенды о загробной жизни, извѣстныя у Чувашъ въ настоящее время, очевидно не чувашскаго издѣлія. Происхожденіемъ своимъ онѣ обязаны магометанству и христіанскимъ апокрифамъ, проникшимъ въ массу русскаго народа. Здѣсь не могу не привести разсказа Чувашина деревни Погашъ, Тогаевскаго прихода, Чебоксарскаго уѣзда, дающаго нѣкоторое понятіе о представленіи Чувашами загробной жизни. Правда, это бредъ больнаго (1), но за неимѣніемъ

(1) Чувашинъ этотъ вслѣдствіе долгой болѣзни впалъ въ обморокъ, и очнулся уже тогда, когда его выносили изъ избы для погребенія. Чу-

другихъ свѣдѣній, на него можно смотрѣть, какъ на присущее нѣкоторымъ Чувашамъ представленіе о загробной жизни.

На томъ свѣтѣ, какъ видно, говорилъ разкащикъ, меня не ожидали. На самой дорогѣ изъ здѣшняго міра стоятъ двѣ конторы. Взошелъ въ одну коптору, сидятъ писаря да пишутъ; спрашиваю: куда мнѣ идти? Мнѣ говорятъ: поди въ другую контору, тамъ справься; мы здѣсь записываемъ только родившихся. Прихожу въ другую контору, тамъ писаря не пишутъ, а только зачеркиваютъ (хорадассе); это значитъ, какъ зачеркнутъ чье имя, такъ тотъ и умретъ (¹). Спрашиваю: куда мнѣ идти? А мнѣ говорятъ: ты откуда? Я говорю: Покровской волости, Чебоксарской губерніи, деревни Погашъ Степанъ! Писаря посмотрѣли въ книгу и говорятъ: ты еще рано пришелъ, для тебя только еще мѣсто и лѣсъ приготовили; вотъ когда выстроятъ домъ, тогда и потребуютъ. Вотъ, посмотри для тебя работаютъ воры, кравшіе у тебя добро; добра у тебя много будетъ. Смотрю: на самомъ дѣлѣ, трое возятъ лѣсъ на моихъ лошадяхъ, годовъ десять тому украденныхъ. Одного вора призналъ изъ села Ковалей; страшный былъ воръ. Лѣсу навожено уже много; въ одномъ мѣстѣ лежитъ куча табаку; это, говорятъ, табакъ, украденный у тебя на базарѣ и возвращенный умершими ворами. Смотрю дальше: стоитъ какъ бы круподерная мельница; подошелъ поближе и вижу, какъ на круподеркѣ, устроено колесо, усаженное ножами, вокругъ колеса стоятъ грѣшники, въ колесо запряжены лошади и Эрелэ ихъ подгоняетъ; колесо вертится и насквозь прорѣзываетъ грѣшниковъ. Крикъ какой—бѣда! не стерпѣлъ, ушелъ дальше. Вижу—виднѣется деревня,

---

ваши погребеніемъ умершихъ крайне торопятся; и нѣтъ никакой возможности продержать покойника до трехъ сутокъ.

(¹) И по вѣрованію магометанъ на небѣ два ангела; одинъ изъ нихъ записываетъ раждающихся, а другой зачеркиваетъ умирающихъ.

и такъ въ ней хорошо, не ушелъ-бы; на улицѣ все березки и на дорогѣ березки. Ангелъ сказалъ: это свѣтлое мѣсто; эдакихъ мѣстъ много, вотъ и то мѣсто, на которомъ для тебя построятъ домъ, будетъ такое же. А теперь ступай, скорѣе ступай домой, а то тебя похоронятъ, сказалъ мнѣ ангелъ. Указавъ мнѣ дорогу, ангелъ ушелъ въ контору. Я пошелъ; и вотъ на встрѣчу мнѣ солдатъ изъ нашей деревни ведетъ тройку лошадей. А, говоритъ, дядя Степанъ, здорово! Пойдемъ, выпьемъ вина одну косушку. Нѣтъ, говорю, домой тороплюсь. На часъ, говоритъ, отсюда недалеко. И такъ просилъ, просилъ меня..... но я не послушался, и хорошо сдѣлалъ; прихожу домой, а меня уже изъ избы выносятъ. Какъ-бы запелъ выпить, такъ бы отпѣли и зарыли....

29 Мая, 1881 г.
Село Кошки.

Чувашскія слова, не вошедшія въ „Корневой Чувашско-Русскій Словарь“ Н. И. Золотницкаго, или объясненныя въ немъ иначе.

Амин (еврейское)—вѣрный.

Анат—тотъ, оный, (нижній низовый).

Вирь—повади, за, внѣ, задній (степь, верховый).

Вирьле (татарск. برلان) —съ, вмѣстѣ съ....; употребляется въ соединеніи съ другимъ словомъ; напр. хуна вирьле—общество гостей, собраніе гостей, компанія.

Вирьмече — праздникъ для изгнанія изъ домовъ болѣзней.

Вирэм—опухоль, чахотка, вередъ.

Вот — шатеръ, новая кибитка.

Инэри—коровье молоко, полученное отъ первыхъ удоевъ отелившейся коровы для совершенія „чука“ (жертвоприношенія).

Йива—шарики изъ тѣста (колобки), приготовленные для угощенія славельщиковъ во время „Соргоры“.

Йигеть—молодой человѣкъ, молодецъ, парень.

Йиран борозда, гряда въ огородѣ; леха. Йиранъ сюклесъ, кажется, поднимать, или открывать наготу. Слово йиранъ принимаемъ въ значеніи татарскаго چيركن чиргянъ, отъ чирикъ چيرك грязь нечистота.

Йирих—зелень (еврейское).

Йомсынны—навороженный.

Йосман — замѣшенная на крови тонкая лепешка для принесенія въ жертву „киремети“.

Йырыз—см. Рыз.

Казян—женскій половой органъ (въ Ядринскомъ уѣздѣ); спина (въ Чебоксарскомъ уѣздѣ).

Какка — испражненіе, нечистота, зло.

Камалзыр—бѣдный, несчастный, безродный, бездомный, безхозяйный.

Кодын — своеправный, упрямый, неуступчивый; сдача (въ Цивильскомъ уѣздѣ); неустойчивый въ словѣ.

Кодынла—

Креге — столъ, уставленный кушаньями.

Кышкар—вьюшка; лубочный, круглый бездонный коробъ для навивки пряжи. Наклеска у телѣги.

Марда—рой пчелъ (татарское).

Меркемес — состраданіе, сожалѣніе, милосердіе; сподобившійся милосердія Божія,—умершій; праздникъ для изгнанія изъ домовъ болѣзней.

Меслэт—власть, воля.

Ниш—ужаленіе, уязвленіе, жало; дѣтская хилость (болѣзнь).

Омыр—жизнь.

Падьян—бадья, большая деревянная чашка.

Пилик (еврейское—пелекъ) — участокъ, область, часть душеваго земельнаго надѣла.

Плем — ватрушка изъ кислаго тѣста, намазанная толченымъ конопляннымъ семенемъ, разведеннымъ водой или молокомъ.

Пыгыт—дальній, отдаленный.

Рзя—податель жизненныхъ потребностей.

Рыз—тайна.

Сехмет—трудъ, забота; боль, вредъ.

Сьураськма — примиреніе, поминки. Сьюразясь мириться ; Сьюразю—миръ.

Сьурэнь рыжій (о лошади); изгоняющій.

Сьутмах—рай, небо.

Сынгерь — укрѣпленіе, завалъ, баррикада.

Сыхла гур. Сьырлага бар, хур. } Нѣкоторые думаютъ, что сьырлага хур можно переводить такъ: положи на помилованіе. Здѣсь, очевидно, слово хур берется какъ глаголъ хор, хур—класть, положить, а сьырлага принимается за имя существительное въ дательномъ падежѣ. Или же принимаютъ слово хур въ смыслѣ приносить, ввести (кӯрь) и въ этомъ случаѣ выраженіе сьырлага хур переводятъ: введи въ помилованіе. Но справедливѣе эти выраженія принять за два глагола: сьырлах—миловать и кор—смотрѣть. Хур, гур=кор, кур значитъ смотри, а сьырлага есть форма дѣепричастія, или герундіумъ. Эта дѣепричастная форма составляется изъ 2-го лица повелительнаго наклоненія, единственнаго числа, чрезъ прибавленіе наращенія а=сьырлах—сьырлаха или сьырлага. Посему выраженіе сьырлага кур будетъ означать: милуя воззри! Или: помилуй! Сыхла гур (кор) —сохраняя смотри! Или: внимательнѣе стереги ! Или: пожалуйста помилуй! Пожалуйста сохрани ! Сравн. татар. بازاكور (язакюрь) сдѣлай одолженіе, пожалуйста пиши! (¹).

Тарь—пальма; ростетъ какъ финикъ и издаетъ изъ себя сокъ, употребляемый какъ хмѣльный напитокъ, называемый тари; свѣжій, влажный.

Танды кӯпса — бѣлоголовики, дягили.

Таянчик — свадебный подарокъ молодымъ въ

(¹) См. Грамматика Турецко-Татарскаго языка Мирзы Казем-Бека. Казань. 1839 г. стр. 291. § 343.—Практическое руководство къ изученію татарскаго языка Махмудова. Казань. стр. 173.

день брака отъ родителей жениха; подпора, подержка — طايانچاق

Твам — мочь; могущественный; богатый, имѣющій большое состояніе.

Тэтти—сладость, добро, причастье.

Тверъ — кровное родство, семья, родъ.

Тутрешка—½ часть загона (ана), въ Чистопольскомъ уѣздѣ.

Улача (татар. آلا пестрый, آلاچه полосатый, آلاجه разноцвѣтный; бумажная матерія изъ крашеныхъ питокъ, съ преобладающимъ синимъ цвѣтомъ)—пестрядинная одежда.

Упра — великая (богиня).

Уяв—бодрствованіе.

Хаймалан—обогащать.

Хайман—карманъ (въ Ядринскомъ уѣздѣ).

Хачмак—розвилки для снятія съ обраченной невѣсты фаты (пургэнчек).

Хыймалу — ватрушка изъ тонкаго сочня прѣснаго тѣста, намазанная смѣсью изъ кислаго молока, пшеничной или полбеной муки и яицъ.

Чар—повелѣніе, указъ, приказъ.

Черге—чарка для питья водки.

Чинрау—яма, котловина, жилище душъ умершихъ.

Шадын—темная сила, злой духъ, бѣсъ.

Шай—шарикъ изъ воска или хлѣбной корки, привязываемый йомзями на нитку во время ворожбы; шай — счастіе, удача.

Шингорс—названіе желтенькой птички, съ красной пояской, величиною съ воробья.

Ынжырт—названіе болѣзни, приключающейся отъ прохода мимо ссорящихся.

Ыраш — страсть, любовь.

Юлаш—выкупъ, освобожденіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе.	I—V.
I. Киреметь	1—11.
Йомзя (Знахарь, знахарка) . . .	11—18.
II. Легенда объ изобрѣтеніи земледѣлія .	18.
Ага дуй. Праздникъ весенней пашни.	18—21.
Сабанъ . . у Чувашъ и у Татаръ .	21—23.
Обряды передъ посѣвомъ	23—24.
Ага путты (Моленье по случаю окончанія весенней пашни)	24—25.
Ой (уй) чуге (Моленье объ урожаѣ хлѣбовъ)	25—32.
Сьомыр чуге (Моленье о дождѣ) . .	32—34.
Сьинзэ Постъ по случаю беременности	34—37.
Сипкса земли у Чувашъ и у Черемисъ.	37—40.
Кража земли и воды	40—43.
Авый путты (Моленье по окончаніи молотьбы)	43—45.
Киль йыш путты (Моленье запасомъ новаго хлѣба)	45—49.
Хирѣ сорт путты (Жертвоприношеніе домовому)	49—52.
Кард йыли путты (Моленье о благополучіи домашняго скота)	52—54.
Шыв' пимире (Моленье о неоскудѣніи воды)	54—56.
Сра чуклэни (Моленье всѣмъ духамъ, управляющимъ земнымъ міромъ). . .	56—92.
Хорт чуге (Моленье о благополучіи пчелъ).	92—95.
Инэ ырры чук (Моленье о благополучіи отелившейся коровы)	95—96.

Стран.

Соргоры (Дѣтскій благодарственный праздникъ за урожай хлѣбовъ) . . . 97—99.
Шойтан эрни (Чертова недѣля = Святки). 100—101.
Сьув' арни (Масляница) . . . 101—103.
Калым кон (Перед-пасхальный чувашскій праздникъ) . . . . . 103—108.
Нигис путты (Моленье по случаю закладки фундамента для дома) . . . 108—110.
III. Хор чук (Жертвоприношеніе гуся) . 110—113.
Виль тавраш (Моленье объ отвращеніи „порчи") . . . . . 113—119.
Сьын хыдым (Моленье объ отвращеніи моровой язвы) . . . . . 119—120.
Причак (Присяга, Заклинанія) . . 120—123.
Тибь шаръ (Сухая бѣда) . . . 123—126.
Вирьмече, или Вирэм . . . . . Празднества по случаю изгнанія изъ домовъ болѣзней. . . 126—128.
Сьурэнь. . . 128—133.
Вопкын чукляни (Моленье о прекращеніи скотскаго падежа) . . . . 134—135.
Хирь аги (Опахиваніе деревень для огражденія отъ моровой язвы) . . . 135—137.
Болѣзни и ихъ лѣченіе . . . 137.
Лѣченіе оспы . . . . . 138.
— золотухи . . . . . 138—139.
— боли въ поясницѣ . . . 139.
— ушибовъ . . . . . 139.
Ача ишшэ (Дѣтское худосочіе) . . 140—142.
Ынжырт (лѣченіе тошноты и рвоты) . 142—143.
Наговоры: Сьол хаяре чильги (Отъ несчастія въ дорогѣ) . . . . . 143—144.
Вопкын чильги (отъ боли въ животѣ) . 144—146.
Ійэ, вубур, шадын чильги (Отъ ломоты). 146—148.
Сьумуллых чильги (Отъ „глаза") . . 148—149.
Соран чильги (Отъ порѣзовъ рукъ, ногъ и т. д.) . . . . . 149—150.
Сьулэнь чильги (Отъ ужалѣнія змѣй) . 151—152.
Хирсь вурынны чильги (Отъ внезапно приключившейся болѣзни) . . . . 152.

Лажана сынна толлаган чильги (Для замѣшательства нападающаго или убѣгающаго врага) . . . . . 153.
Уштаган сумах (Приворотный) . . 154.
Сыведэген сумах (Отворотный) . . 155—156.
Средства удаленія мертвецевъ (духовъ) отъ больныхъ . . . . . 156—158.
Похороны . . . . . 158—168.
Поминки частные семейные. . . 168—178.
— общіе годовые . . . 178—179.
а) Авдан сыры (Осенніе поминки) . . 179—182.
б) Сьорда гоне (Вешніе поминки) . . 182—185.
в) Семик (Лѣтніе поминки) . . . 185—187.
Сьурасьма (Поминки умершихъ до примиренія съ ними) . . . . . 187—188.
Камалзыр виле (Поминки безродныхъ). 188—189.
Загробная жизнь умершихъ. . . 189—193.
IV. Родины. . . . . 193—194.
Чон кӳрдэс (Выпрашиваніе души мертворожденному младенцу) . . . . 195.
Покупка новорожденныхъ дѣтей . . 196—198.
Истребленіе тройней . . . . 198—199.
Накидываніе горшковъ (для возстановленія способности къ дѣторожденію) . . 199.
V. Женитьба . . . . . 200—217.
Шарагат (Разводъ) . . . . 217—218.
VI. Христіанскія святыни, чтимыя Чувашами . . . . . 218—230.
VII. Хильлеги иске (Зимній пиръ) (попойка). 230—235.
Хирь сыры (Дѣвичій пиръ) . . . 235—236.
Олах (Посидѣнки) . . . . . 236—242.
Очеркъ религіозныхъ вѣрованій Чувашъ. Священника В. Я. Смѣлова . . 243—261.
Нѣсколько чувашскихъ словъ . . 261—265.

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
20.	ачизеээ	ачизенэ
31.	къ силу	къ селу
49.	вылихчирь-лихба	вылих—чирьлихба
79.	О Тӯр кикли	О Тӯр килли
—	петейнаго	питейнаго
100.	въ догунку	въ догонку
106.	везнепавидѣли	возненавидѣли
108.	топерь	теперь
110.	Турап малыхъ	туранмалыхъ
114.	па поверхности	внутрь
116.	сырлах	сьырлах
144.	противъ Вопкына.	противъ Вопкына.

2007056285